

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы.

Ч А С Т Ъ Х V I I .

М О С К В А , 1804.
Въ Унивѣрситетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Полова.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, укреж-
деннаго для Округа Императорскаго Мо-
сковскаго Университета.*

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ. 1804.

№ 17.

ЛИТЕРАТУРА И СМѢСЬ.

I.

Діогенова ботка.

Повѣсть, соч. А. Лафонтена.

(Съ Нѣмецкаго.)

Діонъ. Ты все останешься неправъ, любезной Діогенъ, хотя бы я во всемъ согласился съ тобою; рассказывая приключенія жизни своей, ты даешь имъ совсѣмъ другія краски; но естли послушать Философовъ — — —

Діогенъ. О! естли послушать Философовъ, то я не иное что, какъ тщеславной глупецъ, которой странностями хочетъ обратить на себя вниманіе всѣхъ Грековъ. Я рассказалъ тебѣ приключенія моей жизни; теперь суди, что необыкновеннѣе: онъ, или мой характеръ? Я думаю, приключенія.

Діонъ. Конечно, естѣли положитѣся на шьой слова. Однакожь въ моихъ глазахъ шы все не правъ. Что за странная мысль яинь въ бочкѣ! Признайся, Діогенъ, что шы хотѣлъ блеснуть своими зашѣями.

„О боги! блеснуть!“ вскричалъ Діогенъ, вспавъ съ мѣста и сложивъ печально руки. Онъ прѣшелъ назадъ и впередъ нѣсколь-ко разъ, опяшь сѣлъ подлѣ своего пріятеля, взялъ его за руку и говорилъ съ жаромъ: „Въ этой бочкѣ, другъ мой! прежде меня жили люди, и теперь еще живешъ человекъ, которой научился въ ней бытъ человекомъ. О! естѣли бы шы зналъ, что заставило меня поселиться въ ней, тогда екорѣе почелъ бы меня Платоническимъ энтузіастомъ, нежели глупцомъ тщеславнымъ. Клянусь, что я не хотѣлъ ни блистать, ни опличаться. Каждой разъ, бывая въ Коринѣ, провожу ночь въ бочкѣ, и орошаю ее горячими слезами.

Діонъ. Ты возбудилъ во мнѣ великое любопытство. Пожалуй разскажи мнѣ...

Діогенъ. Ты не забылъ еще, какъ оба мы жили въ Аѣинахъ. Послѣ отъѣзда швоего въ Азію, и я скоро простился съ Аѣинами. И что дѣлать мнѣ тамъ оставалось? Всѣ указывали на меня пальцами; я прослылъ чудакомъ за то — что не

хотѣлъ обобратъ богатаго Моруна ; евну-
хомъ — что не соблазнилъ дочери почтен-
наго моего хозяина, которая чувствовала
ко мнѣ склонность ; богоотступникомъ —
что двѣ мины, за которыя хотѣли до-
пустить меня къ тайнствамъ Элевзин-
скимъ, я отдалъ бѣдному семейству ;
шрусомъ — что я не хотѣлъ ложно прися-
гнуть для погубленія главнаго жреца,
моего непріятеля ; словомъ, я увидѣлъ
что былъ не на своемъ мѣстѣ и — от-
правился въ Коринѣ. Не думай, чтобы
я надѣялся найти тамъ другихъ людей:
нѣтъ ! я пошелъ въ Коринѣ для того,
чтобы попить у богатаго сластолюб-
ца Леонша, и между тѣмъ уговорить
его сдѣлать двухъ человѣкъ щасливыми.
Мнѣ удалось исполнить мое желаніе.
Леоншу было очень пріятно видѣть Діо-
гена, сидящаго съ нимъ за роскошною
трапезою, на которой стояло двадцать
разныхъ яствъ и столько же сортовъ винъ
самыхъ вкусныхъ. Я съ терпѣніемъ гло-
талъ ядъ ; но отъ того зависѣло благо-
получіе двухъ человѣкъ. И такъ я отпра-
вился въ Коринѣ, какъ сказано, на пиръ
къ богатому Леоншу.

Путешествіе мое также покажет-
ся тебѣ страннымъ — и не мудрено ; по-
тому что для меня всего обыкновеннѣе

видѣть молодыхъ Аѳинянъ, Спартанцевъ, Эпирошовъ, осшавляющихъ отечество для того, чтобы возвратиться домой повѣсами или нищими, обжорами или больными, чтобы надѣдать каждому разсказами о статуяхъ Діанина храма, или описаніемъ великолѣпной фелюки, на которой они имѣли честь гулять по морю съ какимъ-нибудь Сатрапомъ. А я предпринималъ путешествіе именно для того, чтобы попировать.

Діонъ. Гдѣ же бочка, бочка?

Діогенъ. Тотчасъ. Я сперва шелъ по дорогѣ; потомъ, оставивъ ее, нечувствительно взобрался на красивой холмъ, спустился въ долину и очутился на берегу моря. Что нужды? думалъ я: мнѣ не трудно будетъ берегомъ дойти до Коринѳа. На деревьяхъ и кустахъ вездѣ я находилъ для себя обильную трапезу; ночи проводилъ въ рыбачьихъ хижинахъ или на ушесахъ, и такимъ образомъ приближался къ Испмму. Наконецъ я зашелъ въ самую глубину ушесовъ, копорые просшираются черезъ весь перешеекъ; видѣлъ вонругъ себя высокія крупныя скалы, здѣсь и тамъ прохладныя долины, оѳняемыя дубами, дикими розовыми и другими кустами, межъ копорыми струились изшочники воды прозрачной; слы-

шалъ вдали шумъ морскихъ волнъ, разби-
вающихся о гранишной берегъ; не было
никакой дорожки, никакихъ слѣдовъ
ноги человѣческой. Я легъ подъ кустомъ
розовымъ и предался сладкой дремотѣ.
Вдругъ вѣтеръ заревѣлъ въ утесахъ, и
шумъ волнъ раздался на подобіе ударовъ
грома. Самъ не знаю, отъ чего вздумалось
мнѣ поспотрѣть на разъяренное море,
которое прежде много разъ видѣлъ. Взби-
раюсь на крутые утесы; но не вижу
моря; всхожу еще выше, выше, дости-
гаю вершины послѣдней скалы: но буря
уже миновалась, и море тихо колебалось
въ берегахъ своихъ; проглянуло солнце
красное, и я увидѣлъ внизу предъ собою
пріятную долину, окруженную гранита-
ми. Взоры мои летаютъ надъ долиною,
и встрѣчаютъ сидящую подъ кустомъ
женщину, которая держала младенца на
рукахъ своихъ. Не видно было никакой
хижины. Несчастная! ей, можетъ быть,
нужна помощь, подумалъ я, и сошелъ
внизъ. Приблизась къ ней, увидѣлъ мо-
лодую, прекрасную женщину, одѣшую въ
богатое платье. Незнакомка была одна;
не смолпя на то, прелести ея скрывались
подъ одеждою — а ты знаешь, что жен-
щина стыдливая все изъ меня можетъ
сдѣлать. На лѣвой рукѣ она держала

младенца ; правою брала изъ пазухи смоквы, и ѣла ихъ, омочая пищу свою слезами.

Она услышала шорохъ, посмотрѣла вокругъ, вскочила, затрепетала, протянула ко мнѣ руку, показывая, будто хочетъ ополкнущь меня, хотя я споялъ опъ нея не близко; потомъ искала взорами, куда бы уйти отъ меня. Я споялъ неподвижно и просилъ ее не бояшья. Незнакомка ничего не опвѣчала, но слезы ея полились еще сильнѣе. Я предложилъ ей свои услуги перевести ее черезъ утесы и возвратишьь людямъ. „Людямъ!“ повторила она со вздохомъ, и прижалась лицомъ своимъ къ дышати. Наконецъ мы познакомились. Она рассказала мнѣ въ короткихъ словахъ, что корабль, на которомъ ѣхала, разбился у здѣшнихъ береговъ, и что волны выбросили ее съ маленькимъ сыномъ на берегъ.

Я примѣнилъ, что другое несчастіе удручаетъ ее. Она равнодушно рассказывала о кораблекрушеніи; но при каждомъ словѣ, которое, по видимому, ничего не значило, а въ самомъ дѣлѣ имѣло отношеніе къ несчастнымъ ея приключеніямъ, жестокая гореснь раздирала ея сердце. Я соболѣзновалъ объ участи ея, и въ другой разъ предложилъ ей свою помощь. Она покачала головою, посмотрѣла на меня

съ недоувѣрчивостію и ясно дала мнѣ замѣнить, что боялась меня болѣе, нежели дикаго уединенія. Между тѣмъ солнце закатилось. „Сколько ни кажусь страшнымъ для тебя, я сказалъ ей съ усмѣшкою, однакожь ты позволишь мнѣ провести ночь въ твоемъ убѣжищѣ; не уже ли захочешь, чтобы я сломилъ себѣ шею между скалами?“

Она кинула взоръ на утесы и, ударивъ себя рукою въ лобъ, произнесла медленно: „какъ я несчастлива!“ „Праведные боги!“ вскричалъ я противъ воли своей: „какія злодѣйства поселили въ этой невинной душѣ столь мрачную недоувѣрчивость? Я человекъ; боюсь боговъ и уважаю друзей ихъ — несчастныхъ. Будь въ томъ увѣрена и ничего не опасайся!“ Въ самомъ дѣлѣ, говоря это, я сполько было пронуть, что на глазахъ моихъ навернулись слезы.

Она зарыдала и подала мнѣ руку; такимъ образомъ мы заключили свое знакомство. Я сыскалъ себѣ мѣсто для ночлега на одной сторонѣ между утесами; она укрылась на другой. По утру, мы опять сошлись на долину. Мнѣ хотѣлось узнать о небольшомъ ея хозяйствѣ. Взявъ ее за руку, я сказалъ съ чувствомъ состраданія: „какъ мнѣ жаль тебя! безъ

хижины, безъ крова, подвержена суровостямъ воздуха!“ Она улыбнулась и отвѣчала: „у меня есть хижина; ахъ! она прилична моему положенію.“ Тутъ она привела меня къ подошвѣ одного утеса, при которомъ лежала большая бочка, выброшенная на берегъ морскими волнами. „Вотъ мое жилище!“ Горестно смотря на постелю, сдѣланную изъ тростника и листьевъ древесныхъ; постелю, которую боги и злодѣянія людей опредѣлили для невинности. Я не могъ удержаться, чтобы не объявить ей моего мнѣнія. Слѣзы блеснули въ глазахъ ея, и мнѣ кажецца, что это были слезы благодарности. „При всемъ томъ я здѣсь несравненно щастливѣе,“ сказала она, „нежели когда была бы въ другомъ мѣстѣ.“

Я просилъ ее оставить дикую пустыню и идти со мною. Легкимъ движеніемъ головы она дала мнѣ знать, что не можетъ на то рѣшиться. Я усусубилъ мою прозьбу и услышалъ въ отвѣтъ, что она не въ силахъ предпринять путешествія по граничнымъ утесамъ. „Ахъ! продолжала она: дай мнѣ спокойно умереть здѣсь; мнѣ остается жить не долго.“ Теперь только я могъ примѣтить, чего прежде, не знаю по чему, не удалось мнѣ сдѣлать, что огонь погасъ уже въ

ея взорахъ, что розы поблекли на щекахъ ея. Теперь только съ ужасомъ я увидѣлъ томное, блѣдное лицо ея, которое улыбалось ко смерти; услышалъ слабый, тихій голосъ ея, которой, подобно пѣнію лебедя, возвѣщалъ близкую кончину.

Наше знакомство скоро превратилось въ нѣжную дружбу. Сердце ея примѣтно становилось искреннѣе. Она около часа уже сидѣла подлѣ меня и облегчала скорбь свою повѣствованіемъ о любви своей къ дитяти, и о томъ, какъ она занималась его судьбою. О! я съ радостію согласился бы просидѣть подлѣ нее цѣлой годъ, прижавъ руку ея къ моему сердцу, устремивъ взоръ на ея угасшіе глаза, чуждые нескромныхъ желаній, и слушать помной, но милой голосъ ея! Развѣ мало горестей боги посылаютъ намъ? Нѣтъ! надобно еще, чтобы люди съ яростію Фурій отнимали у невинности краткія минуты веселія, которыя въ удѣлъ ей достаются! — Приключенія этой женщины поселили во мнѣ ненависть къ человѣчеству; прежде я только насмѣхался надъ людьми, а тогда готовъ былъ проклинать ихъ. И эту перемену сдѣлала — бочка!

Діонъ. Ты еще не кончилъ. Расскажи мнѣ приключенія женщины.

Диогенъ. Въ одинъ прекрасной вечеръ я сидѣлъ на гранитномъ утесѣ подлѣ Хариклеи — такъ называлась женщина. Одною рукою она оперлась на плечо мое, другую положила на мое колѣно. Тутъ она рассказала мнѣ горестную свою исторію; повѣствованіе продолжалось до самой ночи.

Она родомъ изъ Андоса — небольшого острова въ морскомъ заливѣ; на пятнадцатомъ году вышла за мужъ за Калліаса, прекраснаго молодаго человѣка. Описывая щастливые дни первой любви своей и брака, на минушу забыла она горестъ настоящую. Нѣжная краска показалась на щекахъ ея; слабый лучъ веселія оживилъ ея взоры, грудь ея примѣтно поднималась подъ одеждою. Это служило доказательствомъ истинны словъ ея, когда она говорила, что чувственныя удовольствія не были однимъ изъ главнѣйшихъ ея наслажденій. Съ возторгомъ она вспоминала о пропекшихъ дняхъ блаженства и часто обращала къ морю радостныя взоры, какъ бы желая найти ту хижину, въ которой была сполько щастливою. Но когда дошло дѣло до претерпѣнныхъ злоключеній, огонь погасъ въ глазахъ ея и слезы полились ручьями. Она подне-

сла дитя къ лицу своему, омочила его слезами и покрыла поцѣлуями.

Цѣлой годъ протекъ въ невинности, добродѣтели, любви и щастіи. Мелонъ, богатый Коринѳянинъ, имѣвшій въ Андосѣ сельской домъ, увидѣлъ ее на праздникѣ. Красота Хариклеи плѣнила сластолюбца. Онъ предложилъ ей золото, жемчуги, драгоценные камни, помѣспья за одну ночь наслажденій — и его предложенія отвергнуты съ презрѣніемъ. Ему вздумалось похищать ее. Калліасъ настигаетъ его въ то самое время, когда злодѣй увлекалъ свою жертву; разгоняетъ невольниковъ, повергаетъ на землю робкаго похитителя и возвращается домой съ своею супругою. Вдругъ являють Калліаса къ суду, читають доказательствъ вины его, выслушиваютъ свидѣтелей, пожимають плечами, сожалѣють о нещастномъ жребіи Калліаса, совѣтуютъ ему во всемъ положишься на волю боговъ и, въ силу законовъ, отдають его Мелону въ вѣчное рабство. Мелонъ вырываетъ Хариклею изъ объятій супруга ея, котораго приказываетъ, ошягчивъ оковами, отправить въ рудокопни Коринѳскія на работу.

Сластолюбець предлагаетъ Хариклеѣ свободу мужа ея на постыднѣйшемъ условіи, достойномъ развращенной души его.

Любовь и цѣломудріе борются въ невинномъ сердцѣ. Хариклея въ нерѣшимости : она повергается къ ногамъ властелина судьбы мужа своего ; злодѣй улыбается и требуетъ пожертвованія непорочносію. Она обѣщается исполнить его волю, естли Калліасъ на это согласится ; отправляетъ вѣрнаго невольника съ письмомъ къ своему супругу. Калліасъ читаетъ письмо, блѣднѣетъ, возводитъ къ небу взоры. Онъ написалъ въ отвѣтъ слѣдующее : „Нѣтъ, Хариклея ! я знаю себя. Невѣрностію твоя спасетъ меня ; но ты не будешь спокойна во всю жизнь. Живи для твоего и моего младенца , залога любви нашей. За Стиксомъ увижу тебя вѣрною , непорочною. Прощай — за тебя умираю.“

Отдавъ письмо , Калліасъ бросился въ пропасть бездонную. Невольникъ возвращается, съ рыданіемъ рассказываетъ то , что видѣлъ, и отдаетъ письмо несчастной. Она въ отчаяніи падаетъ на землю. Пришедъ въ себя , бѣжитъ на площадь , рыдаетъ , кричитъ и пребудетъ правосудія. Народъ вступился за бѣдную. Мелонъ убѣжалъ въ Коринѣ и , въ обълітіяхъ прелестницъ , забылъ свое преступленіе. Хариклея рѣшилась сама ѣхать за нимъ и шамъ собственными руками

заклатъ злодѣя въ жертву тѣни своего супруга. Она беретъ сына и отправляется съ нимъ на корабль.

Одна горестъ, одно отчаянїе подкрѣпляло ея силы. Буря занесла корабль въ тѣсноу утесовъ и потопила всѣхъ, которые на немъ находились; одна Хари-клея съ сыномъ спаслась отъ погибели. Бочка, выброшенная на берегъ, была ея жилищемъ. Здѣсь провела она нѣскольکو недѣль, пинаясь плодами; силы ея отчасу ослабѣвали. Она съ ужасомъ представляла себѣ, что сынъ ея долженъ будетъ умереть голодною смертію, когда сама лишится жизни; отчаявалась, надѣялась; наконецъ, увидясь со мною, обрадовалась и не боялась уже, что сынъ ея умретъ отъ голода.

Вотъ крапкая испорїя эпои женщины! Я слабо и холодно изобразилъ тебѣ только главныя черты ея горести. О! естли бы ты слышалъ ея самую! естли бы видѣлъ, какъ она вдругъ вспавала съ мѣста, проспирала руки къ свѣплону мѣсяцу, жаловалась на боговъ, потомъ опять садилась подлѣ меня и, съ шихими вздохами, томнымъ, прерывающимся голосомъ продолжала свое повѣспованїе! естли бы ты видѣлъ, какъ она, вспо-мнивъ о своемъ супругѣ, въ испупленїи

бросалась ко мнѣ на шею, омочала лицо мое своими слезами и требовала отъ меня и отъ боговъ милости! Твердые границы смягчились бы ея жалобами, если бы могли понимать ихъ. Я, холодной, нечувствительной Діогенъ, которой надо всѣмъ насмѣхался, я самъ заливался слезами, какъ маленькой ребенокъ, лежалъ у ногъ ея, склонялъ печальное лице на грудь ея и въ сладостномъ умиленіи цѣловалъ ея руки.

Посмотри, Діонъ! я и теперь плачу, вспоминая объ этой ночи. Слушай далѣе. Мы жили на долинѣ, какъ будто Небо опредѣлило намъ быть заточенными между скалами. Ни одинъ разъ не приходило мнѣ на мысль желаніе съ нею разстаться. Я забылъ о свѣтѣ и провелъ цѣлой мѣсяцъ — счастливейшей въ моей жизни — въ семь тѣсномъ кругѣ скорби и сѣшванія. Здоровье Хариклаа часъ отъ часу изнемогало; каждое утро она выходила изъ своей бочки блѣднѣе и слабѣе; ея чувствованія каждой день становились тише и спокойнѣе. Часто я съ горестію и досадою смотрѣлъ на нее, сидящую въ глубокой задумчивости, сложивъ руки, съ печальною улыбкою; казалось, она внимала гласу смерти, которая готова была разлучить ее съ міромъ; смотрѣлъ, и

понималъ ее, когда въ безмолвныхъ мечтаніяхъ своихъ поднимала она вверхъ руки, клала ихъ на разперзанное сердце; пошомъ, прижавъ голову невиннаго младенца къ блѣднымъ губамъ своимъ, тихо произносила: „будь щасливъ!“

Такое для меня зрѣлище, такія впечатлѣнія продолжались цѣлой мѣсяцъ. Наконецъ силы совершенно оставили ее; она не могла уже встать съ одра болѣзни. Я сидѣлъ у ея постели, держалъ сына ея на своихъ колѣнахъ, и видѣлъ, какъ она умирала каждую минуту; ничего болѣе не видѣлъ, не слышалъ, не чувствовалъ, кромѣ ея смерти. Вся долина ничего болѣе не виѣщала въ себѣ, кромѣ плачевныхъ приключеній Хариклеи. О вы, живущіе въ шумномъ сѣнѣ! тысяча предметовъ развлекаетъ васъ, тысяча предметовъ удаляетъ васъ отъ зрѣлища человеческой бѣдности! а я сидѣлъ при Хариклеѣ, и ничего другаго не видѣлъ, кромѣ того, какъ смерть перерывала нити жизни ея, одну за другою; однѣ горестныя сненанія наполняли слухъ мой; одни угасающіе глаза были предметомъ моего зрѣнія. Я умиралъ каждую минуту вмѣстѣ съ нею.

Наконецъ Хариклея улыбнулась, подала мнѣ руку, взглянула на сына, вздохнула и — скончалась. Не буду рассказывать шебѣ, какимъ странностямъ я предавался послѣ ея смерти; теперь я слышу въ Греціи холодныиъ насмѣшникомъ, но тогда прослылъ бы сумазброднымъ мечтателемъ и фанатикомъ. Ненависть моя къ людямъ была безпредѣльна. Я поклялся на могилѣ Хариклея никогда не оставлять долины, умереть тамъ, гдѣ она скончалась, и скрыть отъ сына ея, что существуютъ на свѣтѣ другіе люди; они умертвили его родителей, следовательно онъ не могъ любить ихъ. Бочка Хариклея досталась мнѣ въ наследство. Ни одинъ сынъ Царскій не наследовалъ Престола отца своего съ такою гордостью, съ какою я вступилъ въ обладаніе бочкою, въ которой скончалась невинность. Сядя въ нее, я торжественно обѣщался самъ передъ собою, жить тамъ до моей старости. Ахъ, Діонъ! ни одной ночи я не провелъ въ бочкѣ безъ того, чтобы не сдѣлаться смиреннѣе, чувствительнѣе, терпѣливѣе. Казалось, что Геній добродѣтелей Хариклея: терпѣнія, кротости, доброты сердца, еще оставался на одрѣ ея смерти. Никогда я не ложился на постелью Хари-

клеи, не повторивъ клятвы своей быть столь же терпѣливымъ, столь же человѣколюбивымъ, кропкимъ и просердечнымъ, какъ эта женщина.

Время умѣрило печаль мою, а вмѣстѣ съ нею погасило во мнѣ ненависть къ человѣчеству. Я разсуждалъ о томъ, что должно дѣлать съ робенкомъ, котораго боги даровали мнѣ, и которой столько былъ дорогъ моему сердцу. Я зналъ и чувствовалъ, что праздное уединеніе не есть назначеніемъ для человѣка, хотя бы бѣды и несчастія ожидали его въ обществѣ. „Такъ!“ сказалъ я, прижимая дитя къ моему сердцу: „ты долженъ учишься терпѣнь, сынъ мой! ты долженъ жить между людьми! Наслѣдіе твоей матери, эта бочка, единственный памятникъ ея существованія, пусть научишь себя быть человѣкомъ; пусть научишь терпѣливо сносить то, чего избѣжать не можно!“

Едва успѣлъ я кончить, какъ вдругъ слышу человѣческой голосъ. Вижу лодку, приставшую къ берегу, иду на встрѣчу и нахожу Лаомедона, стариннаго своего пріятеля. Онъ удивляется моему пребыванію въ пустынѣ и предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Я пребую, что бы бочка, драгоценное наслѣдство моего

сына, взята была на корабль. Лаомедонъ смѣенся моею странности. „На что тебѣ бочка?“ спрашиваетъ онъ. — „Я живу въ ней; а человекъ не долженъ оставлять своего жилища.“ — Какая мысль! Діогенъ все шаковъ же, какъ былъ прежде!

Бочку мою взяли. Проспясь съ празномъ Хариклеи на ея могилѣ, я сѣлъ на корабль. Скоро мы очутились подлѣ Коринѳа. Меня съ мальчикомъ и бочкою высадили на берегъ, и выгрузили привезенные товары. Насъ окружила толпа любопытныхъ. Тутъ вздумалъ я о Мелонѣ, убійцѣ родителей моего мальчика, и вдругъ мысль о намѣреніи Хариклеи, опустить злодѣю, подобно вдохновенію боговъ, проникла мою душу, овладѣла ею. Я подкапиль бочку подъ шѣнистое масличное дерево, сѣлъ съ мальчикомъ на землѣ и дожидался вечера. Шумъ ушихъ; по захожденіи солнца, я легъ въ бочкѣ и заснулъ спокойно съ планомъ въ головѣ моей.

Между тѣмъ Лаомедонъ рассказывалъ въ Коринѳѣ о Діогенѣ и его бочкѣ.

На другой день, открывъ глаза, я увидѣлъ уже спящую около бочки толпу любопытныхъ, которые сморзѣли на насъ и шутили. Встаю, умываюсь, умываю мальчика, набираю плодовъ и

учу ходить моего сына. Это занимало всѣхъ, а мнѣ того - то и хотѣлось. Сперва подходилъ народъ и насмѣхался надо мною. Потомъ явились знаменитые граждане, осматривали бочку, останавливались, смѣялись, подходили ближе, спрашивали. Я давалъ отвѣты самые простые, по моему обыкновенію, и между тѣмъ освѣдомлялся объ имени каждаго посетителя. Наконецъ явился Мелонъ. „Ты называешься Мелономъ? ты сынъ Дизіаса?“ — Точно. — Я пристально смотрѣлъ на него. Онъ шупилъ надъ бочкою. „Эта бочка, пріятель дорогой!“ сказалъ я, „ближе къ тебѣ, нежели, можешь быть, ты думаешь. Ты ошдалъ бы за нее мраморные чертоги, съ тѣмъ только, чтобы провести въ ней хоть одну ночь такъ спокойно, какъ я живу уже цѣлой мѣсяцъ. Слушай!“ прибавилъ я: „если Фуріи вздумаютъ когда-нибудь напастъ на тебя съ своими пламенниками, то ожидай ихъ изъ этой бочки. Въ ней живетъ Діогенъ — и твое опчаяніе.“

Злодѣй смутился. „Если ты хочешь знать болѣе“, прибавилъ я, „то приходи ко мнѣ въ нынѣшнюю ночь; я расскажу тебѣ нѣчто. Онъ пошелъ отъ

меня въ глубокой задумчивости; по наступленіи ночи опять явился. Я хотѣлъ разтерзать его сердце. Оба мы сѣли подлѣ бочки, въ которой дитя уже спало. Ясной мѣсяцъ освѣщаль насъ. Можно было наблюдать лицо его. Я разсказалъ ему слышанныя тобою приключенія Хариклеи, не упоминая объ ея имени. Начало повѣствованія онъ слушалъ съ смущеніемъ, не прерывалъ продолженія и спановился часъ отчасу внимательнѣе. Я видѣлъ, какъ лицо его измѣнялось; видѣлъ, какого труда стоило ему казаться спокойнымъ. Взоръ его помрачился, когда я говорилъ объ отчаяніи несчастной по полученіи извѣстія о смерти ея мужа. Вдохъ насильно вырвался изъ груди его, не смотря на то, что онъ всячески старался удержаться. Наконецъ рѣчь дошла до послѣднихъ часовъ жизни Хариклеиной и ея смерти; онъ затрепеталъ, отворошился отъ меня, закрылъ рукою лицо свое и, казалось, утиралъ текущія слезы. „Здѣсь,“ говорилъ я, „въ этой бочкѣ скончалась несчастная.“ Онъ уныло взглянулъ на бочку. „Посмотри,“ продолжалъ я: на сіи доски градомъ падали ея слезы, слезы горести безконечной; въ семь мѣсяцѣмъ жилищѣ раздавались ея вздохи и

стенанія. Оставленная отъ всего свѣта, въ нищетѣ, въ изнеможеніи, въ отчаяніи, принужденная съ невиннымъ младенцемъ умирать голодною смертію, Хариклея скрывалась въ сей бочкѣ, копорая была гробомъ ея. Такъ, Мелонъ! между сими досками, надъ копорыми ты смѣешься, раздавалось смертное храпѣніе женщины, лишенной жизни отъ твоего злодѣйсва.“ — Я замолчалъ.

Мелонъ, опять взглянувъ на бочку, вскочилъ съ трепетомъ, показывая, что слышитъ нѣчто ужасное. „Слышишь ли?“ вскричалъ онъ голосомъ робкимъ. „Теперь понимаешь, я сказалъ ему, что у тебя есть совѣсть? Тихое дыханіе сына твоего кажется храпѣніемъ умерщвленной машери! Нигдѣ не скроешься отъ Фурій: онѣ гвѣздятся въ твоемъ сердцѣ; собственное твое дыханіе будетъ казаться тебѣ послѣдними вздохами умирающей Хариклеи.“ Мелонъ онѣмѣлъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Я схватилъ его за правую руку, сильно прищипилъ къ бочкѣ, и продолжалъ съ жаромъ: „Здѣсь я поклялся мстить за несчастную; здѣсь умерла она, здѣсь раздавалось послѣднее храпѣніе твоей жертвы. Злодѣй! ты слышишь его? вотъ казнь твоя! Въ этой ужас-

ной для тебя бочкѣ поселюсь въ Коринѣ, охотно возложу на себя должность Фурій, которымъ надлежитъ мучить тебя, убійца нечестивый! Теперь торжествуй, сластолюбецъ! усыпляй совѣсть свою забавами, музыкою, пирами! Я подкачу бочку свою передъ твои чертоги. Собесѣдники твои скажутъ со смѣхомъ: „вотъ Діогенъ съ бочкою!“ Тогда отчаяніе разольетъ желчь во всѣ твои члены; тогда сердце перевернется во внутренности твоей; тогда онѣмѣешь среди пированія и съ прелептомъ будешь взирать на предметъ твоего мученія.“

Мнѣ казалось, что Мелонъ не слышалъ послѣднихъ словъ. Онъ упалъ на бочку, обнялъ ее своими руками, зарыдалъ; потомъ, вставъ съ поспѣшностію, побѣжалъ изо всей силы. Я имѣлъ намѣреніе только опустить за несчастную; но сдѣлалъ болѣе — привелъ въ чувство злодѣя. Спустия два дни, ночью разбудилъ меня голосъ говорящаго человека. Это былъ Мелонъ. „Діогенъ!“ сказалъ онъ горестно: „ты разнерзалъ мою душу.“ Онъ наклонился къ младенцу, омочалъ его слезами и продолжалъ, всхлипывая: „О если бы боги возвратили жизнь родителямъ твоимъ, я купилъ бы ее себе“

ственной моею кровію! но постараюсь сделать то, что во моей власти. Отныне будешь моимъ сыномъ. Сими рукописаніемъ укрѣплю за мальчикомъ половину моего имѣнія и дѣлаю его своимъ наслѣдникомъ.

Это изумило меня. Я не могъ вѣрить дѣлающему сластолюбу, и не зналъ, что дѣлать, не смотря на всѣ доказательства любви Мелоновой къ невинному мальчкѣ. Между шѣми онъ разорвалъ связь съ прелестницами и началъ вести себя воздержно и крошко, безъ принужденнаго оказанія наружной честности, такъ что я опважился опидать ему мальчика и бочку. Я перешелъ къ нему въ домъ. Мелонъ поставилъ бочку въ самомъ скрышномъ мѣстѣ своего сада, сделалъ надъ нею кипарисовую бесѣдку, и большую часть дня въ ней просиживалъ. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ я распался съ нимъ, будучи совершенно увѣренъ въ его исправленіи.

По прошествіи неиногихъ лѣтъ, я послѣдилъ Мелона. Печаль его уже разсѣялась; характеръ важный и твердый занялъ ея мѣсто въ душѣ его. Сынъ Хариклеи любилъ новаго своего благодѣтеля съ дѣтскою нѣжностію. Я бросился въ объятія Мелоновы. „О Діогенъ!“ сказалъ

онъ : „какимъ драгоцѣннымъ подаркомъ
 шы наградилъ меня! Буря с. .растей уши-
 хаетъ; возникающая чувствѣнность исче-
 заетъ, когда прикасаюсь къ твоей бочкѣ.“
 Теперь минуло уже пашнадацашъ лѣтъ
 тому, какъ бочка поставлена въ саду
 Мелоновомъ; каждой разъ, бывая въ Ко-
 ринѣ, провожу ночь въ бочкѣ, и каждый
 разъ просыпаюсь умнѣе и чувствительнѣе
 въ семъ тѣсномъ вмѣстилищѣ, бывшемъ
 жилищемъ опчаянїя и добродѣтели.

Вотъ исторїя бочки, которая была
 причиною, что я прослылъ глупцомъ и
 чудакомъ. Да благоволятъ боги, чтобы
 каждой человекъ жилъ въ чертогахъ съ
 такою честїю для себя, какъ я въ
 бочкѣ! — Ахъ! смотри, какъ этотъ ~~бл-
 ной~~ юноша измучился подъ тяжелою
 своею ношею; мнѣ жаль его! помогу ему
 нести.

Діонъ. Пускай его несетъ одинъ! Ска-
 жи же мнѣ, Діогенъ, развѣ Мелонъ — —

Діогенъ. Мелонъ также скорѣе поспѣетъ
 бы юношѣ, нежели спалъ рассказывать.
 Прости до свиданїя!

М. К — ія.

Шумъ Константинопольскій.

(Отрывокъ изъ книги : *Картина Константинополя*, которая скоро выйдетъ въ свѣтъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Сей отрывокъ помѣщенъ въ Газетахъ : *Freimüthige*. Автору угодно было описывать Восточныя обыкновенія Восточнымъ слогомъ. Охотники до кудравыхъ фразъ найдутъ здѣсь пищу для своего любопытства.)

Нынѣ пятница, день субботній у Мусульмановъ. Вельможи и богачи столицы провели ночь въ сладкомъ снѣ, въ упоеніи райскими наслажденіями, въ нѣжныхъ объятіяхъ избраннѣйшихъ красавицъ; бѣдные равнымъ образомъ въ смиренныхъ жилищяхъ возкурили ѳиміамъ любви: ибо законъ Пророка обязываетъ къ тому всѣхъ правовѣрныхъ. Съ первыми лучами Авроры богатые и бѣдные должны оставить теплые диваны; на всѣхъ мечетяхъ и часовняхъ раздались рѣзкіе голоса Имановъ, вовущихъ на поклоненіе. Насталъ часъ торжественной молитвы. И въ какія минуты приличнѣе славить Творца и Обладателя всѣхъ вещей, какъ не въ тѣ, когда Онъ, разсѣлая первое сіяніе зари по синему, эфирному своду, изливаетъ на всѣ земныя швары новую жизнь и радость?

Я не ходилъ вмѣстѣ съ толпами молещниковъ изъ храма въ храмъ: доступъ ко святынямъ запрещается невѣрнымъ. Сверхъ того я принадлежу, по сему предмету, къ сектѣ Гебровъ Персидскихъ и Индѣйскихъ. Вселенная не естъ ли для добродѣтельныхъ храмъ безпредѣльный Величества неизповѣди-маго? — И такъ я разсудилъ лучше наслаждаться упренною Природою, любоваться серебряными морскими волнами; разсудилъ, лежа подъ душистыми кипарисами, смотрѣть, какъ колеблющіяся облака благоуханій на крыльяхъ ранняго Зефира видимымъ образомъ несутся ко мнѣ отъ великолѣпнаго, оживленнаго берега, какъ каждая волна отъ края пламенѣющаго горизонта приближаетъ ко мнѣ напечатлѣнный образъ солнца, окруженнаго миліонами искръ огненныхъ и лучей, ослѣпляющихъ зрѣніе.

Любопытство заставляло меня узнать, такимъ ли образомъ въ Константинуполѣ справляются праздники господствующей Религіи, какъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Встаю съ своего мѣста и иду въ ближнюю улицу. Вижу толпы народа, вижу открытыя лавки; погреба наполнены людьми, какъ во всякое другое время; отовсюду

раздаются звуки работающих ремесленниковъ. Вокругъ меня толпятся купцы и продавцы; смѣшенный шумъ голосовъ показываетъ всеобщую дѣятельность. Тысячи лошадей, ословъ, верблюдовъ, углубляютъ тѣсноту и смятеніе. Возхожу на нѣкоторое возвышеніе, чтобы окинуть взоромъ толпы народныя и часть канала; вижу зеркальную поверхность моря, покрытую кораблями и шлюпками; куда ни обращаю глаза, вездѣ нахожу жизнь и движеніе. „Не уже ли въ самомъ дѣлѣ сего дня праздникъ у Турковъ?“ въ изумленіи спрашиваю у мимоидущаго Грека, которой, съ ношею на плечахъ, шѣснился между мною и стоящимъ вблизи верблюдомъ. Онъ взглянулъ на меня, улыбнулся и исчезъ. „Отъ чего это“ — говорю Армянину, которой, обѣими руками поддерживая лежащій на плечахъ огромный мѣшокъ съ деньгами; продирался сквозь толпу народную — „отъ чего это происходитъ, что въ Турецкіе праздники позволяется работать?“ — „Какая намъ нужда до Турецкихъ праздниковъ?“ отвѣчалъ онъ грубо и въ минушу скрылся отъ глазъ моихъ. Я задумался; наконецъ угадалъ причину, которую послѣ подтвердилъ самой опытъ.

Въ Константинополѣ живутъ дѣлая сотни тысячъ Христіанъ съ сотнями же тысячъ Музульмановъ, не упоминая о людяхъ другихъ изповѣданій; терпимость вѣръ есть главная снатья въ Кодексѣ Турецкихъ законовъ. Каждое общество одного изповѣданія имѣетъ свои особливые праздники, въ которые безпрепятственно покланяется единому Богу, и не заботится о людяхъ другой вѣры. Но какъ каждое общество столь многочисленно, что могло бы населить большой городъ, оно не удивительно, если бы одни изъ жителей столицы отправляютъ обыкновенныя дневныя работы, между тѣмъ какъ другіе занимаются благочестивыми празднованіями. Отъ того въ Константинополѣ никогда не бываетъ той тишины, которую примѣчаемъ въ большихъ городахъ Христіанскихъ въ дни праздничныя. Дѣятельность и трудолюбіе не ограничиваются здѣсь тѣснымъ кругомъ; улицы и площади, базары и лавки равно наполнены людьми и въ пятницу и въ Воскресенье; между тѣмъ, какъ одни посвящаютъ на служеніе Небу нѣсколько часовъ, другіе исполняютъ земныя свои обязанности. Самые Музульмане не проводятъ пятницу своихъ въ такомъ бездѣйствіи, въ какомъ многіе Христіане проводятъ дни.

Воскресные. Только набожные Турки не принимаются въ праздники за работу, и вообще многіе купцы сидятъ въ лавкахъ своихъ на базарѣ во весь день. Впрочемъ пятницу у Османовъ особливо посвящена на исполненіе обрядовъ, до вѣры относящихся, и на отправленіе торжествъ семейственныхъ, каковы, на примѣръ, бракъ и обрѣзаніе.

Но большую часть дня Турки проводятъ въ играхъ гимнастическихъ, представляющихъ глазамъ Европейца зрѣлище любопытное. Я намѣренъ дать о нихъ краткое понятіе, оспавляя многое, очень многое, угадывать воображенію читателя.

По окончаніи молитвы, мечети опять пустѣютъ, и Иманы запираютъ врата церковныя. Дорога отъ города до Окмейдана — такъ называется въ Леваншѣ публичное гимнастическое поприще — усѣяна конными и пѣшими Турками; улица отъ Перы до Св. Димитрія представляетъ непрерывную цѣпь многолюдства. Воспочныя красавицы вѣдутъ въ закрытыхъ коляскахъ; черные евнухи окружаютъ ихъ на борзыхъ коняхъ съ обнаженными саблями. Мусульмане, Христиане, Жиды, Греки, Армяне, Франки представляютъ глазамъ пестрое, любопытное зрѣлище.

Наконецъ достигаю Окмейдана — обширной, ровной площади, на которую обыкновенно собирается безчисленное множество народа. Все пространство окружено покатыми холмами, которые, покрыты будучи разными цвѣтами, въ видѣ гирланды вѣнчаютъ поприще. Прекрасныя группы деревъ осѣняютъ толпы въ долинѣ; смотрящій съ пригорка любитъ сельскими видами. Тамъ Висфоръ струится между веселыми берегами, на которыхъ сады, холмы и дома представляютъ прекрасную картину; вдали возвышаются синія, обросшія дубами, горы, скрывая верхи свои въ облакахъ, позлащаемыхъ лучами солнца; разсѣянные на нихъ Замки и башни кажутся Архипелагомъ острововъ блестящихъ.

На сихъ холмахъ, окружающихъ долину, заняли мѣста Турчанки, для того, чтобъ издали смотрѣть на подвиги юношей и въ молчаніи хвалятъ или осуждаютъ ихъ. Но онѣ не имѣютъ права награждать побѣдителей, подобно стариннымъ зрительницамъ Рыцарскихъ турнировъ. Я взошелъ на одинъ пригорокъ, который, по щастію, не былъ занятъ Гаремомъ. Ни одинъ строгій евнухъ не заслонялъ передо мною зрѣлища; ни одинъ

повелитель послушныхъ невольницъ не приказывалъ мнѣ посторониться. Яркіе лучи дневнаго свѣтила разливались на всѣ окрестносій Окмейдана; благоуханія древесныя освѣжали меня; веселыя пички вились надъ головою моею и воспѣвали радость и блаженство. Мнѣ казалось, что небо и земля обнимаются съ дружескою любовію; я чувствовалъ въ душѣ и тѣлѣ бодрость несказанную, чувствовалъ себя способнымъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ.

Подъ холмиковъ поставлены были палатки большія и малыя; подъ ними сидѣли Турки и Греки съ длинными чубуками и спокойно дышали табачнымъ дымомъ, между шѣмъ какъ шумъ народа раздавался на всѣхъ концахъ поприща. Тамъ въ шатрахъ варили кофе и шербеи, и не успѣвали пощивать гостей своихъ; въ другихъ мѣстахъ разнощики охриплыми голосами хвалили свои плачишпы, пироги и сахарныя закуски. Музыканты играли пѣсни, полъ любимыя Воспочными народами; фигляры, вертясь и прыгая на зеленомъ дернѣ, забавляли зрителей своими шулками; Аравійскіе Имровизаторы обращали на себя вниманіе любопытныхъ; ворожеи предсказывали будущее; шарлапаны раздавали рецепты и

лѣкарства ; искусники показывали шѣни и куклы. . . .

(Продолженія . . . не будетъ .)

III.

Окружное письмо отъ Провинціалнаго жителя къ его пріятелямъ.

Я съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ склонность къ Театру и почитался отъ Офицеровъ, моихъ товарищей , въ цѣлой дивизіи первымъ изъ знашковыхъ Драмапического искусства. Кто служилъ въ арміи и бывалъ въ отдаленныхъ отъ Столицъ Провинціяхъ ; тотъ знаетъ , что нѣкогда въ полкахъ почиталось пріятнымъ удовольствіемъ играть Комедіи. Конечно , стоя въ лагерѣ , занимаясь каждой день ученіемъ , мы забывали о зрѣлищахъ , и помнили только о дивизионахъ и плутоножной пальбѣ ; но еодворясь въ зимнихъ квартирахъ , всякой по неволѣ выдумывалъ новыя забавы. Теперь не могу подозревать себя въ приспрасіи , и не думаю ошибиться , естли скажу , что провести вечеръ въ Театрѣ для молодаго , хорошо воспитаннаго Офицера и пріятнѣе и полезнѣе , нежели за карточнымъ

столомъ , или въ праздномъ пустословіи. Воинъ , проживъ съ полкомъ на границѣхъ плышъ , десять лѣтъ , прѣзжаетъ на милую родину и — кажется дикаремъ землякамъ своимъ , которые имѣли время оботнать его въ свѣтскомъ тонѣ и любезности ; нѣжныя Дамы страшатся его , какъ пугалища , и воинъ нашъ , со всею своею храбростію , принужденъ бываетъ играть роль рекрута въ такомъ обществѣ , гдѣ остроуміе и тонкая вѣжливость дають право на ласковую улыбку. Эту бѣду легко можетъ отврашить Театръ. Молодой человекъ съ ролею вмѣстѣ затверживаетъ множество острыхъ и нравоучительныхъ изреченій , которыя раждаютъ въ головѣ его тысячу идей , подобно себѣ правильныхъ и связныхъ. Человекъ ловкой , обладающій даромъ представлять на сценѣ и умѣющій опредѣлять цѣну и вѣсъ каждой щасливой фразѣ , конечно болѣе способенъ представлять значительное лице въ обществѣ , нежели тотъ , кто не рожденъ чувствовать красоты изящнаго. Съ удовольствіемъ вспоминаю , когда на берегахъ Понна Эвксинскаго , не далеко отъ того мѣста , гдѣ Овидій на Гетскомъ языкѣ оплакивалъ свое започеніе , мы декламировали стихи изъ Семиры и Дидоны , сочиненные на томъ же самомъ

языкѣ, спустя тысячу семь сотъ лѣтъ (*). Я окопно разказалъ бы вамъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нашихъ забавъ театральныхъ, еслили бы не имѣлъ намѣренія говорить о другомъ предметѣ.

Оставивъ службу, я поѣхалъ прямо въ Украинскую свою деревню. Двадцать лѣтъ уже я не былъ ни въ одной изъ Столицъ Россійскихъ. Вы удивитесь, когда скажу вамъ, что, не любя политическихъ извѣстій, получаю Московскія Вѣдомости только для того, чтобы знать, когда именно какую піесу играли на Театрѣ. Покажется вамъ страннымъ и то, что многихъ Актеровъ одѣваю по всему — разумѣется въ воображеніи — поправляю ихъ въ голосѣ и тѣлодвиженіи, назначаю имъ мѣста на сценѣ и, что еще страннѣе, хохочу и плачу, такъ какъ будто бы я сидѣлъ въ первой ложѣ. У всякаго свои причуды. Теперь судите, съ какою неперпѣнѣемъ я полетѣлъ въ Пепровской Театръ, пріѣхавъ въ Москву,

---

(*) Во время Овидіево около рѣкъ Днѣстра и Дуная жили Геты; нѣкоторые почитаютъ ихъ поколѣніемъ Славянъ, пришедшихъ изъ Азіи. Римской Поэтъ говоритъ въ своихъ Элегіяхъ, что онъ сочинялъ стихи на Гетскомъ языкѣ.

куда призывали меня дѣла мои! Начали играть симфонію; часы показывали шесть, а въ партерѣ едва ли было до пятидесяти зрителей. Это меня не веселило. Въ древней Сполицѣ, думалъ я, не безъ охотниковъ до Театра; но видно — зрѣлища здѣшнія не заманчивы; уже напередъ угадывалъ, какъ будешь терзаться нѣжное мое сердце, преданное съ самаго младенчества Таліи и Мельпоменѣ, когда неискусные Актеры начнутъ уродовать періоды; когда, не понимая мыслей Автора, копторой требуетъ отъ Актера показать зрителямъ и свой и его талантъ, станутъ кричать шамъ, гдѣ надобно дѣйствовать, чипать шамъ, гдѣ надобно говорить сердцу. И что же вышло? Играли Комедію: *Только шесть блюдъ*, которая никогда не состарѣется, и играли такъ, что самъ Императоръ Іосифъ II (*) позавидовалъ бы Московской труппѣ. Право, такія Комедіи и такіе Актеры заслуживаютъ рукоплесканія многочисленнѣйшаго собранія. Я апплодировалъ за десятирыхъ. Ежели сцена, гдѣ Совѣтникъ Рейнгартъ учитъ Полковника Алторфа быть прямо честнымъ чело-

---

(*) Известно, что сей Государь возхищался Комедією: *Только шесть блюдъ*.

вѣкомъ, и многія другія, не привлекаютъ зрителей, но для кого Театръ будетъ училищемъ просвѣщенія, вкуса и добродѣтели? Нѣмецкія піесы ближе подходятъ къ натурѣ и къ характеру Русскому, нежели Французскія, особливо писанныя послѣ революціи; сверхъ того Нѣмецкія Драмы, Комедіи, даже Трагедіи въ переводѣ почти не теряютъ красотъ своихъ; но Французскія, въ которыхъ гладкость стиховъ и чистота языка составляютъ главнѣйшее достоинство, въ Рускомъ переводѣ кажутся самыми посредственными піесами. И какъ переводить Фредру, Авалію, Меропу, Алзиру? Лучше постараемся выучиться Французскому языку, и прочтемъ ихъ у себя въ кабинетѣ; между тѣмъ снаниемъ посѣщатъ Театръ и смотрѣтъ Лессинга и Коцебу. Теперь же у насъ появляющіяся молодые Авторы Драматическіе, которыхъ сочиненія на первой случай много обѣщаютъ. Жаль, очень жаль, что мы не видимъ на отечественномъ языкѣ хорошихъ Драматическихъ піесъ, сочиненныхъ стихами. Ненавистники Поэзіи утверждаютъ, что стихи заставляють Писателя уклоняться отъ натуральной простоты и жертвовать ею принужденной рифмою и мѣромъ; но я думаю, что Древ-

ніе имѣли причины (и конечно важныя) заставляють своихъ театральныхъ Героевъ говорить языкомъ боговъ. Какъ бы то ни было, я, вѣрный почишатель Котурна и Сокка, радуюсь отъ всего сердца, что охота къ театральнымъ зрѣлищамъ распространяется въ Россіи. Было время, когда Провинціальныя жители знали Комедіи только по слуху, и не различали ихъ отъ фиглярскихъ фокусъ-покусовъ; теперь въ отдаленныхъ Губернскихъ городахъ, въ Нижнемъ - Новгородѣ, Тобольскѣ, Воронежѣ, Казанѣ, плачутъ и смѣются по мановенію Искусства и Генія. Не вѣрю Овидію, который зрѣлища почишаетъ опасными для благонравія: кто написалъ соблазнительныя правила *искусства любить*, тотъ не можетъ быть хорошимъ учителемъ Морали. Не вѣрю Жан - Жаку Руссо, который вооружался противъ Театра: Кларанская роуца и ночное свиданіе, описанныя въ Новой Элоизѣ, болѣе вскружили неопытныхъ головъ, нежели всѣ Театры на свѣтѣ. Впрочемъ во всемъ долженъ быть выборъ. У насъ, слава Богу! представляются большею частію такія піесы, которыя, сколько мнѣ извѣстно, не заставляютъ невинности краснѣться, и мать смѣло можетъ везти въ Театръ дочь свою, не боясь познакомить ее съ

порокомъ. Мы читаемъ въ Журналахъ о Парижскихъ спектакляхъ, и знаемъ, какими пѣсами тамошніе Театры пошчуютъ зрителей. Но мы стоимъ еще только въ преддверіи храма просвѣщенія, слѣдственно не имѣемъ лесснаго права быть слишкомъ разборчивыми, не имѣемъ права забавляться новыми произведеніями Французской Музы. Будемъ довольствоваться старымъ запасомъ, одобряя хорошее и ожидать лучшаго.

Вы читали вспупленіе и узелъ; слѣдуетъ развязка, которая по правиламъ Драматическимъ — другія мнѣ не извѣстны — должна быть самая короткая. Симъ окружнымъ письмомъ убѣждаю всѣхъ моихъ пріятелей и именемъ Θεсписа торжественно закликаю ихъ любить Театръ Россійскій, ободрять таланты Писателей и Актеровъ; это есть вѣрнѣйшее средство произвести славныхъ Артистовъ. Я, можетъ быть, навсегда останусь при газетныхъ объявленіяхъ и печатныхъ театральныхъ сочиненіяхъ, которыя получаю исправно и храню, какъ зѣлицу она; можетъ быть — увы! — никогда не увижу Театра; но одна мысль утѣшаетъ меня — мысль, что мои соинтересованные будутъ наслаждаться удовольствіемъ,

которое всѣхъ другихъ пріятнѣе и полезнѣе.

3. 3.

IV.

Нѣкоторыя примѣчанія объ искусствахъ древнихъ Египтянъ.

Словрашныя **Эивы**, **Мемфисъ** и **Александрія** были главными городами въ **Египтѣ**, одинъ послѣ другаго. Исторія сей земли раздѣляется на три эпохи; каждая произвела великія перемѣны въ **Художествахъ**. **Эивяне** отличались **Зодчествомъ**, единственнымъ въ своемъ родѣ: оно соединяло въ себѣ важную простоту съ удивительною отдѣлкою *цѣлаго*, съ великою опважностію и съ такою прочностію, которая не боялась времени всеразрушающаго. Остатки древнихъ **Эивъ** представляющъ намъ нѣчто колоссальное, и почти заставляющъ думать, что сей славный городъ былъ обитаемъ **Титанами**.

Еѳіопы, которые, какъ извѣстно, поселились въ **Верхнемъ Египтѣ**, долго боролись съ **Ниломъ**, и наконецъ заставили его избрать себѣ другую дорогу. Ясно, что люди, живущи на такой землѣ, которой

быстрая рѣка безпрестанно угрожала разлитіемъ, признали необходимымъ соорѣить прочныя жилища. Безъ всякаго сомнѣнія, должно приписать той же причинѣ сооруженіе чудесныхъ памятниковъ въ Фивской области, равно изобрѣшеніе удивительныхъ машинъ, посредствомъ которыхъ Египтяне переносили огромныя массы, и встаскивали оныя на высоту чрезвычайную. Къ тому способствовали близки находившіяся каменоломни, откуда доставали гранитъ, употребляемый въ тѣ времена вообще на всѣ строенія. Сіе обстоятельство облегчало способы къ сооруженію великолѣпныхъ зданій.

Народъ, привыкшій къ величественнымъ феноменамъ своей земли, натурально получилъ высокія, обширныя понятія; отъ того на всѣхъ ихъ зданіяхъ видна печать величія.

Однакожь Скульптура и Живопись не достигали въ Фивахъ до той степени совершенства, на которой они были у Грековъ и Римлянъ. Въ ихъ картинахъ нѣтъ ни души, ни чувства, нѣтъ даже соразмѣрности. Въ фигурахъ человѣческихъ руки и ноги изображены чрезвычайно длинными; въ членахъ вообще нѣтъ правильности; вездѣ напѣжка и принужденность. Въ начертаніи лицъ нѣтъ выра-

зительности, въ формахъ нѣтъ пріятности; а это главное дѣло Искусства. Смотря на многія изображенія, думаше, что Художникъ хотѣлъ представить не людей, но автоматовъ. Въ фигурахъ животныхъ видите только очерпаніе крайней поверхности тѣла.

Хотя сохранившіеся памятники Живописи показываютъ яркой, прекрасной колоритъ; но въ положеніи и въ планѣ не находите ни пріятности, ни истинны; отпѣнки въ изображеніяхъ весьма дурны.

Въ остаткахъ отъ первыхъ временъ основанія Египъ видѣнь вкусъ, свойственный всѣмъ новымъ народамъ; тотъ же спиль, та же небрежность. Тогда старались тщательнѣе опрабатывать верхнія части, и думали, что прочее не требуетъ особеннаго вниманія.

Въ Мемфисѣ Искусство Ваятельное и Живопись были ближе къ совершенству. Но, по мѣрѣ прибавленія вкуса въ сихъ Художествахъ, Зодчество часъ отъ часу упадало и, выключая немногіе памятники, теряло ео всею Египтскую изящность и величіе. Гробницы, находящіяся не далеко отъ большихъ пирамидъ, не имѣютъ той красоты, того совершенства, кошорыи удивляются въ Египтахъ.

Александрія , построена завоевателемъ , любившимъ искусства и великолѣпіе , скоро получила вкусъ и образъ мыслей своего основателя ; она сдѣлалась столицею Художества , котораго въ ней созрѣвали и достигали до степени совершенства. Тогда въ первой разѣ введены въ Египтъ порядокъ и правила , до того времени тамъ совсѣмъ неизвѣстныя. Птоломеи принесли съ собою изъ Греціи любовь къ изяществу , но вмѣстѣ съ нею и легкомысліе , которое съ того времени начало вмѣшиваться во всѣ важныя художественныя произведенія Египтянъ ; и теперь видны слѣды его въ остаткахъ древнихъ зданій.

При семъ упадкѣ Зодчества возвысились Живопись и Скульптура ; новой вкусъ весьма украсилъ ихъ произведенія ; въ нихъ нѣтъ уже той грубости , той угрюмости , которыми отличаются памятники Мемфискіе и Фивскіе ; за то остатки зданій Александрійскихъ , прекрасныхъ въ своемъ родѣ , не могутъ равняться съ памятниками Зодчества , продолжавшаго въ Фивахъ.

(Изъ Нѣм. Журн.)

Мецдекъ, Проповѣдникъ Якобинскаго равенства въ Персіи, жившій въ VI мѣ столѣтіи.

(Отрывокъ, вольно переведенной изъ недавно напечатанной книги: *Tableau historique de l'Orient*, соч. Жав. Оссономъ, Шведскимъ Миниспромъ при Оптоманской Порто. Сіе сочиненіе почерпнуто изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.)

Кубадъ, Шахъ Персидскій, вступилъ на престолъ въ 493 мѣ году Христіанскаго лѣтосчисленія, прославился свирѣпымъ и неукротимымъ нравомъ своимъ, велъ щастливую войну въ Месопотаміи, Иберіи, малой Азіи и, по окончаніи оной въ 505 мѣ году, возвратился въ Медаянъ, свою Резиденцію.

Въ сію эпоху проявился фанатикъ, довольно просвѣщенной для своего вѣка и отечества, именемъ Мецдекъ, которой выдалъ себя за пророка. Онъ имѣлъ особливой даръ краснорѣчія и основывалъ ученіе свое на равенствѣ людей и на искреннемъ братствѣ всѣхъ сослуживъ чело-вѣческаго общества, потому что всѣ люди, какъ онъ говорилъ, происходятъ отъ Адама. Оппуда слѣдовали: обща́я при-

надлежность имѣній и равное право на женщинѣ.

Нещастныя обстоятельства того времени много споспѣшествовали мнимому пророку къ разпространенію его ученія. Народъ терпѣлъ крайній голодъ; Мецдекъ не переставалъ проповѣдывать, что люди имѣютъ вѣрное средство отвратить сіе нещастіе. Онъ говорилъ: „Еслили бы змѣя „ужалила моего собрата, а я, имѣя спасительное лѣкарство, не захотѣлъ бы „избавить его отъ погибели; тогда былъ „бы я виновенъ предъ лицомъ неба и зем- „ли, и слѣдственно заслуживалъ бы казнь „смертную.“ Ясно, что рѣчь его клони- лась къ богатству вельможей. Чтобы снискашь себѣ любовь народную, обманщикъ вооружался противъ корыстолюбія и несправедливости правительствующихъ особъ; хвалилъ крепость, благотѣтельность и простоту нравовъ.

Наконецъ разными хитростями и искусствомъ удалось ему снискашь благоволеніе Кубада, не менѣе глупаго, какъ и свирѣпаго. Особенно же онъ усиля въ томъ посредствомъ Оракуловыхъ пророчаній, которыя будто бы издавалъ жершвенникъ огня священнаго, а въ самомъ дѣлѣ голосъ выходилъ изъ отверстія, сдѣланнаго въ подножіи олшаря, подъ копо-

рымъ въ извѣстное время скрывался одинъ изъ его учениковъ.

Кубадъ, которому Мецдековы догматы равенства менѣе всего должны бы нравились, обманутый хитроспями лжепророка, принялъ его ученіе. Онъ издалъ законъ, обязывающій владѣльцевъ и богатыхъ капишалистовъ дѣлиться имѣніемъ съ бѣдными. Увѣряютъ даже, что спашья въ разсужденіи женщинъ равномерно имъ одобрена, и что самъ Шахъ подалъ первой примѣръ, дозволивъ пророку раздѣлить ложе съ одною изъ супругъ своихъ.

Такое безумное поведеніе возбудило негодованіе во всѣхъ Вельможахъ Государства; сверхъ того ненавистной поступокъ Шаха поселилъ въ нихъ крайнее омерзѣніе. Князь Суферай, Правитель Фариса, любимецъ народа Персидскаго, почелъ нужнымъ сдѣлать Кубаду представленіе о бѣдственномъ состояніи Государства. Гордость Деспота оскорбилась; сверхъ того онъ давно уже ненавидѣлъ сего Князя за чрезвычайную приверженность къ нему народа. Кубадъ велѣлъ умертвить его. Слѣдствіемъ того было явное возмущеніе; недостойный обладатель престолоа былъ сверженъ, а на его мѣсто возведенъ младшій братъ, Джеамазъ I.

Новый Шахъ поступилъ великодушно съ своимъ предшественникомъ, даровалъ ему жизнь, въ прощивность обыкновенію той страны, и повелѣлъ содержать его подъ стражею въ одномъ Замкѣ. Съ Мецдекомъ равномѣрно поступлено было очень милосливо. Однакожъ обманщикъ, испуганный произшествіемъ, случившимся съ его покровителемъ, оставивъ Персію, убѣжалъ въ Индію.

Скоро сцена перемѣнилась. Любимцы новаго Шаха, опасаясь пронырства Кубадова, и почитая себя не совсѣмъ отъ него безопасными, убѣдили Государя поручить присмотръ надъ Кубадомъ Принцу Зермиру, сыну умерщвленнаго Суферая, послѣ котораго онъ наслѣдовалъ управленіе Фарисомъ. Они надѣялись, что сей Принцъ не замедлитъ убійцу отца своего принести въ жертву своему мщенію; но великодушный Зермиръ, тронутый слезами Шаха, забылъ о мщеніи и даже облегчилъ ему способы уйти изъ Персіи.

Кубадъ направилъ путь свой къ Оксу, просилъ у Гайяшелиповъ защиты, и склонилъ ихъ вооружиться прошивъ своего преемника. Тураны, природные враги Персовъ, также вступились за него. Началась жестокая война, коюрая мѣнь была несчастнѣе для Джеамазба, что народъ,

прилѣпленный къ Мецдековой сектѣ, защищалъ право Кубадово, какъ свое собственное. Кровопрлитнѣйшая война продолжалась цѣлые четыре года и кончилась триумфомъ Кубада. Джеамазбъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и брошенъ въ ужасную пемницу, гдѣ окончилъ дни свои.

Кубадъ I въ 528мъ году вторично взошелъ на пресшоль Персіи, на которомъ утвердился одними жестокостями и пиранствомъ; однакожъ для Вельможъ и Духовенства все сіе было гораздо сноснѣе, нежели торжественное возвращеніе ненавистнаго Мецдека. Шахъ принималъ его съ изъявленіемъ величайшаго уваженія, отличилъ болѣе прежняго и возвеличилъ его выше всѣхъ Министровъ; мѣсто для него было назначено на правой сторонѣ шрона. Кубадъ говорилъ: „Мецдекъ есть мужъ, посланный съ неба; весь народъ долженъ послѣдовать его ученію.“ Иногда подарками и ласками, иногда угрозами онъ старался поселить въ отрядахъ Царскаго своего Дома и въ Придворныхъ уваженіе ко лжепророку и его догматамъ.

Страхъ заставлялъ всѣхъ повиноваться, исключая Принца Кезры, копорой имѣлъ довольно смѣлости сказать опцу, что въ подобныхъ обстоятельспвахъ сила

и принужденіе производить лицемеровъ, и что должно слѣдовать собственной увѣренности и разсудку. Кубадъ, разпаленный гнѣвомъ, изрекъ спрашныя угрозы своему сыну, которой, для умилощивленія свирѣпаго Шаха, просилъ сроку на три мѣсяца, чтобы имѣть время основательно размыслить о новомъ ученіи. Получивъ желаемое позволеніе, Принцъ время сіе употребилъ съ пользою. Онъ постарался сообщить мнѣніе свое собору ученѣйшаго Духовенства, главнѣйшимъ Чиновникамъ Государственнымъ и другимъ Вельможамъ, достойно уважаемымъ, и поселить въ нихъ свою отважность.

По истеченіи назначеннаго срока, Кезра явился къ Шаху въ то время, когда сей послѣдній занимался дѣлами съ Министрами, снова объявилъ ему свое сомнѣніе, въ разсужденіи ученія Мецдекова, и прибавилъ, что непременно должно предложить оное на разсмотрѣніе собранія Вельможъ Государственныхъ. „Это — „говорилъ онъ — есть единственное сред- „ство, открытъ истинну. Еслили Мецдекъ „окажется правымъ, тогда торжество „сіе озаритъ новымъ блескомъ его ученіе „и не только заставитъ меня вѣрить „ему, но и всю націю обратить на его „сторону. Еслили же, напрошивъ, оп-

„кроемся ложь и неправда, въ такомъ
 „случаѣ слава Монарха и польза Госу-
 „дарства истребуютъ положишь преграду
 „дальнѣйшему разпространенію обмановъ,
 „а Мецдекъ съ своими сообщниками долж-
 „ны бытъ наказаны, какъ нарушители
 „общаго покоя.“

Министры одобрили предложеніе мла-
 даго Принца, и Шахъ, совершенно увѣ-
 ренный въ небесномъ званіи Мецдека, слѣд-
 ственно въ святости его ученія, съ охо-
 тою согласился на то и къ исполненію
 далъ нужныя повелѣнія.

Учреждено великое собраніе, состав-
 ленное изъ ученыхъ жрецовъ, правовѣд-
 цевъ и Чиновниковъ Государственныхъ,
 подобно тому, какое за два столѣтія
 прежде созвано было для разсмотрѣнія
 ученія Менесова. Самъ Кубадъ председа-
 тельствовалъ въ собраніи. Мецдекъ съ
 смѣлою увѣренностію предложилъ правила
 своего ученія; Миръ-ацеръ, Философъ
 и Законовѣдецъ, сильно оспаривалъ ихъ.
 Онъ особенно старался опровергнуть
 сшашьи, относящіяся до равенства состо-
 яній, общности иужній и женщинъ;
 сильными доводами убѣждалъ, что такія
 правила несправедливы, нечестивы,
 противны всѣмъ законамъ, Божескимъ и
 человеческимъ; что онѣ изровергають

власть Монарха и его намѣстниковъ, изтребляють уваженіе къ Религїи и ко всѣмъ ея постановленіямъ, опнимають увѣренность въ безопасномъ обладанїи собственностию, поселяють раздоръ въ семействахъ, освобождаютъ женъ и дѣтей отъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ самою Натурою. — „Такія правила — симъ заключилъ онъ рѣчь свою — необходимо „влекутъ за собою безпорядокъ и разрывають всѣ связи гражданскаго общежитія.“

Мецдекъ, на котораго всѣ обратили взоры, смѣшался, онѣмѣлъ, не могъ выговорить ни одного слова. Раздались громкія возклинанія; называли его обманщикомъ, злодѣемъ. Чего всѣ доказательства не могли бы сдѣлать въ душѣ Кубада, то произвело смятеніе Мецдеково. Шахъ стыдился слѣпой своей привязанности, осыпалъ ложнаго пророка укоризнами и проклятіями, и осудилъ его на смерть. Попомъ, оборотясь къ Кезрѣ, признался, что ему обязанъ симъ важнымъ открытіемъ; поручилъ ему исполнить приговоръ надъ Мецдекомъ и очистить Имперію отъ сей ненавистной заразы.

Въ тотъ же день Мецдекъ получилъ себѣ должное воздаяніе. Его повѣсили на

деревѣ, и тѣло его разшерзали на части стрѣлами, копорья разъяренной народъ пустилъ на него тысячами, предавая проклятію память обманщика. Единомышленники его не остались безъ наказанія; кровь ихъ лилась въ столицѣ и Провинціяхъ.

Кубадъ спарался загладить проступокъ свой покаяніемъ, щедрыми милостынями и богатыми подарками; но Вельможи не могли забыть онаго, особливо тѣ, копорые народомъ, въ слѣдствіе ученія о равенствѣ, были ограблены. Чтобы обратитъ вниманіе недовольныхъ на другой предметъ, Шахъ объявилъ войну Византійскому Императору, Гуспиніану I, и умеръ, не дождавшись ея окончанія.

(Изъ Нѣм. Журн.)

VI.

Мысли.

Общество походитъ на библіотеку, въ которой съ перваго взгляду все кажется въ наилучшемъ порядкѣ, потому что книги разставлены по ихъ величинѣ и переплещу, но въ самомъ дѣлѣ Авпоры и матеріи перемѣшаны безъ вниманія къ ихъ достоинству.

У женщинъ самолюбіе не разлучно съ любовію ; надобно льстишь первому , чтобы снискашь послѣднюю.

Народы процвѣтають до тѣхъ поръ , пока законы находятся подъ защитою благонравія ; упадаютъ , когда нравы изпорчены отъ излишества законовъ , копорые , въ подобныхъ обстоятельствахъ , чаще разставляютъ сѣпи на невинность , нежели укрощаютъ буйство.

Кто хочетъ каждому нравиться , тотъ долженъ позволить глупцамъ учить себя тому , что самъ давно знаетъ.

Политики говорятъ , что Мудрецы не способны побѣждать народы ; то же самое можно отнести и къ побѣдамъ любовнымъ.

(Изъ Польскаго Журнала.)

VII.

Историческій Анекдотъ.

Одинъ Инвалидъ , служившій съ честію своему опечеству и Государю , и жившій долгое время въ деревнѣ , пріѣхалъ въ Парижъ для исправленія дѣлъ своихъ . Спустя нѣсколько дней , пришедъ на свою квартиру , онъ находитъ записку , кото-

рою Кардиналь Ришелье приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Такая честь весьма удивила его. Онъ показываетъ записку многимъ изъ своихъ пріятелей, которымъ также приглашеніе сіе казалось необыкновеннымъ. По долгомъ размышленіи, наконецъ онъ рѣшился идти въ Рюэль, гдѣ Кардиналь тогда имѣлъ свое пребываніе. На половинѣ дороги обогналъ его вѣдущій въ коляскѣ незнакомой, которой, видя Инвалида, идущаго по грязи пѣшкомъ, спрашиваетъ о цѣли его путешествія и предлагаетъ ѣхать вмѣстѣ съ собою. Пѣшеходъ согласился. Разговоръ начался вопросомъ, за чѣмъ онъ шелъ въ Рюэль? „Иду къ Кардиналу,“ отвѣчалъ Инвалидъ: „признаюсь вамъ откровенно, что я не ожидалъ отъ Его Пресвященства такого милостиваго приглашенія; живучи уже тридцать лѣтъ въ деревнѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оставилъ службу, я не могъ думать, чтобы обо мнѣ помнили.“ — Вы идете къ Кардиналу обѣдать? — „Точно.“ — Развѣ вы знакомы съ Кардиналомъ? — „Очень мало; только видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ.“ — Вы служили въ войскѣ? — „Точно такъ.“ — И тридцать лѣтъ не имѣли съ нимъ никакого сношенія? ни о чемъ не просили его? — „Совер-

шенно ни о чемъ.“ — Къ какой споронѣ вы принадлежали во время смятенія? — „Я былъ на споронѣ союзниковъ.“ — Союзниковъ? . . . а Кардиналъ . . . извините меня . . . Я . . . я самъ также ѣду къ Кардиналу. — „Изъяснитесь, государь мой! что значить это замѣшательство? къ чему клоняются ваши вопросы?“ — Ваши лѣта, ваша откровенность заставляютъ меня почитать васъ. — „Докажите, государь мой.“ — Очень хорошо! (шутъ незнакомой приказалъ остановить лошадей) не уже ли вы не можете угадать причину, которая принудила Кардинала звать васъ къ себѣ обѣдать? — „Нѣтъ; я никакъ не ожидалъ такой милости.“ — Эта милость можетъ быть весьма опасною . . . — „Характеръ Кардинала, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстенъ; сей Министръ по справедливости есть человекъ великій, но . . .“ — Но злопаятный; ненависть его погасаетъ не прежде, пока не заплатитъ за нее жизнью своею шутъ, кто имѣлъ несчастіе возпламенить ее. — „Вамъ угодно испытывать меня.“ — Скажите мнѣ откровенно, не возбудилиль вы противъ себя гнѣва его? — „Кажется, нѣтъ.“ — Не отзывались ли нескромно объ его нравахъ? — „Явно, никогда.“ — Подумайте, постарай-

шесь вспомнить, пока я нахожусь съ ва-
 ми, пока вы далеко еще отъ вашего не-
 пріятеля. — „Но, государь мой! въ ва-
 шихъ словахъ...“ — Непритворная искрен-
 ность, съ желаніемъ бышь вамъ полез-
 нымъ. Постарайтесь вспомнить, не на-
 писалиль въ молодости какихъ нибудь
 шуточныхъ списковъ, или эпиграммы
 на щетъ Кардинала? — „Признаюсь вамъ,
 теперь приходитъ мнѣ на мысль нѣчто
 похожее на это; списки мои на Карди-
 нала ходили по рукамъ...“ — Довольно!
 Слушайте же: вамъ не извѣстно, кто я;
 но вы запрепещете, когда узнаете о томъ,
 и въ то же время поблагодарите случаю,
 которой завелъ васъ въ мою коляску. —
 „Я пославляю себѣ за великую честь и
 удовольствіе, имѣя щастіе бышь съ...“ —
 Съ палачемъ. — „Съ палачемъ!“ — Такъ,
 государь мой! я палачь. Каждой разъ,
 когда Кардиналъ изволитъ посылать за
 мною, въ Рюэлъ ожидаетъ меня жертва,
 которую онъ назначаетъ на тайное за-
 кланіе своей ненависти. Сей безсовѣстный
 человекъ приметъ васъ самымъ вѣжли-
 вымъ образомъ, обласкаетъ и наконецъ,
 по засвидѣтельствваніи искреннѣйшей
 пріязни, поведетъ васъ въ залу, гдѣ и я
 долженъ буду находиться. Онъ пойдетъ
 впередъ; лишь только вы ступите нѣ-

сколько шаговъ , я подавлю пружину, которая толкнетъ внизъ доску подъ вашими ногами , и вы упадете въ глубокую пропасть , усаженную тысячами острыхъ ножей. Остерегитесь, пока еще есть время . . . — „Великодушный человекъ!“ — Перестаньте; не пребуду вашей благодарности. Я довольно награжденъ уже и шѣмъ , что могу избавить васъ отъ погибели. — Спарой Инвалидъ воспользовался даннымъ совѣтомъ , нѣсколько времени скрывался въ Парижѣ и скоро потомъ , послѣ смерти Кардинала , имѣлъ удовольствіе поблагодарить своего избавителя. Возвратясь домой, онъ внесъ въ записную свою тетрадь описаніе сего приключенія , для извѣщенія потомства о гнусномъ характерѣ Кардинала Ришелье.

VIII.

Вольтеръ и Маблн.

Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ.

Вольтеръ. Я слышу каждой день , любезной Аббатъ ! что во Франціи васъ совершенно не почитаютъ виновникомъ рево-

люди, между тѣмъ какъ поколѣніе Фре-роновъ съ неукротимымъ оспервененіемъ проклинаетъ мою память. Какъ рѣшить эту задачу? отъ чего такое вамъ предпочтеніе?

Мабли. Отъ того, любезной другъ! что я не имѣлъ вашего остроумія; отъ того, что я никогда прямо не нападалъ ни на Езуитовъ, ни на Членовъ Парламента. Сверхъ того я не писалъ ни Трагедій, ни Комедій, ни эпиграмъ. Правда, я ожесточался противу всѣхъ правительствъ, и судилъ ихъ съ равною строгостію; но не находилъ удовольствія, подобно вамъ, шумить надъ ними. Я поносилъ оныя всѣ вообще, не оскорбляя ни одного въ особенності. Отъ того они не сердятся на меня.

Вольтеръ. Въ самомъ дѣлѣ это прекрасное средство спасло васъ отъ гоненія; однакожъ шѣмъ не менѣе почишаю васъ самымъ жаркимъ изъ революціонистовъ, какіе только мнѣ извѣстны. Еслибъ, живучи въ мірѣ, прочиталъ я вашу книгу: *Гражданинъ*, то непременно поспѣшилъ бы, какъ можно скорѣе, продать свой Ферней, всѣ закладныя на имѣнія и выѣхать изъ любезной Франціи. Вы подали способы перевернуть вверхъ дномъ наше милое отечество; напротивъ то-

го, я уважалъ верховныя власти, не разбирая образа правленія, но смотря на ихъ поведеніе, всегда защищалъ ихъ, хвалилъ, даже льстилъ имъ. О! если бы я былъ Министромъ, вамъ не миновать бы Бастили. Пускай ненавистники мои говорятъ, что изволяшъ; но я никогда не любилъ народа, ни народнаго правленія, ни безначалія. Я желалъ одного только: желалъ мудрой, постоянной, отеческой власти, подъ защитою кою рой люди просвѣщеніе сѣмъ бы перевѣсь. Я гнушаюсь тѣми жаркими возмущителями, которые перенесли въ Пантеонъ прахъ мой и послали его на - ряду съ Руссо и Мирабо, равно какъ и новыми Инквизиторами, которые готовы изплѣвшій шрупъ мой бросить на живодерню. Такъ, Г. Аббатъ! я сержусь на васъ гораздо болѣе, нежели на шѣхъ людей: вы одержимы были съшенствомъ революціоннымъ, вы провозвдывали его; и при всемъ шумѣ беззодковыя васъ терпѣли, между тѣмъ какъ мою *Дѣственицу*, мой *свадь*, *Тригедии* и вообще всѣ сочиненія починались арсеналомъ гнусныхъ Гобеспьеровъ.

Мабли. Не сердитесь, Г. Вольперъ! я самъ всегда досадовалъ, пока былъ живъ; но пересслившись въ царство мершыхъ,

теперь шучу надъ живыми и забавляюсь вашими сказками, копорыя, признаю, ни мало не веселили меня на бѣломъ свѣтѣ. Вижу, что вы и здѣсь также вспылчивы, также горячи, какъ были прежде; я напрошивъ того сдѣлался гораздо тише, скромнѣе: хладнокровно сужу о людяхъ и вещахъ.

Вольтеръ. Да, да! вы говорите прекрасно. Прочтите только Journal de Debats, и тогда скажите мнѣ, можно ли живымъ и мертвымъ не проклинашь шакого бѣшеннаго гоненія? О лицемѣрь (Жорффа)! конечно онъ не вѣритъ воскресенію мертвыхъ; иначе, онъ боялся бы жала моей сапирѣ, копорымъ я нѣкогда явилъ подобныхъ ему негодяевъ.

Мабли. О, нѣтъ! этого рода люди не боятся жала. Имъ нужна какая нибудь матерія для маранья бумаги, и паршія единомышленниковъ, копорые бы прославляли ихъ пачканье. Имѣя это и другое, они смѣло идушь впередъ, не думая о слѣдствіяхъ.

Вольтеръ. Хорошо! для чегожь они умалчиваютъ сбъ васъ? вы самой опасной изъ всѣхъ новыхъ Писателей.

Мабли. Я уже сказалъ вамъ причину; прибавлю къ тому еще одно замѣчаніе: я вообще нападалъ только на Коро-

лей и на Министровъ, называя ихъ безполковыми Деспотами; напрошивъ того во всѣхъ новыхъ моихъ планахъ и учрежденіяхъ Духовенство, Дворянство и Парламенты удерживали свои права и преимущества. Кому теперь сердишься на меня? Ни одно изъ сказанныхъ выше сословій не обвиняетъ меня; потому что во всѣхъ спорахъ моихъ ни одного слова не упомянуто о народѣ.

Вольтеръ. Вы правы, любезной другъ! во всемъ правы, кромѣ того, что говорите, будто я имѣлъ болѣе остроумія, нежели вы: со всею вашею сироптивостію и неповяшнымъ характеромъ, вы были самымъ искуснымъ заступникомъ мнимой виновности. Но мои Трагедіи какое имѣли участіе въ Революціи? Какая причина клеветашь на меня, очернять мое имя? И никто не вступился за мои Трагедіи! никто не позаботился защищать ихъ!

Мабли. Что же вы отъ него теряете? Развѣ не представляютъ ихъ на Театрахъ? Развѣ не читаютъ ихъ всегда съ равнымъ удовольствіемъ?

Вольтеръ. И такъ вы советуете не мѣшаться въ дѣла живущихъ на свѣтѣ и предоспаивать на ихъ всяю ворчать, сколько угодно? я согласенъ. Однакожь мнѣ хотѣлось бы выдать маленькое сочи-

неніе, чтобы проучить всѣхъ сихъ, такъ называемыхъ, Религіонистовъ, и доказать имъ, что какъ революціонисты, такъ и Владыки земные низпосылаются отъ Бога; что по Его мановенію Государства процвѣтають и приходятъ въ упадокъ; что Журналисты, Стихотворцы и Философы со всею своею Магіею не могутъ сдѣлать ни малѣйшей переменны во всемирной цѣпи вещей и происшествій. Императоръ Іуліанъ писалъ противъ Духовныхъ и, такъ называемыхъ имъ, Христіанскихъ суевѣровъ разсужденія и доказательства, отъ моихъ совсѣмъ опмѣнныя — и однакожь не остановилъ быстраго распространенія Религіи. Фридерикъ былъ не благочестивѣе моей *Дѣвственницы* — и со всѣмъ шѣмъ потомство почишетъ его великимъ полководцемъ, великимъ Монархомъ своего вѣка.

Въ заключеніе объявляю почтеннѣйшему собору фанатиковъ и лицемѣровъ; что они напрасно надуваются, напрасно напрягаютъ свои силы; время торжества ихъ миновало. Жаль, что еще предлежитъ обширное поле для безумія и злодѣянній людей; но побѣда всегда будетъ оставаться на сторонѣ здраваго разума.

(Изъ *Минервы*.)

IX.

Делаландова похвала Физикѣ, и замѣчанія тогожѣ Автора о большихъ городахъ.

(Сія похвала тѣмѣ достойнѣ примѣчанія, что написалъ ее не Физикѣ, собственно такѣ называемый, но славный Математикѣ и Астрономѣ, единственно занимающійся своего частію. Не менѣе достойно примѣчанія, что человекѣ, явно изповѣдающій атеизмѣ — вещь несовмѣстная съ Астрономіею, и слѣдственно загадка — выхваляетѣ Науку Естественную.)

Физика есть важнѣйшая изъ всѣхъ Наукѣ, или, лучше сказать, единственная Наука, по справедливости заслуживающая свое названіе. Уже шестьдесятъ лѣтъ я почитаю Ноллетовѣ курсѣ Физики книгою, необходимо нужною для воспитанія дѣтей обоего пола. Каждой разѣ, когда родители требовали моего совѣта, я одобрялъ книгу сію, преимущественно предъ всѣми прочими. Другія упражненія, которыми занимающѣ юношей, какѣ-то: музыка, рисованье, языки, Исторія, не столько полезны и нужны; онѣ не удовлетворяютѣ истиннымѣ потребностямѣ, не изнуряютѣ предразсудковѣ; Физика

во всю жизнь доставляетъ намъ пріятное занятіе. Она знакомитъ насъ съ Натурою, со всѣмъ подлуннымъ.

Зрѣлище неба и земли; воздухъ, копорымъ дышемъ; свѣтъ, посредствомъ котораго видимъ; огонь, копорой грѣетъ насъ; вѣтры, дожди, наши болѣзни, собственное наше тѣло; наши злословія, наша безопасность, явленія электрическія, Гальванизмъ; машины, нами употребляемыя; колесницы, водяные сосуды, заливныя трубы; магнитъ, указывающій путь кораблямъ; громъ, ужасающій насъ; шары огненные, удивляющіе насъ; бильярдъ, забавляющій насъ; алмазы, украшающія насъ: — все сіе намъ не извѣстно; ни о чемъ не можемъ судить основательно. Но Физика объясняетъ всѣ явленія; не зная Физики, остаемся невѣждами. И теперь еще каждой день, въ такъ называемыхъ отборныхъ обществахъ, слышу разговоры, основанныя на безстыдномъ, сожалѣніи достойномъ невѣжествѣ; и теперь еще вѣрятъ колдовству и привидѣніямъ, боятся грома, даже пауковъ.

Слѣдственно надобно желать, чтобы обратили вниманіе на сію науку; другія не могутъ съ нею равняться. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о паланшахъ необыкновенно,

венныхъ , которые всегда уважать должно ; спрашиваю занимающихся Науками и Искусствами : что знаютъ они основательно , умѣя ударять по струнамъ и заставляя ихъ издавать ноты , умѣя срисовывать разныя фигуры , подражать языку народа чужеземнаго , и познакомясь съ безуміемъ и злодѣйствами пирановъ и рабовъ , живущихъ въ Исторіи ?

Одна Физика доставляетъ намъ познанія , силы и способы къ нашему благоденствію. Можно ли сравнить Поэмы Гомеровы съ сочиненіями Гиппократа , въ разсужденіи ихъ пользы ?

Сего довольно для доказательства , что Физикѣ должно учиться предпочтительно предъ всѣми другими Науками.

Можно порицать все , можно обо всемъ отзываться невыгодно , потому что всякая вещь имѣетъ свою дурную сторону. Религія , общество , Науки , разумъ , правительства , вольность , миръ и даже большіе города — бывають иногда вредны. Но все равнымъ образомъ защищать можно. Одни смотрятъ только на выгоды , другіе на злоупотребленія ; это зависитъ отъ темперамента , отъ характера , отъ обстоятельствъ наблюдателя. Что принадлежитъ до меня , я , будучи всегда

здоровѣ и веселѣ, смотрю на предметы свѣтлымъ окомъ; отъ того хулители мнѣ не нравятся. Однакожъ хорошо, что они есть: по ихъ старанію истинно *хорошее* очищается отъ *дурнаго*. Можно кришиковать Расина, и въ то же время восхищаться имъ; можно шутить надъ Невтономъ, не переставая удивляться ему.

Большіе города суть средоточія разврата; но они въ то же время содержатъ въ себѣ средства къ усовершенствованію *человѣчества*. По моему мнѣнію, сія польза ощутительнѣе вреда, ими причиняемаго: тѣ, которые, живучи въ большихъ городахъ, развратились, умираютъ, и имя ихъ предается забвенію; напрошивъ того тѣ, которые просвѣтились въ нихъ, преобразились, одушевились, переживаютъ самихъ себя, для благоденствія попомства, для усовершенствованія *человѣческаго* рода.

(Изъ Нѣм. Журн.)

X.

С М Ъ С Ъ.

Въ одной Французскомъ Журналѣ (Journal general de la Literature Etrangere) помѣ-

щено извѣстіе о переводѣ на Россійской языкѣ *Антенорова Путешествія*. Московскому изданію отдають преимущество передъ Петербургскимъ.

Вотъ примѣръ геройской неуспрашимости: Въ Парижѣ одинъ кучеръ, ѣдучи съ наемною каретою, на поворотѣ въ переулокъ, по несчастію ударилъ ее о каменной столпъ такъ сильно, что самъ не удержался на козлахъ и слетѣлъ внизъ подъ переднія колеса. Случившаяся близко Дама, думая, что онъ ушибся, съ сострадательною заботливостію спросила его, не надобно ли ему помочь? — Герой-кучеръ, поблагодаривъ ее вѣжливо, прибавилъ: „Это для меня не новое; подобныя приключенія бывають очень часто со мною. Но если бы и случилась какая бѣда, развѣ не должно умереть на своемъ постѣ? ранѣе или позже — розница не великая!“

(Изъ *Französische Mîgel.*)

Многіе молодые люди, прихожане одной церкви, находящейся не далеко отъ Версаліи, сочетавшіеся бракомъ въ то время, когда всѣ церковные обряды почитались преступленіемъ прошивъ благомы-

слія , захотѣли , чѣобы брачною союзѣ ихъ , заключенный прежде по силѣ однихъ законовъ гражданскихъ , нынѣ былъ освященъ Паспырскимъ благословеніемъ , и вдругъ семнадцать паръ явились въ церковь для совершенія обряда. Необыкновенное зрѣлище привлекло множество любопытныхъ. Празднество кончилось веселымъ пиромъ , которымъ сельской Мерѣ угощаль опцевъ посаженныхъ.

(Изъ того же Журн.)

Архенхольцъ въ Минервѣ , издаваемомъ имъ Журналѣ , извѣщаетъ , что скоро выдетъ въ свѣтъ написанная искуснымъ перомъ на Нѣмецкомъ языкѣ Біографія Князя Потемкина - Таврическаго. Онъ прибавляетъ , что недавно напечатанная въ Лейпцигѣ и Галлѣ жизнь сего Князя есть самое неизправное сочиненіе , не заслуживающее никакого вниманія по всѣмъ отношеніямъ.

XІ.

*П а р и ж с к і я М о д ы.**Съ 6го по 16е Августа.*

Мода на шитье достигла здѣсь до такой степени, что щеголиха не только носишь шаль, косынку, пояса, робу, мамлюкъ, пелерину, рукава и рабочей мѣшокъ, но даже сорочку и носовой платокъ вышитыя. Сїи послѣдніе вышиваются только бѣлою бумагою.

*⁵

За нѣсколько времени предъ симъ, модница, не имѣя при себѣ ни кармановъ, ни кошелька, завязывала нѣсколько мѣлкихъ серебряныхъ денегъ въ узелъ носоваго своего платка (но и тошъ она не всегда брала съ собою); нынѣ та же самая щеголиха не можетъ показаться въ обществѣ безъ мѣшка, носоваго платка и маленькаго кошелька съ деньгами.

*

Для утренней прогулки Дамы употребительны теперь шляпки изъ самаго тонкаго и легкаго сукна, орховаго цвѣшу.

*

Для Дамскаго полунаряду щегольствомъ почитается носить серьги, состоящія изъ маленькаго золотого колечка, къ которому прикрѣплены три боль-

шіе брилїанта , одинъ надъ другимъ , такъ чтобы они имѣли безпрестанное движеніе (*mobilement*). Эпопъ сортъ серегъ здѣсь есть самый новый , мало извѣстный и знаатоками во вкусѣ весьма опличаемый.

Имѣете ли вы у себя шелковую робу, цвѣту горпензїи ? Это хорошо ; но Мода требуетъ еще , чтобы оная обшина была по краямъ бумагою бѣлою , по - поламъ съ розовою. Изобрѣпеніе сіе есть самое новѣйшее.

Со времени наступленїя хорошей погоды ; молодые Кавалеры не носятъ шпалъ , кромѣ какъ для параднаго выѣзду. Въ самыхъ наряднѣйшихъ бесѣдахъ они пандуктъ , сывѣ сдѣлы полу - неглиже , а для гулянїевъ носятъ сапсжки , кожаное изпсдансе плапне , срсчки безъ жабо , ибо манжеты и жабо успребляктся только для большаго наряду.

Модные цвѣты для крашенїя каретъ суть : *зеленый - Американскїй* , или *зеленой - воды* , и *мороженаго кофе*.

Самыя употребительнѣйшія робы суть креповыя абрикосоваго цвѣту , или бѣлыя

кисейныя, вышитыя большими пальмами хлопчатую бумагою. Сіи послѣднія робы подбиваются абрикосовою тафтою.

Въ дѣлахъ пошребна ненарушимая шайна; въ обыкновенномъ обращеніи благо-разумная осторожность, а въ сердечныхъ связяхъ безпредѣльная довѣренность.

Можно любить уединеніе, будучи и не мизантропомъ; никто не удобенъ такъ къ привязанности, какъ человекъ разсѣянныхъ мыслей; чувствительные люди удаляются отъ многолюдства.

ПОЛИТИКА.

I.

*Перечень извѣстій изъ Лондона съ
10го по 24е Августа.*

Пять сотъ купеческихъ кораблей, включая Остъ-и Вестъ-Индскій флоты, вошли въ теченіе одной недѣли въ Великобританскія гавани, съ весьма богатымъ грузомъ, съ такою же безопасностію, какъ бы то было посреди самаго глубокаго мира. Одинъ только корабль изъ всего вышепомянутаго числа судовъ достался въ руки непріятеля, отдѣлившись по случаю отъ прочихъ.

Выходившая изъ Бреста часть тамошняго непріятельскаго флота, объякорившаяся въ Камаретскомъ заливѣ, не разсудила за-благо пуститься въ дальнѣйшій свой путь, но возвратилась опять въ помянутую гавань, и нашъ флотъ недреманно наблюдаетъ теперь за всѣми движеніями Брестскаго флота, состоящаго изъ 21го линейнаго корабля и 6 фрегатовъ.

Одинъ прибывшій сюда изъ Булони Шведъ увѣряетъ, что Французскія кано-

нерныя шлюпки вскорѣ учинятся негодными къ дѣйствию, по причинѣ вреда, претерпѣваемаго ими ежедневно отъ сильнаго одна о другую прикосновенія во время морскаго прилива и отлива. Тяжесть пушекъ, поставленныхъ на кормѣ и на носу, заставляеиъ ихъ колебаться безпрестанно, и уже многія изъ сихъ шлюпокъ, не выходящія еще съ Булоньской рейды, повреждены до того, что не могуиъ никакъ продолжать службы.

Директоры Остѣ - Индской нашей Компаніи, желая вознаградить ревность и мужество, оказанныя прибывшимъ сюда изъ Китая флотомъ, по случаю встрѣчи его съ Адмираломъ Линуа, ассигновали 50 тысячъ ф. стерлинговъ (400 тысячъ рубл.) Капитанамъ, Субалтернъ - Офицерамъ, морскимъ служившимъ и магіросамъ, на помянутомъ флотѣ находившимся. — Вскорѣ ожидаюиъ сюда прибытія нѣсколькихъ кораблей изъ Бенгалъ, грузъ коихъ цѣнятъ въ 2 миліона ф. стерлинговъ (16 миліоновъ рубл.)

Большая часть кораблей эскадры нашей, разѣзжающей передъ Булонью, принуждена была бурною погодою возвращаиъся въ Дюны.

Лагери на берегахъ нашихъ усиливаются со дня на день, и къ сигналамъ, о которыхъ соглашенось уже для возвѣщенія о приближеніи непріятеля, присокуплены и такъ называемые *мароны*, которые производятъ звукъ гораздо сильнѣе, нежели изъ большой пушки, и которые палишь будутъ черезъ каждую четверть часа.

Здѣсь ожидаютъ болѣе нежели прежде когда-либо, что Французы предпримутъ вскорѣ свою экспедицію противъ Англїи. Увѣряютъ, что военные снаряды и сѣстные припасы нагружены уже на корабли, и 2 тысячи мѣлкихъ вооруженныхъ судовъ со 150 ю тысячами сухопутнаго войска пустятся въ отважное предпрїяніе, прорваться сквозь наши флоты, чтобъ приближиться къ берегамъ нашимъ. Время вскорѣ окажется, каковъ будетъ успѣхъ сей чрезъ столь давнее время изготовляемой экспедиціи!

Ихъ Величества и Королевская Фамилія отправились 24 го Августа изъ Виндзора въ Веймушъ.

Кромѣ хлѣба, закупаемаго Британскимъ правительствомъ въ гаваняхъ Балтійскаго и Средиземнаго морей, купцы

наши послали отъ себя препорученія въ Россію, Германію, прежде - бывшую Польшу и Америку, для закупки хлѣба болѣе нежели на 5 миліона ф. стерлинговъ (на 18 миліоновъ рубл.). По сему - по самому и упалъ курсъ нашъ на иностранныя торговыя мѣста.

Пишутъ изъ Америки, что несогласія между Испаніею и Соединенными Обласіями увеличиваются со дня на день. По поводу сему Президентъ Жефферсонъ опредѣлилъ отправить въ Испанію двухъ Уполномоченныхъ: 1) для дружелюбнаго прекращенія несогласій, существующихъ съ прошедшаго году между Американскимъ правительствомъ и Испанскимъ Губернаторомъ города Новаго - Орлеана; 2) предложить нѣкоторыя новыя распоряженія, учинившіяся необходимо нужными съ тѣхъ поръ, какъ Луизіана досталась Соединеннымъ Обласіямъ, и 3) сдѣлать нѣкоторыя предложенія, относительныя до принадлежащей Испаніи Области Флориды. — Г. Ливингстонъ, бывший доселѣ Американскій Посланникъ въ Парижъ, назначенъ бытъ однимъ изъ сихъ Уполномоченныхъ.

Желтая лихорадка свирѣпствуетъ на островахъ нашихъ въ Вестъ - Индіи,

а особливо на Ямаикѣ; оная оказалась уже и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣверной Америки, чему причиною полагаютъ чрезвычайные жары, бывшіе шамъ во все нынѣшнее лѣто.

Часть экипажей Лорда Говера, назначеннаго въ Посланники наши къ Россійско - Императорскому Двору, послана уже на корабль изъ Гравезанда въ Санктпетербургъ, а самъ Посланникъ отпра- вился изъ Ярмупа на фрегатъ Амбюскадъ. Въ свитѣ его находятся: Г. Понсомби; Секретарь Посольства Россѣ; при- ватный Секретарь Стевартъ, и 11 слу- жишелей, для которыхъ сшита велико- лѣпнѣйшая ливрея.

Слѣдующее дѣянїе оппѣниваетъ со- вершенно варварство Дессалина и Негровъ, владычествующихъ теперь на остро- вѣ Ст. Домингъ: „Г. Коссадъ (Французъ) прїѣхалъ изъ Бордо въ Капъ - Франсе съ кораблемъ, товарами нагруженнымъ. Же- ланїе спасти имущество свое, побудило его стараться снискать себѣ дружество Негрскихъ предводителей, и онъ пригласилъ къ себѣ на обѣденный столъ Десса- лина и 40 другихъ его Генераловъ и Шпабъ - Офицеровъ. Велїе обнаружива- лось сначала въ сердцахъ сихъ злодѣевъ.

Г. Коссадъ выпилъ за здоровье Дессалина и за благоденствіе Гаитскаго народа. Послѣ того Дессалинъ предложилъ выпить за здоровье Гна. Коссада. По знаку сему бросились потчасъ на сего послѣдняго Негрскіе Офицеры, сидѣвшіе подлѣ него, и повадили сего несчастнаго на шолъ; каждый изъ нихъ взялъ ножъ и вонзилъ ему въ сердце. Послѣ сего смерноубійства, изверги пошли еще къ нѣкоторымъ другимъ богатымъ часнымъ людямъ, и умертвили ихъ, одного послѣ другаго!!! “

Перечень извѣстій изъ Парижа съ 10го по 24е Августа.

Бонапарте все еще находится въ отсуствіи, и объѣзжаетъ берега и гавани, въ которыхъ изгопвляется экспедиція противъ Англїи. 11го Августа былъ онъ въ Оспендѣ, и обозрѣвалъ тамошнюю флотилію подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Вергюэля; оттуда же возвратился въ Булонь, для празднованія 15го числа своего тезоименитства, которое возвѣщено было по утру выстрѣлами изъ 2хъ тысячъ пушекъ. 16го Числа раздавалъ онъ шамъ знаки отличія Членамъ Почетнаго Легіона и принималъ присягу какъ

отъ нихъ , такъ и отъ находящихся тамъ войскъ , до 100 тысячъ человекъ простирающихся , послѣ чего сіи послѣдніа проходили скорымъ маршемъ мимо возвышеннаго открытаго мѣста , на которомъ онъ сидѣлъ въ креслахъ древняго Французскаго Короля Дагоберта , и маршированіе сіе продолжалось болѣе трехъ часовъ. 17го Числа происходили бѣганье въ запуски ; конское ристаніе ; опытъ надъ повозкою съ парусами , и разныя другія воинскія игры ; ввечеру же 1000 ракетъ и 1000 же бомбъ пущены были изъ лагерьа съ лѣвой стороны , и въ теченіе цѣлаго часа представляли огнедышущую гору , выбрасывающую изъ себя тысячи звѣздъ. Послѣ того , 15 тысячъ человекъ войска производили огонь по шеренгамъ , и въ полчаса бросили болѣе 150 тысячъ звѣздчатыхъ картечь. Наконецъ въ тотъ же самый вечеръ городъ былъ иллюминованъ съ поличимъ же вкусомъ , какъ и великолѣпїемъ , а въ 11 часовъ по полудни Генераль Сулыпъ далъ въ Булоньской Театральной залѣ , нарочно для сего случая имѣ убранной , балъ , на которомъ находилось болѣе 100 Дамъ , отличавшихся прелестями и великолѣпными своими нарядами. — — День возвращенія Бонапарпева въ Парижъ еще не

извѣстенъ; а носятся слухи, что оно послѣдуетъ по отправленіи уже въ пушь высадной экспедиціи.

Въ Антверпенѣ производило 17го Августа торжественное освященіе тамошняго морскаго арсенала, построеннаго по плану, начерпанному самимъ Бонапартиемъ 28го Іюля прошедшаго году. Впрочемъ упомянутый городъ не назначенъ ни Портомъ для снаряженія военныхъ судовъ, ниже пограничною крѣпосцію, но только гаванью для строенія линейныхъ кораблей и торговымъ мѣстомъ. Въ немъ готовы уже магазины, казармы и 7 верфтей, на которыхъ достраиваются 5 линейные корабля, одинъ фрегатъ и 2 корветы. Способы сообщенія Антверпена съ рѣками Рейномъ, Мозелемъ и Шельдою содѣлываютъ гавань его удобною для упомянутыхъ работъ, а вмѣстѣ и для весьма выгодной торговли.

Тогожъ 17го Августа производило освященіе и Шербургской площади, возвышающейся на 12 футовъ надъ моремъ, и на которой поставлена батарея о 40 пушкахъ и 12 мортирахъ. На Шербургской рейдѣ могутъ корабли наши стоять безопасно и быть вооружаемы. Они най-

дуть въ ней надежное убѣжище и дѣятельную защиту для оборонительныхъ дѣйствій, а для наступательныхъ — мѣсто отбѣзда, выгоднѣйшимъ образомъ разположенное.

Въ Стразбургѣ получено достоверное извѣстіе, что Бонапарте прибудетъ туда не прежде, какъ въ первыхъ числахъ Сентября, по обозрѣніи уже всѣхъ крѣпостей, вдоль Рейна лежащихъ.

Гжа. Моро пріѣхала въ Испанію къ супругу своему, и пишетъ сюда къ роднымъ своимъ, что оба они надѣются препровести тамъ всю зиму.

Со времени Амїенскаго мира, національные долги Франціи увеличились 200 миліонами ливровъ (50ю миліонами руб.).

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ. 1804.

№ 18.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Любовники безъ любви.

(Новѣйшая повѣсть Гжи. Жанлисѣ.)

„Il y a des gens qui n'auraient jamais été
„amoureux, s'ils n'avaient jamais entendu
„parler de l'amour.“

(*Maximes de la Rochefoucault.*)

Многіе ополчались противъ предубѣжде-
нія матерей въ пользу нѣкоторыхъ изъ
дѣтей ихъ. Хорошо дѣлають, оуждая
такое предпочтеніе, когда оно несправед-
ливо, или слишкомъ явно. Однакожь бу-
демъ увѣрены, что оно почти всегда бы-
ваетъ основательно: мать въ надеждахъ
и опасеніяхъ своихъ можетъ обмануться
въ разсужденіи будущаго, но о наспопящемъ
судишь она всегда здраво; ибо кто лучше
ея можетъ знать ея дѣтей? Нѣкоторой

человѣкъ укорявшему его за разводъ съ женою, которая была прекрасна и добродѣтельна, отвѣчалъ: „ты можешь легко видѣть, хорошо ли сшилъ башмакъ мой, но не можешь узнать, гдѣ жметъ онъ мнѣ ногу.“ Еще труднѣе проникнуть въ изгибы чувствительнаго и нѣжнаго сердца матери: когда избираетъ она себѣ любимцевъ изъ существъ столь милыхъ, изъ дѣшей своихъ, то конечно виновна; но охудая, надлежитъ объ ней сожалѣть и вѣрить, что мать сія болѣе погрѣшаетъ отъ неблагоразумія, нежели отъ несправедливости.

Всѣ негодовали на Маркизу Форлисъ за безмѣрную горячность къ Луизѣ, большой ея дочери. Юлія, меньшая, казалась всѣмъ несравненно любезнѣе и была дѣйствительно такова. Луизѣ исполнилось двадцать лѣтъ; она имѣла такое лицо, которое всѣ благонамѣренныя люди могутъ похвалить, хотя оно и никому не понравится. Женщины говорили, что она не дурна; но мать почиала ее красавицею. Описавъ ее подробно, можно дать понятіе о весьма пригожей женщинѣ: большіе глаза, маленькой ротъ, прекрасные зубы; стройность, бѣлизна, но цвѣтъ лица блеклый; глаза ея были слишкомъ круглы и вышуклы, ротъ разтворядся.

непріятно, взоръ былъ безъ всякой вырази-
 зительности, а орлиный и нѣсколько
 длиноватый носъ придавалъ ея фізіоно-
 міи мрачную опшѣнку печали, которую
 льстецы Гжи. Форлисъ называли кроп-
 кою меланхоліею и величавостію. Этому
 несчастному носу приписывали еще дру-
 гія похвалы: горничныя Маркизины жен-
 щины говорили на примѣръ, что онъ очень
пропорціоналенъ, а друзья увѣряли, что
 это былъ настоящій Римской носъ. Спанъ
 Луизы хошя былъ очень правиленъ, но
 не имѣлъ довольно развязности, такъ какъ
 и всѣ ея ухватки, копорыя однакожъ Гжа.
 Форлисъ выдавала за образецъ совершен-
 ной ловкости и приспойности. Луиза,
 при умѣ весьма ограниченномъ, имѣла
 большія свѣдѣнія и таланты; но, по не-
 щастію, прилѣжала она только къ такимъ
 вещамъ, копорыя въ свѣтѣ не могли ей
 придать ни малой пріятности: на при-
 мѣръ, она рисовала однѣ только большія
 головы и Академическія фігуры (*) чер-
 ными и бѣлыми карандашами на синей
 бумагѣ. Маркиза съ примѣшнымъ удоволь-
 ствіемъ показывала *древнее туловище*
 (*torse antique*) и *ободраннаго теловѣка*,
 (*l'écorsé*), два мастерскія произведенія

(*) Цѣлыя и нагія человѣческія фігуры.

Луизы. Сїи двѣ картины были вставлены въ рамы для украшенія залы. Изъ Исторіи Луиза ничего не помнила, кромѣ однѣхъ числъ; у нее въ головѣ помѣщалась удивительная Хронологія; а въ Географіи знала она только теченіе рѣкъ. Она была искусна въ Музыкѣ, и Маркиза Фэрлисъ, копорая въ молодости своей игрывала превосходно на клавесинѣ; очень была довольна, что дочь ея предпочитаетъ сей инструментъ форте – піану. Луиза играла всегда на великолѣпномъ Рикеровомъ клавесинѣ матери своей, и изъ весьма похвальной дочерней любви предпочитала длинныя шаринныя сонаты, которыя мать ея прежде игрывала. Гжа. Фэрлисъ восхищалась, слушая пїесы Скарлатіевы, Галуппиевы, Албершени, Ганделевы и проч. Удивляясь имъ, не совѣиъ была она виновна; однакожъ нынѣшніе охотники и знапки не всегда раздѣляли съ нею воспорги ея. Луиза любила только важныя танцы; ей напвердили, что они одни приличны величественной ея осанкѣ. Она превосходно танцовала менуэпъ и, упражняясь на балахъ въ сей талантъ, приводила всѣхъ въ отчаяніе. Извѣстно, какъ скученъ менуэпъ для обыкновенныхъ танцовщиковъ, и съ какимъ неперпнїемъ ждупъ они еіо

окончанія, для начатія опять коншрансовъ или Экосезовъ, имъ прерванныхъ. Наконецъ Луиза въ большомъ свѣтѣ или ничего не значила, или наводила скуку; но она обладала такими свойствами, которыя нравятся всѣмъ матерямъ и дѣлаютъ женщину любезною въ ея семействѣ; она любила порядокъ, была хозяйка, имѣла склонность къ приличнымъ полу ея упражненіямъ, холодный умъ, доброе сердце и нравъ превосходный; она была признашельна, богомъворила мнѣ свою и къ одной только ей имѣла неограниченную довѣренность. Первоснапейные Писатели Морали, желакціе были наставниками молодыхъ людей, говоря имъ единственно о томъ, что можно выражать краснорѣчиво и блисшашельно, швердятъ только о главныхъ должностяхъ ихъ; но кто можетъ ихъ не вѣдать? Есть однако же совѣты, по видимому, неважные, которые несравненно были бы имъ полезнѣе; подавать же сіи совѣты предоставлено гораздо низшаго разряда Писателямъ. И такъ я скажу молодымъ дѣвицамъ, что вещь, наиболѣе матери нравящаяся, есть та, когда дочь совѣтуется съ нею о своихъ нарядахъ и слѣпо вѣритъ ея вкусу, особливо еслили мать перестала уже заниматься соб-

ственными уборами; ибо тогда обыкновенно полагають, что вкусъ ея обветшалъ; но не старается ли она соблюсти его и еще болѣе усовершенствовать для украшенія дочери своей? Вотъ какъ думала Луиза: „матушка лучше меня знаетъ, что мнѣ къ лицу.“ Сихъ однихъ словъ было бы довольно, чшобъ заспавить благо-разумнаго человѣка жениться на дѣвушкѣ, которая говоритъ такъ отъ искренняго сердца. Наконецъ признаться ли? Когда женщина въ 20 лѣтъ полагается на чужой вкусъ въ нарядахъ своихъ, то ни въ чемъ другомъ не можетъ быть послушною. Юлія прекрасная, умная, живая, любила и почишала мать свою; но вкусъ ея находила весьма готическимъ, и слѣдовательно не сообразнымъ съ ея собственнымъ. Она ни мало не уважала Рикеровыхъ клавинонъ, ненавидѣла *лавныя* танцы, и даже самый шакъ называемый *меню а-ла-Ренъ*, не взирая на два или на три прыжка, которые нѣсколько его развеселяють. Она не любила сонатъ Скарлатіевыхъ; играла однѣ шолько варіаціи и на Эрардовомъ форте - піано. Путеводительницею избрала себѣ не мать свою, другомъ не сестру. Графиня Адріэнна, племянница Гжи. Форлисъ, имѣла полную довѣренность Юліи; эшо была молодая двадцати-шестилѣтн-

няя женщина, далеко не такъ умная и добросердечная, какъ Юлія, но хорошо одѣвалась, знала свѣтъ и очень пріятно говорила. Она льстила Гжѣ. Форлисъ и подавала дурные совѣты ея дочери. Маркиза оскорблялась дружбою, которую оказывала Графинѣ Юлія; однакожь довольно ее любила. Сестры жили въ совершенномъ между собою согласіи, не взирая на несходство характеровъ, потому что внутренно обѣ онѣ были очень благонравны. Маркиза Форлисъ богатая вдова, ни отъ кого не зависящая, была намѣрена раздѣлить имѣніе свое по-равну двумъ своимъ дочерямъ; но хотѣла непременно выдать напередъ Луизу, и по нещасію до сего времени прелестная Юлія привлекала къ себѣ всѣхъ жениховъ. Виконтъ Фонрозъ страстно въ нее влюбился. Имѣя 29 лѣтъ отъ рѣду, былъ онъ знатенъ, хорошъ собою и велъ себя безпорочно. Юлія чувствовала къ нему взаимную склонность; но руководимая Графинею Адріэнною, тщателью скрывала чувствія свои отъ матери, которая, совсѣмъ не помышляя, чтобъ Фонрозъ былъ влюбленъ въ Юлію, ласкалась надеждою, что онъ можетъ влюбиться въ Луизу, которой старалась придать въ его глазахъ большую цѣну. Фонрозъ, желая угодишь Гжѣ.

Форлисъ, оказывалъ величайшее удивленіе къ древнему туловищу и къ ободренному. Когда Луиза играла свои прекрасныя сонаты, Фонрозъ сидѣлъ подлѣ клавирина, что всегда почиталось доказательствомъ любви; наконецъ онъ много разъ танцовалъ съ нею менуэтъ, и Гжа. Форлисъ, наблюдающая все сіе въ молчаніи, питала величайшую надежду. Между тѣмъ Фонрозъ вздумалъ поговорить съ Маркизою и просить у нее руки Юліиной. „Не дѣлайте этого, сказала ему Адриэнна: вамъ откажутъ такъ, какъ и всѣмъ прочимъ. Развѣ забыли вы, что она хочетъ прежде сыскать мужа Луизѣ? Не уже ли не найдемъ мы человека благоразумнаго, которой предпочелъ бы большую дочь меньшей?“ — Мнѣ пришла шеперь богатая мысль, вскричалъ Фонрозъ. . . Вы знаете вѣрно, хотя по слуху, родственника моего, стараго Барона Вердака? — „Очень знаю, отвѣчала Адриэнна, потому что отецъ мой имѣетъ съ нимъ тяжёбое дѣло.“ — Послушайте же, сказалъ Фонрозъ: онъ прислалъ недавно изъ деревни своего единственнаго сына, котораго препоручилъ мнѣ, и я представлялъ уже этого молодого человека во Двору. . . — „Сколько ему лѣтъ?“ — „Двадцать два года. Онъ очень богатъ и знаменитъ. . . — „Каковъ собою?“ —

Очень не дурень; правда, что не имѣетъ свѣтской ловкости. . . — „Въ этомъ я и не сомнѣвалась“. . . — Однакожь онъ, что называется, молодецъ. . . — „Видно, онъ также хорошъ, какъ хороша Луиза?“ — Точно такъ: большой ростъ, черные волосы, черты лица выразительныя, застѣнчивъ, холоденъ. . . — „Теперь я изъ тысячи человекъ его узнаю.“ — Онъ очень хорошо воспитанъ; хвалятъ его ученость и благоразуміе. — „То есть, онъ рчень ученъ и очень простъ; его-то найтъ и надобно. Вотъ супругъ, нарочно созданный для премудрой и совершенной Луизы! Тетушка ѣдетъ завтра въ деревню; должно попросить у нее дозволенія привезть къ ней вашего родственника.“ — Непремѣнно. — „Откройте Виконту вашу шайну, чтобъ онъ вамъ послѣ не могъ помѣшашь.“ — О! не опасайтесь этого; молодой родственникъ мой такъ много полагается на мой вкусъ, что если бы я открылъ ему все, что думаю объ Юліи, онъ влюбился бы въ нее единственно изъ уваженія къ моему мнѣнію. — „Въ такомъ случаѣ, хвалите ему шолько сестру ея.“ — Точно такъ я и намѣренъ поступать. — „Не думаю, чтобъ онъ былъ способенъ къ страстямъ сильнымъ.“ — Нѣтъ! сердце его совершенно ново. — „Въ службѣ ли

онъ?“ — Безъ сомнѣнiя; но полкъ его стоитъ въ двухъ миляхъ отъ его деревни. Отецъ въ первый еще разъ съ нимъ разлучился и черезъ мѣсяцъ сюда къ нему будетъ. — „Не уже ли вы и дѣйствительно надѣетесь, что можете заспавить его влюбиться въ Луизу?“ — Я стану его въ этомъ увѣрять, а онъ мнѣ непременно повѣритъ. Онъ никогда не слыхивалъ о любви. . . — „Въ 22 года можно кажется и самому догадаться.“ — Онъ не масперѣ догадываться. Одно только обстоятельство нѣсколько меня тревожитъ: отецъ его пріискалъ уже для него невѣсту. . . — „Видѣлъ ли ее молодой человекъ? — Нѣтъ еще, и даже не знаетъ, какъ ее зовутъ. Будучи не любопытенъ, не имѣетъ онъ ни малѣйшаго желанiя знать ея имени, и вѣритъ, какъ онъ мнѣ самъ сказывалъ, что отецъ его не можетъ обмануться въ выборѣ. . . — „Если бы это была Луиза?“ — Нѣтъ, не она; онъ не знаетъ ничего болѣе о своей невѣстѣ, кромѣ того, что отецъ ея въ Спатской службѣ. — „Этотъ старой Баронъ Вердакъ непріятель отцу моему; мнѣ было бы очень пріятно разстроить планы его, и я не пощажу ничего; чпобъ придашь большіую цѣну Виконту Вердаку въ глазахъ Луизы.“ . . — Она такъ холодна! . . . — „И такъ странно-

но и смѣшно воспитана! Представыше, что она не читала ни одного романа! Я хотѣла прислать ей самыхъ нравоучительныхъ, и вотъ что она мнѣ отвѣчала: мадушкѣ не нравятся книги эшого рода.“ — Что же? намъ надобно заставить ее сочинить романъ, котораго будетъ она героинею. Если бы Юлія согласилась намъ помочь! . . . — „Я вамъ за нее ручаюсь.“

Въ самой день сего разговора, Фонрозъ предспавилъ Виконта Вердака Гжѣ. Форлисъ; она приняла съ вѣжливостію и ласкою молодаго челоуѣка, которому Фонрозъ былъ родственникъ и наставникъ; даже оставила его у себя ужинашь. Виконтъ до сего времени изъ застѣнчивости и равнодушія никогда не сматривалъ пристально на женщинъ; но будучи предупрежденъ съ утра челоуѣкомъ свѣтскимъ и блистательнымъ, что Луиза первая красавица въ Парижѣ, вздумалъ разсмотрѣшь поприлѣжнѣе сіе мастерское произведение Нашуры, и глаза его часто на нее обращались. Когда начали садиться за карточныя столы, Фонрозъ далъ примѣшить Виконту картины Луизины, сказавъ ему: *посмотри, это великолѣпно!* Виконтъ очень хорошо зналъ Греческой, Латинской и Нѣмецкой языки, Исторію,

Математику, но не имѣлъ понятія о Художествахъ, и даже съ перваго взгляда почелъ туловище лапами, и примѣтно наморщился, взглянувъ на *ободраннаго*; но Фонрозъ изъяснилъ ему то, чего онъ не зналъ, и Виконтъ повторилъ, что и дѣйствительно сіи двѣ картины *великолѣпны*. Въ сію минушу Луиза подошла съ каршою къ Фонрозу, которой шепнулъ другу своему, чтобъ онъ сказалъ ей что нибудь пріятное о ея работѣ. Виконтъ, изъ одного только послушанія и съ великимъ замѣшательствомъ, сказалъ *закрасившись* Луизѣ: *мы удивлялись, сударыня, вашему туловищу и скелету, которые прелестны*. Услышавъ такое рѣдкое привѣтствіе, Луиза, довольно хорошо знавшая языкъ Аршистовъ, засмѣялась, что довершило замѣшательство бѣднаго Вердака; но Фонрозъ его утѣшилъ, увѣривъ, что Луиза опнюдь не насмѣшлива, и что отъ чрезмѣрной скромности она всегда принимаетъ за шушки самыя искреннія и шонкія похвалы. За ужиномъ Адріэнна посадила Виконта подлѣ Луизы, и Фонрозъ мимоходомъ предложилъ родственнику своему завести съ дѣвицею Форлисъ разговоръ о *рѣкахъ*. Виконтъ, до крайности обрадованный, что его снабдили матеріею къ разговорамъ, не премы-

нуль выспросить у Луизы о всѣхъ рѣ-
кахъ и рѣчкахъ Лангедокской Провинціи,
и она отвѣчала съ такою точностію, что
привела его въ восхищеніе. Сей занима-
тельный разговоръ продолжался во весь
ужинъ, потому что Виконтъ, зная со-
вершенно карту своей Провинціи, не по-
щадилъ бѣдную Луизу; онъ не забылъ
ни одного ручейка и не могъ надивиться
скорости и правильности ея отвѣповъ.
Вышедъ изъ - за стола, сказалъ онъ Фон-
розу, что дѣвица Форлисъ чрезвычайно
умна.

Обѣ сестры спали въ одной комнатѣ,
и ввечеру Юлія, раздѣваясь, спросила у
Луизы, примѣтила ли она, съ какимъ вни-
маніемъ смотрѣлъ на нее Виконтъ Вер-
дакъ? — „Дѣйствительно! отвѣчала Лу-
иза: я безпрестанно встрѣчала его гла-
за.“ — Удивительно, какъ онъ былъ занятъ
тобою! — „Эпошь молодой человекъ очень
любезенъ; разговоръ его занимателенъ и
пріятенъ.“ — Говорятъ, что онъ очень
ученъ: знаетъ всѣ языки, Математику
и всѣ Науки. — „Знаешь ли онъ Геогра-
фію?“ — Онъ очень въ ней силенъ и дѣ-
лалъ мнѣ такіе вопросы, которые дока-
зываютъ великія свѣденія: жаль только,
что онъ не умѣетъ такъ хорошо гово-
рить о Художествахъ. — „Онъ страшно

ихъ любитъ.“ — Однакожь онъ такъ странно изъяснялся о моихъ карпинахъ!... — „Повѣрь, что это была шутка: Графиня, которая въ этомъ очень свѣдуща, говоритъ, что онъ имѣешь умъопиѣнно пріятной.“ — Я то же примѣтила за ужиномъ. — „Сверхъ того онъ очень веселый человекъ.“ — Однакожь въ лицѣ его естъ что-то печальное! — Тѣмъ онъ еще пріятнѣе.“ — Такъ, что противоположность... Въ сей первый разъ Юлія ничего болѣе не говорила. Фонрозъ, съ своей стороны, безпрестанно твердилъ Виконту о совершенствахъ Луизы, и молодой Провинціалъ признавался, что никогда не видывалъ такой прекрасной и умной женщины. Гжа Форлицъ поѣхала въ свой загородной домъ, находящійся въ Шевильи, близь Парижа. Фонрозъ, приглашенный туда на недѣлю, получилъ дозволеніе принесть съ собою друга своего. Графиня отправилась туда же. Виконтъ однажды послѣ ужина услышалъ, что Луиза играетъ на клавесинѣ; желая подражать во всемъ другу своему, сѣлъ онъ подлѣ него, облокотясь на клавесинъ, билъ пихонько такую довольно вѣрно, потому что слѣдовалъ движеніямъ Фонроза. Всякой разъ, какъ сей послѣдній кричалъ: *браво! безмодбно!* Вердакъ, не много дремлющій, просыпался

вздрагивая, и стараясь скрыть одолевшую его зѣвопу, повпорялъ въ полголоса нѣже восклицанія. Однакожь, не сдѣлавъ привычки долго сидѣть послѣ ужина, едва не предался сну въ то самое время, какъ Луиза играла труднѣйшія и блистательнѣйшія мѣсца своей сонаты; но Фонрозъ подбпредлогомъ, что съ восхищеніемъ одобряетъ талантъ ея, сильно толкнулъ Вердака и вызолоченную подпорку, которая поддерживала крышку инструмента; крышка сія упала съ шумомъ хотя гармоническимъ, но весьма сильнымъ. Луиза переспала играть, и Гжа. Форлисъ затрепала отъ опасности своего клавесина. Устрашенный Вердакъ вскочилъ и машинально сказалъ: *браво!..* Вотъ; вскричалъ Фонрозъ, вотъ черта энтузіаста, достойная замѣчанія! Вердакъ, ни мало не внимая страшному стуку, которой всѣхъ насъ такъ перепугалъ, слышалъ только Ганделеву сонату, и среди всего этого безпорядка первое его движеніе было одобрять. Вотъ настоящій и рѣдкой охотникъ! Когда онъ слышитъ что нибудь изящное, то, подобно Гораціеву Мудрецу,

Паденіе небесъ его не поколеблетъ!

Дѣйствительно, сказала Гжа. Форлисъ, улыбаясь съ довольнымъ видомъ: онъ

умѣетъ слушать музыку. „Виконтъ оцѣвчалъ на сїи лестныя похвалы обыкновеннымъ своимъ холоднымъ тономъ, но увѣрялъ при томъ, что страшно любитъ музыку.

На другой день по утру Юлія, проснувшись, сказала Луизѣ: „Боже мой! что съ тѣбою случилось, сестрица?“ — Что такое? — „Ты во всю ночь бредила и говорила о Виконтѣ Вердакѣ.“ — Вотъ хорошо! — „Такъ точно, ты поминутно произносила его имя.“ . . . — Это однакожъ не понятно, пощому что я совсѣмъ объ немъ не думаю. — Юлія начала смѣяться съ видомъ значительнымъ. Изумленная Луиза продолжала дѣлать ей вопросы, а Юлія дала ей почувствовать, что подозреваетъ ее въ склонности къ Вердаку. Луиза защищалась отъ сего съ великою искренностію; но Юлія спорила съ нею, и она въ самомъ дѣлѣ начала безпокоиться. Увидясь съ Вердакомъ, стала она разсматривать его съ нѣкоторымъ любопытствомъ, желая по крайней мѣрѣ хотя не много узнать всего молодого человека, къ которому увѣряли ее, что она начинала имѣть склонность; Виконту же не преминули дать замѣтить, что дѣвица Форлисъ смотритъ на него совсѣмъ соблазными глазами. Послѣ обѣда Графиня, от-

ведя обѣихъ сестеръ въ кабинетъ, сказала имъ: „Мнѣ должно вамъ открыть, что я слышала сего дня по утрамъ отъ Фонроза: онъ увѣряетъ меня, что Луиза вскружила голову этому бѣдному Виконшу Вердаку. Сего дня ночевалъ онъ въ комнатѣ, которая отдѣлена отъ Фонрозовой тонкою перегородкою; во всю ночь кричалъ: *браво!* и билъ такту по стѣнѣ изо всей силы.“ Услышавъ сіе, Луиза взглянула покраснѣвши на сестру свою. Юлія дивилась симпатіи, и Луиза призналась, что ей очень кажется чудно такое согласіе мыслей и чувствій.

Фонрозъ пересказалъ сію сказку и Вердаку, которой сначала не вѣрилъ, клянясь ему, что никогда не бывалъ лунашикомъ; но Фонрозъ утверждалъ, что ничего не было этого справедливѣе, и онъ наконецъ повѣрилъ, изъявляя при томъ великое удовольствіе, что дѣвица Форлисъ говорила объ немъ ночью.

Въ слѣдующій день было Воскресенье; всякой праздникъ имѣли обыкновеніе танцовать въ залѣ съ крестьянами и горничными дѣвушками. Вердакъ не умѣлъ танцовать; но увѣрялъ, что ему очень пріятно быть зрителемъ сего сельскаго бала. Однакожь черезъ четверть часа сдѣлалось ему такъ скучно, что онъ

рѣшился уйти на чистый воздухъ въ прекрасной Аглинской садѣ, и шамъ поудить рыбу, до чего былъ онъ большой охотникъ. Онъ вышелъ изъ залы украдкою, въ ту самую минуту, какъ Луиза начала съ Фонрозомъ менуэтъ. Она со всѣмъ своимъ искусствомъ и сановитостию дѣлала два первые поклона, какъ вдругъ примѣшила отсутствіе Вердаково . . . . Она не имѣла ни малѣйшей склонности къ кокетству; но какая женщина можетъ быть совершенно нечувствительною къ первой страсти, ею внушаемой, или о которой она по малой мѣрѣ такъ думаетъ? . . . Луиза послѣ сего шанцовала менуэтъ свой съ такимъ небреженіемъ, какого прежде никогда не показывала, и много того много выиграла; ибо что наиболѣе придавало ей неловкости, было то правило, чтобъ все дѣлать съ величайшею важностию и глубокимъ прилѣжаніемъ. Отъ сего происходило, что всѣ Учительницы были ею всегда совершенно довольны, а зрители никогда.

Послѣ менуэта Фонрозъ шепнулъ Луизѣ: „знаете ли, за чѣмъ Вердакъ вышелъ?“ — За чѣмъ? — „Онъ боится, что не въ силахъ будетъ обуздать своихъ чувствъ и сдѣлаетъ еще сцену. Съ холоднымъ своимъ и скромнымъ видомъ зловѣ-

молодой человекъ очень пылокъ; онъ имѣетъ характеръ пламенной, душу огненную; это настоящая гора Гекла, которая, будучи покрыта льдомъ, горитъ внутри.“ Сіе географическое сравненіе чрезмѣрно понравилось Луизѣ.

Фонрозъ пошелъ въ садъ искать друга своего, и нашелъ его сидящаго подлѣ древней гробницы, на берегу пруда и съ удою въ рукѣ. „Любезный Вердакъ! сказалъ онъ ему голосомъ важнымъ: что значишь эта глубокая задумчивость, которая заставляетъ тебя убѣгать отъ всѣхъ забавъ и удаляться въ такія дикія мѣста между гробовъ?“ . . . Какъ! отвѣчалъ Вердакъ, удивленный важнымъ видомъ Фонроза: клянусь тебѣ, что у меня нѣтъ никакой печали; я пришелъ сюда для того, что очень люблю удилище рыбу . . . — „Открой мнѣ свое сердце!“ продолжалъ Фонрозъ съ прищворною чувствительностію. — Увѣряю тебя, что у меня нѣтъ никакой тайны. — „Не ужели ты въ самомъ дѣлѣ не знаешь, какое чувство волнуешь твою душу?“ — Какое? — „Я долженъ вывести тебя изъ заблужденія . . . Ты влюбленъ, мой другъ!“ — Въ кого? спросилъ Вердакъ съ любопытствомъ. — „Въ дѣвицу Луизу Форлисъ,“ отвѣчалъ Фонрозъ. При сихъ словахъ

Вердакъ уронилъ свою удю и сдѣлался недвижимъ отъ удивленія. Подумавъ нѣсколько сказалъ онъ: мнѣ кажется, любезный Фонрозъ, что ты угадалъ. — „О! для этого не нужно мнѣ было имѣть много проницательности.“... — Ты знаешь меня лучше, нежели я самъ... — „Ты не опытенъ, другъ мой! это первая твоя спрашь.“ — Такъ точно. — „Но эта спрашь рѣшитъ судьбу твоей жизни: выборъ твой очень хорошъ.“ — Правда, что дѣвица Форлисъ... — „Ты влюбился въ нее съ перваго взгляда...“ — Признаюсь, что красота ея и таланты сильно меня поразили; но, по несчастію, спець мой имѣетъ другіе виды, и... — „Не безпокойся! бабюшка твоя не даль еще слова; онъ любить тебя и вѣрно не захочетъ сдѣлать вѣчно несчастливый.“ — Дѣйствительно, пелерьбы трудно было мнѣ забыть дѣвицу Форлисъ. — „Другъ мой! не должно онча являться; ты очень скрыпенъ, однакожь я вижу, что происходитъ въ душѣ твоей. Ты жестоко страдаешь.“... — Я очень безпокоюсь. — „Подумай, что кромѣ личныхъ преимуществъ, дѣвица Форлисъ очень знатная и богатая невѣста; словомъ, я беру на себя изпросить согласіе бабюшки твоего.“ — Ты много меня одолжишь. Но могу ли надѣяться понра-

висься дѣвицѣ Форлисъ? — „Вы сотворены другъ для друга; легко можно примѣнить, что она имѣетъ къ тебѣ склонность.“ — Постараюсь заслужить ея уваженіе.

Послѣ сего разговора, которой пересказали Луизѣ съ надлежащими прикрасами, любовники начали нѣсколько болѣе заниматься другъ другомъ, и Графиня, раздѣлявшая съ Фонрозомъ довѣренность Вердакову, присовѣтовала сему послѣднему открытъ спрасъ свою Луизѣ и обѣщала найти удобный къ тому случай. Дѣйствительно, однажды гуляя по саду, Графиня, Фонрозъ и Юлія оставили Виконта наединѣ съ Луизою въ бесѣдкѣ, подъ предлогомъ, что пошли за гитарою Юліи, которую просили спѣть романсъ. Возвратились не прежде, какъ черезъ полчаса, и нашли любовниковъ играющихъ въ воланъ; они не сказали другъ другу ни слова. Фонрозъ рѣшился наконецъ сочинить Виконту страстное письмо; Графиня взялась отдать его Луизѣ, которая отвѣчала ему черезъ нее словесно, что ей пріятно исканіе Гна. Виконта Вердака, и что какъ скоро получитъ онъ согласіе своего родителя, она дозволяетъ ему говорить съ Гжею. Форлисъ. Въ ожиданіи сего, Луиза, удостовѣренная наконецъ,

что она любима, объявила обо всем матери своей, которая удивилась и почувствовала досаду, что Фонрозъ не влюбленъ въ большую дочь ея; она предпочла бы его Виконту, которой казался ей слишкомъ молодъ и не такъ любезенъ; однакожь какъ онъ былъ единственный сынъ знашнаго и чрезвычайно богатаго человека, то она одобрила преднамѣряемый союзъ и начала даже сама онаго желать, когда Луиза призналась ей, что влюбилась въ Виконта съ первой минуты своего съ нимъ знакомства. Она рассказала обстоятельно матери своей не истину, но то, въ чемъ ее увѣрили. Гжа. Форлисъ нашла въ семъ повѣствованіи прекраснѣйшій романъ, ибо онъ содержалъ исторію любви милой дочери ея и любовника, назначаемаго ей въ супруга. Письмо же, сочиненное Фонрозомъ, показалось Гжѣ. Форлисъ мастерскимъ произведеніемъ нѣжности и чувствительности. Между тѣмъ Графиня уѣхала въ Парижъ, обѣщавъ на другой день возвратиться. Въ Парижѣ услышала она странная происшествія: Молодая особа, назначаемая Барономъ въ невѣсты сыну его, была ея родная сестра. Сей бракъ, тайно предположенный двумя отцами, долженствовалъ прекратить долговременную плямбу и

былъ въ особливости желателенъ для семейства Адріянны. Въ слѣдующій день ожидали пріѣзда Барона Вердака. Отецъ Адріянны, зная, что молодой Вердакъ находился въ Шевильи у Гжи. Фурлисъ, пересказалъ всѣ сіи подробности дочери своей, препоручивъ ей предупредить искусно Виконша въ пользу сестры ея. Адріянна, будучи въ отчаяніи, что зашѣяла планъ, толь прошивной выгодамъ ея семейства, приняла швердое намѣреніе, какъ можно, спарашься его разрушить, ласкаясь надеждою, что ей не трудно будетъ поссорить двухъ любовниковъ, которые не имѣли любви. Труднѣйшимъ казалось ей то, какимъ образомъ дѣйствовать безъ вѣдома Фонроза и Юліи, и обманывать ихъ такъ, чшобъ они того не примѣтили. Наконецъ не могла она, не подавъ на себя подозрѣнія, объявить Виконшу личныхъ своихъ выгодъ, ниже открыть хитростей, употребленныхъ для увѣренія его, что онъ влюбленъ. Надлежало сваранься увезть его какъ можно скорѣе изъ Шевильи, уговоривъ отказатьсь отъ Луизы. Сообразно съ симъ намѣреніемъ, начерпала она въ умѣ своемъ планъ и спѣшила возвратиться въ Шевильи. Пріѣхавъ туда, услышала, что Фонрозъ, чувствуя сильную головную

боль, не выйдетъ въ тотъ день изъ своей комнаты. Сей случай чрезвычайно благопріятствовалъ наиреніяиъ Адрианны, и она умѣла имъ воспользоваться. Отвѣдая Виконта въ отдаленнѣйшую часть сада, она сказала ему: „знаете ли, что этотъ бѣдной Фонрозъ чрезвычайно меня беспокоитъ?“ — Болѣзь его не опасна. — „Болѣзнь! не уже ли вы и дѣйствительно думаете, что онъ отъ мигрени не выходитъ изъ комнаты, и никого къ себѣ не пускаетъ?“ — Мнѣ сказывали, что онъ спитъ. — „Да, спитъ! . . . Какъ вы не можете угадать истины?“ — Право не могу; сверхъ того я не люблю подозрѣвать. . . . — „Вы добродушны, это я знаю, но имѣете тонкой умъ; здѣсь же дѣло идетъ о томъ, чтобъ угадать поступокъ прекрасной, великой, даже, можно сказать, героической.“ — Но какое сношеніе можете имѣть съ мигреною Фонроза? — „Я открою вамъ тайну важную; но къ этому принуждаютъ меня ваши и несчастнаго Фонроза выгоды. Обѣщайтесь мнѣ быть скромнымъ, и особливо никогда не сказывать Фонрозу, что вы отъ меня это узнали.“ — Даю вамъ честное слово. — „Знайте же, что Фонрозъ вашъ соперникъ.“ — Соперникъ? . . . — „Такъ, любезный Виконтъ. Онъ боготво-

ришь Луизу; надѣялся получить согла-
 сіе матери ея; но узнавъ спросить вашу и
 видя, что она имѣетъ къ вамъ склонность,
 онъ немедленно пожертвовалъ собою.“ —
 Клянусь вамъ, сударыня, что я не угадалъ
 бы этого во сто лѣтъ; въ пропивномъ
 случаѣ я не допустилъ бы его до такого
 жертвованія. — „Теперь, когда вы узна-
 ли уже всю правду, то вѣрно вспомните
 множество такихъ вещей, которыя не
 оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія о чув-
 ствахъ несчастнаго Фенроза.“ — И дѣй-
 ствительно, онъ говорилъ всегда о дѣвицѣ
 Форлисъ съ такимъ энтузіасмомъ. . . —
 „Которой долженъ бы вамъ быть показанъ-
 ся ненатуральный. . . . Одни только
 влюбленные такъ изъясняются.“ — Это
 правда. Онъ спрашно любитъ ее. — „Ска-
 жите лучше, что онъ умираетъ отъ
 любви.“ — Я всегда почиталъ его отмын-
 но честнымъ человекомъ, а эта черта
 довершаетъ. . . . — „Не ужели хотите
 вы погубить этого рѣдкаго, вѣрнаго дру-
 га.“ . . . — Боже мой! сударыня, скажи-
 те, что мнѣ дѣлать для возвращенія ему
 здоровья? — „Послушайте: я должна вамъ
 еще сказать, что батюшка вашъ послѣ-
 завтра прїѣдетъ, и что онъ твердо на-
 мѣренъ женить васъ на избранной имъ

особѣ. Это узнала я нечаянно, однакожь достоверно. Не уже ли хошите вы посориться съ отцемъ и умертвить друга?“ — Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! я отрекаюсь отъ дѣвицы Форлисъ. — „Это благородное пожертвованіе достойно васъ. Послушайте: вотъ какъ должно вамъ поступить. Не говорите Фонрозу ни слова. Было положено, чпобъ завтра открылись вы Гжѣ. Форлисъ, и просили бы у нее руки ея дочери; вмѣсто этого скажите ей, что вы получили отъ родителя вашего письмо, въ которомъ извѣщаетъ онъ васъ, что въ разсужденіи женитъбы вашей вступилъ онъ въ другія обязанности, и что свадьба ваша опложена только на нѣсколько дней; потомъ, откланявшись ей и вооружась великодушіемъ, поѣзжайте, не выдавшись съ Фонрозомъ и дѣвицею Форлисъ.“ — Очень хорошо, сударыня! я въ точности выполню ваше предписаніе.

Сей великодушный поступокъ ничего почти не стоилъ Вердаку; однакожь хотя онъ столько же мало былъ способенъ къ сильной дружбѣ, какъ и къ любви, но въ сію минуту былъ расположенъ сдѣлать истинное пожертвованіе Фонрозу. Онъ имѣлъ душу очень обыкновенную, но былъ обязанъ хорошему воспитанію

честными правилами. Сего довольно молодому человеку, чтобъ вести себя благородно въ такихъ случаяхъ, когда сильныя спраспи не сражаются съ сими первыми впечатлѣніями. Вердакъ мало умѣлъ чувствовать, но хорошо рассуждалъ; онъ не имѣлъ столько опытности и ума, чтобъ примѣчать отпѣнки; удобно смѣшивалъ геройство съ проспою должносію, и сдѣлавъ привычку судить о вещахъ всегда по мнѣнію тѣхъ людей, къ копорымъ имѣлъ довѣренность, могъ сдѣлать безъ всякаго намѣренія выспреннее дѣяніе, не видя великости ея и не гордясь онымъ, лишь бы только руководствующая имъ особа ему оное предписала. Графиня, опасаясь, чтобъ не увидѣли ея наединѣ съ Вердакомъ, оставила его въ саду и возвратилась въ комнату. Виконтъ, рассудивъ зрѣло о сказанномъ ему, рѣшился оказать другу своему важную услугу, не сообщая ему, что говорилъ онъ съ Адриэнною. Онъ отъ природы любилъ причинять другимъ удивленіе, имъ самимъ испытанное; сверхъ того не противно ему было придать себѣ болѣе цѣны пожертвованіемъ любви своей. Въ тотъ же вечеръ принявъ на себя таинственный видъ, просилъ онъ Гжу. Форлисъ поговорить съ нимъ наединѣ, и она

назначила ему свиданіе въ слѣдующій день по утру въ девять часовъ.

Виконтъ прежде еще положеннаго времени явился къ Гжѣ. Форлисъ: его пошчасъ ввели, и онъ сначала пришелъ въ великое замѣшательство, увидя себя наединѣ съ сороколѣшней женщиною, о которой имѣлъ онъ высокое мнѣніе; но обольщенный наконецъ имѣлъ, что пришелъ сообщить ей такія прекрасныя вещи, началъ разглагольствовать. „Сударыня!“ сказалъ онъ ей: „я открою вамъ удивительныя дѣла.“ — Такое начало заставило Гжу. Форлисъ улыбнуться. Думаю, отвѣчала она, что я почти угадала ихъ. — „Нѣтъ, сударыня, это не возможно.“ — „Чтожь такое? скажите. — „Вы безъ сомнѣнія увѣрены, что у Фенроза болѣла вчера голова? ничего не бывало, сударыня.“ — „Какъ! я не понимаю. — „У Гнз. Фенроза совсѣмъ голова не болѣла.“ — Продолжайте, сударь! что вы хотите сказать? — „Г. Фенрозъ находится въ великой опасности; онъ умираетъ.“ — Боже мой! перервала Гжа. Форлисъ, испугавшись: надобно послать въ Парижъ за Докторомъ. Сказавъ сіе, бросилась она звонить; но Виконтъ удержалъ ее. — „Нѣтъ, сударыня! сказалъ онъ: нѣтъ, онъ не имѣетъ нужды въ Докторахъ; вы може-

ше излѣчить его однимъ словомъ. . . Онъ страстно влюбленъ въ дѣвицу Луизу Форлисъ.“ . . Тутъ Вердакъ переспалъ казашся смѣшнымъ Гжѣ. Форлисъ, и она начала его слушать съ величайшимъ вниманіемъ. Какъ! сказала она: въ мою большую дочь? — „Такъ, сударыня! онъ боготворитъ ее.“ . . — Увѣрены ли вы въ этомъ? — „Увѣренъ, сударыня! это совершенная правда.“ — Для чего же онъ мнѣ не открылся? — „Узналъ, что и я такія же имѣю чувствія.“ . . — И вѣрно полагалъ, что дочь моя ихъ съ вами разделяетъ? Ахъ! какъ это прогателью съ обѣихъ сторонъ! . . . Сказавъ сіе, Гжа. Форлисъ оперла глаза свои, наполненные слезами, и простирая руку къ Вердаку, сказала: Любезный Виконтъ! я чрезмѣрно пронута вашимъ добросердечіемъ и великодушіемъ. — „Я исполняю только долъ свой, сударыня, отвѣчалъ Виконтъ, ободренный сею похвалою, и прошу у васъ для Гна. Фанроза руки дѣвицы Луизы Форлисъ.“ Сего только одного и желала Гжа. Форлисъ; ибо она не понимала, какимъ образомъ дочь ея могла предпочиташъ Вердака Фанрозу, хотя съ сей минуты почувствовала она величайшее уваженіе къ первому. Будучи увѣрена въ своей власти надъ умомъ

Луизы, она хотѣла предупредить ее прежде, нежели вступишь въ обязательство; но Вердакъ такъ усиленно просилъ ее послать не медля за Фонрозомъ, что она согласилась. Въ ожиданіи его, Виконтъ ходилъ по комнатамъ съ видомъ неперпѣнія, наслаждаясь заранѣе пріятнымъ удивленіемъ, которое гошовилъ онъ другу своему. Фонрозъ входитъ, Виконтъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу, и обнявъ его, говоритъ: „Другъ мой! благодари Гжу. Форлисъ; она соглашается на союзъ твой съ любезною.“ При сихъ словахъ Фонрозъ не сомнѣвается, чтобъ тайна его не была открыта; думаетъ, что ему предлагаютъ руку Юліи, и въ радостномъ восторгѣ бросается къ ногамъ Гжи. Форлисъ, которая, живо будучи пронута, сказала ему: „не меня, а великодушнаго вашего соперника благодарить вамъ должно.“ . . . Сіи слова поразили какъ громомъ Фонроза; онъ увидѣлъ часть истинны, но столько однако же сохранилъ присутствія духа, что ничего не сказалъ, и наклонилъ голову къ колѣнамъ Гжи. Форлисъ, чтобъ скрыть удивленіе и замѣшательство, изобразившіяся на лицѣ его. Такъ, мой другъ! сказалъ Виконтъ: уступаю тебѣ дѣвицу Луизу Форлисъ, и удаляюсь отсюда; отецъ мой сего дня прі-

ѣдетъ. Я спѣшу къ нему, и чтобъ избавить себя отъ всякаго безпокойства, женюсь немедленно на дѣвицѣ, которую онъ для меня избралъ. . . Нѣтъ! нѣтъ! перервалъ Фонрозъ, вставъ спремительно: я не употреблю во зло такого рѣдкаго великодушія! . . . Я уступилъ первому влеченію страсти, котораго обуздать былъ не въ силахъ; но разумъ призываетъ меня къ должности. . . — Любезный Фонрозъ! отвѣчалъ Вердакъ: я не перемѣню своего намѣренія; лошади мои готовы, сію минушу ѣду. . . Нѣтъ, я этого не дозволю, вскричалъ Фонрозъ. . . Проспите, сударыня! продолжалъ Вердакъ, низко поклонясь Гжѣ. Форлисъ, которая въ продолженіе сего герсическаго разговора плакала отъ удивленія: проспите! Сказавъ сіе, вышелъ онъ поспѣшно; Фонрозъ бросился за нимъ, и догнавъ его на лѣстницѣ, схватилъ за руку; и увелъ его насильно, приказавъ челоуѣку отослать почтовыхъ лошадей.

Вердакъ, приведенный Фонрозомъ въ свою комнату, повторялъ, что онъ непремѣнно успонитъ въ своемъ намѣреніи. „Здѣсь дѣло идетъ не о любви твоей, или моей, сказалъ ему Фонрозъ: намъ должно заниматься только Луизою; она тебя любитъ, и тебѣ не дозволено бытъ

великодушнымъ противъ меня на счетъ ея благополучія. Сверхъ того могу ли я принять твое пожертвованіе? Честь за-прещаетъ мнѣ жениться на такой дѣвушкѣ, которая вышла бы за меня по принужденію, и которой сердце уже не свободно.“ — Со временемъ она тебя полюбитъ. — „Нѣтъ! нѣтъ! отъ первой спрашай никто еще совершенно не изцѣлялся. Дѣвица Фэрлисъ не первая, въ которую я влюбился; чувствую, что разумъ можетъ одержать верхъ надъ склонностію довольно слабою. Но ты, которая она любитъ, ты долженъ быть вѣрнымъ; если же оставишь ее, то будешь обольстителемъ.“ — Обольстителемъ я никогда не буду. — „Вѣрю. Не позволяй же обольщать себя ложному великодушію; прими шастіе, тебѣ предлагаемое.“ — Но отецъ мой? — „Ты получишь его согласіе. Прежде всего надобно тебѣ исполнить то, чего требуютъ отъ тебя чувства Луизы; ты долженъ просить руки ея у матери. Въ перешнемъ волненіи былъ бы ты не въ состояніи говорить съ нею. . .“ — Такъ, я очень встревоженъ. — „Ты даже не можешь и писать. Я несравненно тебя спокойнѣе, и сочиню письмо, которое ты спиши и пошлешь къ ней; потомъ скажешь мнѣ, какимъ образомъ узналъ ты,

что я влюбленъ въ Луизу. Кто подалъ тебѣ эту мысль? ...“ — Никто... мигрена твоя открыла мнѣ глаза... — „Мигрена?“ — Да, я пошчасъ увидѣлъ, что ты былъ боленъ съ печали. — „О! страсть моя такъ далеко не простирается. Признаюсь, что если бы Луиза меня любила, я сталъ бы обожать ее; но увидя, что не могу ласкаться такимъ щастіемъ, началъ я питать къ ней чувствіе невольное, которое меня не мучитъ и которое совершенно погаснетъ, когда будетъ она своею женою. Но займемся теперь письмомъ къ Гжѣ Форлисъ; послѣ станемъ продолжать нашъ разговоръ.“

Фонрозъ взялъ чернилицу и написалъ къ Гжѣ Форлисъ слѣдующее письмо:

„Милостивая Государыня!

„Послѣ продолжительнаго разговора съ другомъ моимъ, увидѣлъ я очень ясно, что страсть его несравненно слабѣе моей; онъ можетъ прожить безъ дѣвицы Форлисъ, а я признаюсь, что не могу существовать безъ нее. Онъ самъ далъ мнѣ позволеніе открыть вамъ мое сердце и жестокость любви, которую хощу и могъ я пожертвовать дружбѣ, но ничто въ сѣбѣ изтребить ее не можетъ. Удастойте, М. Г. возвратить мнѣ надежду и съ нею жизнь мою.“

Фонрозъ, оставя сію записку Вердаку, кою обѣщаль немедленно ее переписать и отослать, пошелъ къ Юліи, чтобъ сообщить ей о всемъ происшедшемъ. Лишь только вышелъ онъ изъ комнаты, какъ увидѣлъ Адріанну, которая, приведена будучи въ сильное безпокойство симъ тайнымъ сношеніемъ, прокралась въ коридоръ. Фонрозъ притворился, что не примѣшилъ ее, и продолжалъ идти; потомъ спрятавшись за разтворенную дверь, увидѣлъ, что Адріанна вошла съ поспѣшностію къ Вердаку. Тогда Фонрозъ ясно увидѣлъ вѣроломство Адріанны, хотя и не могъ повѣсть причины онаго. Онъ покушался возвратиться къ Вердаку, но подумалъ, что Адріанна легко найдетъ себѣ оправданіе въ семъ тайномъ посѣщеніи, столь противномъ благопристойности; онъ рѣшился показывать, что не имѣетъ на нее никакого подозрѣнія, и вознамѣрился прилѣжно замѣчать всѣ ея поступки, дабы послѣ тѣмъ удобнѣе было обличить ее. Въ слѣдствіе сихъ размышленій спѣшилъ онъ видѣться съ Юліею.

Адріанна вошла къ Вердаку. Онъ чинилъ перо, чтобъ списать тщательнѣе и лучшимъ своимъ почеркомъ записку, сочиненную Фонрозомъ. Адріанна потчасъ

начала дѣлать ему вопросы, на которые Вердакъ отвѣтствовалъ съ обыкновеннымъ своимъ просподушіемъ, и клялся ей честью, что не упоминалъ даже имени ея и что никто не имѣетъ подозрѣнія, чтобъ она участвовала въ его поступкахъ; потомъ возобновилъ ей обѣщаніе свое соблюсти строжайшую въ разсужденіи сего скромность. Адріэнна увѣряла его, что Фонрозъ скрываетъ горестъ свою и говорила такъ убѣдительно, что Вердакъ возвратился къ прежнему своему намѣренію, которое и дѣйствительно было ему приличнѣе; ибо онъ смертельно боялся раздражить отца своего. „Но что же мнѣ дѣлать?“ сказалъ Вердакъ. — Такое же прекрасное дѣяніе, какъ Фонрозово, отвѣчала Адріэнна. Пускай эта записка, которую написалъ онъ для васъ, послужитъ къ его щастію. — „Какъ?“ — Отдайте мнѣ ее; я отнесу ее къ тетушкѣ отъ Фонроза, какъ будто написалъ онъ ее отъ себя. Между тѣмъ велите осѣдлать себѣ лошадь и поѣзжайте немедленно; спускайтесь къ баптинкѣ вашему, которой васъ ожидаетъ. Вердаку чрезвычайно понравилась мысль сія: онъ позвалъ своего камердинера, приказалъ ему осѣдлать какъ можно скорѣе лошадь и вывести ее за ворота, потому что онъ хотѣлъ

уѣхать тайно. Адріэнна, весьма довольная его послушаніемъ, оставила его, взявъ письмо, Фонрозомъ писанное и на которомъ надписалъ онъ своею рукою: *Госложъ Форлисъ*. Адріэнна поспѣла къ теткѣ своей, позвала ее въ кабинетъ, и тамъ вручивъ ей записку отъ Фонроза, котораго рука была очень извѣстна Гжѣ Форлисъ, сказала ей, что, найдя сию бумагу въ коридорѣ и прочитавъ только имя Гжи. Форлисъ, сочла она должностію принести къ ней эту записку. Послѣ сего объясненія Адріэнна примолвила, что къ ней пріѣхалъ отъ отца человекъ съ повелѣніемъ быть немедленно въ Парижъ; и простясь съ теткою своею, оставила ее одну. Гжа. Форлисъ съ поспѣшностію прочитала Фонрозову записку, и причиненное ею заблужденіе обрадовало ее до безконечности; ибо Фонрозъ былъ желанный ею зять. Она велѣла позвать къ себѣ Луизу, рассказала ей о великодушней борьбѣ друзей и прочитала полученную записку. Луиза слушала сіе повѣствованіе съ великимъ холонокровіемъ; она не знала, что думать и кому болѣе удивляться, Фонрозу, или своему Вердаку. Мать рѣшила ее недоумѣніе, сказавъ, что оба сіи добродѣтельные любовники были равно ее достойны; но Виконшѣ,

примолвила она, не получить, можетъ быть, согласія отца своего, следовательно намъ не должно болѣе съ немъ думать. Фонрозъ боготворитъ себя; онъ ни отъ кого не зависитъ; можешь ли ты быть нечувствительною къ такой нѣжной привязанности? Луиза отвѣчала, что она очень ему благодарна, и что, видя невозможность выдти за Вердака, безъ принужденія соглашаеися быть женою Фонрозы. Гжа: Форлисъ, чрезмѣрно обрадованная симъ ошвѣщомъ, послала за Фонрозою, которой немедленно явился. Любезный Фонрозъ! сказала она ему, указывая на Луизу: она швоя, и согласна... Фонрозъ окаменѣлъ. Можетъ быть, продолжала Гжа. Форлисъ, написавъ ко мнѣ прогательную записку, которую шеперь я читала; вы и раскаиваетесь въ этомъ поступкѣ; можетъ быть, еще разъ приняли вы благородное намѣреніе пожертвовать собою; но самъ Богъ не допустилъ васъ до этого: вы потеряли записку, ее ко мнѣ принесли; вотъ она.... Сказавъ сіе, показала она ему письмо, которое Вердаку списать надлежало; и Фонрозъ, будучи почти внѣ себя отъ досады, позналъ плодъ свиданія Адриэнны съ Вердакомъ. Подумавъ нѣсколько, подошелъ онъ къ Гжѣ. Форлисъ и, взявъ ее руку,

сказалъ : „Ахъ, сударыня! естли бы вы могли чистать въ сердцѣ моемъ, вы увидѣли бы, сколько чувствую ваши милоспи . . . но я такъ разстроганъ, такъ встревоженъ, что не въ состоянїи выразить вамъ моей благодарности. Дозвольте мнѣ на минушу васъ оставитъ и подуматъ въ уединенїи о странномъ моемъ положенїи.“ Сказавъ сіе, вышелъ онъ, не дождавшисъ отвѣта, и написалъ карандашемъ двѣ строчки къ Юліи, чтобъ уведомить ее о семъ чудномъ происшествїи. Попомъ пришедъ въ конюшню, сѣлъ на Вердакову лошадь и поскакалъ въ Парижъ. Онъ предвидѣлъ, что Адрїанна уговоритъ Вердака уѣхать изъ Шевильи, и зналъ, что она и сама уже поѣхала. Въ слѣдствїе сего склонилъ онъ Вердакова камердинера и конюховъ, чтобъ они всячески постарались удержатъ подолѣе Виконпа. Ему сперва сказали, что лошадь его разковалась; онъ требовалъ почповыхъ : его заставили ждать цѣлой часъ и сказали, что лошадей нѣтъ. Онъ велѣлъ подковать свою лошадь : не могли найти кузнеца. Виконпъ между тѣмъ прогуливался по двору съ видомъ довольно пасмурнымъ, не воображая, чтобъ Фенрозъ уѣхалъ, и на его лошади. Юлія съ своей стороны готовила большой переворотъ. Луиза

послѣ разговора съ матерью возвратилась въ свою комнату, и важнымъ, приличнымъ обстоятельствамъ пономѣ сказала Юліи, что изъ послушанія къ родительницѣ объявила Фонрозу, что согласна за него выйти. . . . Услышавъ сіе, Юлія, предваренная уже Фонрозомъ, бросилась на шею къ сестрѣ своей съ видомъ горестнѣйшаго умиленія. „Ахъ, бѣдная моя сестрица! вскричала она: что съ тобою будешь?“ — Это меня очень огорчаетъ, отвѣчала Луиза: ты знаешь, что я любила Гна. Вердака, но теперь не должно болѣе объ немъ думать. . . . — „Бѣдная сестрица! . . . какъ ты бѣдна и встревожена!“ . . . — Правда, что это мнѣ дорого стоить. . . . — „Тебѣ было бы легче, если бы ты могла плакать!“ . . . — Нушъ, я не буду плакать, но чувствую такую тяжесть на желудкѣ. . . . — „Знаешь ли, что это очень опасно?“ . . . — Мнѣ хочется принять Гофмановыхъ капель. . . . — „Поспой, я тебѣ налью ихъ. Какъ ты дрожишь! . . . дозвожь, я тебя раздѣну.“ . . . — О! нушъ, сей часъ позову въ обѣдать. . . . — „Обѣдать! въ теперешнемъ твоёмъ положеніи!“ . . . — Я очень мало завила, и чувствую такія спазмы. . . . — „Это еще усилился, если ты поѣшь. Я увѣрена, что у тебя жаръ: ахъ,

какой скорой и судорожной пульсѣ!“ . . . —
 Не въ правду ли? . . . — „У тебя горячка.“ . . . — Какое несчастіе быть такъ чувствительною! . . . — „Тебѣ надобно лечь.“
 Сказавъ сіе, Юлія начала съ поспѣшностію раздѣвать сестру свою. Луиза нѣсколько тому пропивилась; но Юлія, говоря ей безпресшанно о Вердакѣ, описывая чрезвычайное его опчаяніе, умѣла наконецъ ее пронуть. Луиза сколько волею, столько и неволею, легла въ постель. Сдѣлали условіе сказать Гжѣ. Форлисъ, что у Луизы чрезвычайно заболѣла голова, и что она проситъ дозволенія обѣдать у себя въ комнатѣ. Юлія присовѣтовала сестрѣ своей напиться мелисы, и оставила ее, обѣщавъ придти потчасъ послѣ сполна. Юлія пошла искать Вердака, котораго нашла на дворѣ, гдѣ уже онъ часа два дожидаясь лошадей; онъ такъ усталъ, что почти не могъ стоять на ногахъ и за неимѣніемъ скамьи рѣшился сѣсть на качели, сдѣланныя между двумя деревьями, и отъ скуки качался потихоньку съ видомъ разсѣянія, когда Юлія, запыхавшись, къ нему прибѣжала. „Что вы здѣсь дѣлаете? сказала она ему: Луиза очень больна!“ — Какѣ! отвѣчалъ Вердакъ, сошедъ съ качелей: что такое? — „У нее страшной нервической припадокъ.

Не уже ли вы и дѣйствительно повѣрили, что она добровольно могла рѣшиться идти за Фонроза, чувствуя къ вамъ такую сильную склонность? . . . Она теперь въ постелѣ и въ жестокой горячкѣ. . . а вы можете быть такъ немилосерды, что хотѣте уѣхать и оставишь ее въ этомъ жалкомъ положеніи! . . .” —

Боже мой! я не зналъ. . . . Въ сію минуту Вердакъ замолчалъ, услышавъ звонъ колокола къ обѣду, что совершенно побудило его оспаться. . . . Хорошо, продолжалъ онъ, я сего дня не поѣду. Сказавъ сіе, подалъ онъ Юліи руку, и оба спѣшили въ комнаты. Гжа. Фэрлисъ и двое или трое госпеш садилась за столъ. Юлія сказала шихонько матери, что Луиза не здорова и проситъ у нее дозволенія оспаться въ своей комнатѣ. Гжа. Фэрлисъ согласилась, подумавъ, что Луиза опасается присутствія Виконта; но встревожилась, услышавъ, что Фонрозъ уѣхалъ въ Парижъ. Виконшъ казался печальнымъ, говорилъ мало, но бѣлъ много: движеніе, по утру имъ сдѣланное, придадо ему такую охоту къ пищѣ, которая была гораздо примѣшнѣе его печали. Послѣ обѣда вошли въ гостиную и черезъ минуту услышали стукъ кареты. Вердакъ подошелъ къ окну и вскричалъ съ удивле-

нія, увидя отца своего прїѣхавшаго вмѣстѣ съ Фонрозомъ.

Гжа. Форлисъ, не меньше его изумленная, пошла въ кабинетъ для принятія сего неожиданнаго гостя. Фонрозъ съ торжествующимъ видомъ представилъ Барона Вердака Гжѣ. Форлисъ, сказавъ, что онъ прїѣхалъ просить сыну своему руки дѣвицы Луизы Форлисъ. Щастіе мое было бы безпредѣльно, сударыня, продолжалъ онъ, естли бы я могъ имѣть такую супругу; но кромѣ дружбы моей къ Вердаку, естль еще другое непреодолимое препятствіе благополучію моему: я слишкомъ ясно видѣлъ, не взирая на чрезмѣрную скромность дѣвицы Форлисъ, что она питаетъ тайную склонность къ Вердаку. Долгъ велѣлъ мнѣ пожертвовать чувствіями моими ей и другу моему; я немедленно поѣхалъ къ Гну. Барону Вердаку, и чтобъ заставить его благосклонно принять желаніе сына его, мнѣ стоило только, сударыня, произнести ваше имя.

Баронъ подтвердилъ съ своей стороны все сказанное Фонрозомъ, и Гжа. Форлисъ, удивляясь симъ чудеснымъ происшествіямъ, дала свое согласіе. Луиза допивала осьмую чашку мелиснаго своего чаю, когда пришли сообщить ей сіе извѣстіе. Она показалась очень обрадован-

ною; а Юлія, какъ легко можно себѣ представить, искренно раздѣляла радость ея. Ужинъ былъ очень веселъ, не смотря на сожалѣніе, внушаемое великодушнымъ Фонрозомъ, котораго героической поступокъ превозносили похвалами до небесъ. Спустя нѣсколько дней, Гжа. Форлисъ спросила у него съ удивленіемъ, дѣйствительно ли онъ изцѣлился отъ страсти своей къ Луизѣ? Такъ, сударыня! отвѣчалъ онъ: Луиза шеперь для меня ничто иное, какъ милая сестра.... Она и въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала Гжа. Форлисъ, могла бы сдѣлаться вамъ сестрою. — Ахъ! вскричалъ Фонрозъ: щасніе, быть къ вамъ такъ близкимъ, было бы сильнѣйшимъ для меня утѣшеніемъ. Гжа. Форлисъ обняла его, сказавъ: хопя я и не шу вамъ назначала, однакожь мнѣ все не меньше пріятно имѣть васъ зятемъ. Объ этомъ сообщили Юліи: отвѣтъ ея угадать не трудно. Черезъ двѣ недѣли положили бытъ обѣимъ свадьбамъ. Сія развязка привела въ отчаяніе пронырливую Адріэнну; но ея наказаніе симъ еще не ограничилось: Баронъ Вердакъ выигралъ птязбу у отца ея. Наконецъ Адріэнна потеряла невозвратно дружбу Юліи и Фонроза. Гжа. Форлисъ выдала дочерей своихъ въ одинъ

день, повторяя всѣмъ своимъ знакомымъ, что изъ исторіи зятіевъ ея можно сдѣлать прекрасной романъ, или самую трогательную Драму. Холодная и премудрая Луиза была во всю жизнь свою неукоризненною и щастливѣйшею супругою; и Вердакъ замѣчалъ, что его блаженство опровергаетъ пословицу, которая говоритъ, что браки, заключаемые по любви, всегда бывають несчастливы. Юлія, имѣя склонность къ кокетству и проискавъ, часто была неосторожна, вѣтренна, легкомысленна. Блистательный Фонрозъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не рѣдко подавалъ ей поводы къ ревности, и самъ былъ очень ревнивъ. Много разъ, среди сихъ домашнихъ бурь, завидовали они судьбѣ любовниковъ безъ любви, которыхъ хищростями своими соединили.

II.

*О нравахъ, обыкновеніяхъ и забавахъ
Португальцевъ.*

Путешественники, говоря о націи Португальской, ни въ чемъ столько не разнятся, какъ въ ихъ характерѣ. Большая частьъ опъывается о нихъ весьма неве-

годно; всѣ обвиненія можно опнести къ Лиссабонской черни, которая однакожь совсѣмъ не составляетъ націи, и состоитъ болѣе изъ чужестранцевъ.

Португальцы горды, и гордость ихъ основывается на любви къ отечеству; вѣрны законамъ, особенно преданы церковнымъ постановленіямъ, отважны, умеренны и щедры для неимущихъ.

Посмотримъ на нихъ съ дурной стороны: они не стараются учиться полезному у иностранцевъ, не путешествуютъ для знакомства съ другими народами, не любяшь никакихъ реформъ и имѣютъ отъ природы привязанность къ пустословію; вообще вкусъ ихъ показываетъ не европейское происхожденіе.

Вялость и неповоротливость, которою упрекають націю, собственно можетъ назваться только любовью къ праздности, потому что Португальцы весьма склонны къ веселости и предаются иногда такимъ забавамъ, которыя не совмѣстны съ неповоротливостію.

Вся нація, отъ вышнихъ классовъ людей до нижнихъ, любитъ церемониальную вѣжливость. Каждый готовъ засыпать васъ комплеменами. Поселянинъ, встрѣтясь на улицѣ съ равнымъ себѣ, скидываетъ шляпу, держа ее въ рукѣ,

спрашиваетъ о состояніи семейства своего собрата, доноситъ о здоровьѣ своихъ домашнихъ и распадается не иначе, какъ по увѣреніи: „estoy a seus ordens seu criado, я въ вашихъ повелѣніяхъ, вашъ слуга.“ Они въ разговорахъ наблюдаютъ благопристойность и стараются красно изъясняться; не употребляютъ никакихъ безразсудныхъ клятвъ, никакихъ словъ соблазнительныхъ, исключая черни самаго низкаго класса.

Многіе упрекаютъ ихъ въ сребролюбіи; но сія укоризна основывается только на томъ, что они мало издерживаютъ денегъ на домашнія потребности и не прилѣпляются къ роскошной жизни. Португальцы не скупы ни въ разсужденіи себя самихъ, ни въ отношеніи къ другимъ. Они желаютъ только нужнаго, не болѣе, и потому умеренно ведутъ себя съ поспоронними. Кто, посѣливъ домъ Португальца, будетъ судить объ угощеніи по сравненію съ обыкновеніями сѣверной Европы, тотъ весьма ошибется; тутъ не видно ни излишней пышности, ни недоспапка. Неимущій, чужестранецъ или иноземецъ, всегда можетъ быть увѣренъ въ пособіи. Въ южной Португаліи находится много постоялыхъ домовъ, въ которыхъ содержатся обязанъ и жить

все нужное для пищи, не такъ какъ въ Испаніи, гдѣ путешественники сами должны стараться доспаивать себѣ съѣстные припасы; но въ Сѣверной части Королевства, гдѣ менѣе путешествующихъ, менѣе и трактировъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются герберги, въ которыхъ не найдешь даже хлѣба и вина. Тутъ часто встрѣчается необходимость просить о помощи — и съ какою готовностію оказываютъ ее! Добрые Португальцы даютъ, что имѣютъ; извиняются, что не могутъ сдѣлать болѣе и не берутъ никакой платы, или, по усиленной прозбѣ, берутъ весьма малую. Они не заботятся, какую исповѣдуетъ Религію тотъ, кого ~~о~~должаютъ. Португальцы почитаютъ еретиками всѣхъ иностранцевъ, но обходясь съ ними вѣжливо, даже удивляются, увидѣвъ человека не одной съ ними націи исповѣдающаго Католическую вѣру. Не народъ, но Священники не любятъ иноверцевъ (*).

(*) Когда тѣло покойнаго Принца фонъ Валдекъ принесено было на кладбище, на которомъ погребаются умершіе люди не Католическаго исповѣданія, раздались со всѣхъ сторонъ отъ зрителей похвалы и благословенія памяти достойно чшимаго

Щедрость націи подаєть поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ: она разпложаєть великое множество нищихъ, питающихся вѣрною милоспынею (*).

Принца; всѣ одобряли его за то, что онъ не согласился на обыкновенныя предложенія принять Католической законъ передъ своею кончиною, потому что каждой долженъ жить и умереть въ своей природной вѣрѣ. Надобно думать, что отъ частаго обхожденія съ Англичанами Португальцы охладѣли въ фанатизмѣ.

(*) Въ Португалліи ко многимъ злоупотребленіямъ Религіи и худо понимаемой набожности можно отнести подаваніе милоспыни. Нищенское состояніе почиается у нихъ вмѣсто *гиспилица*. Священникамъ однимъ принадлежитъ право собирать милоспыню и пѣть за нее обѣдни; они отдаютъ его на откупъ извѣстнымъ людямъ, которые, стоя близъ церкви, просятъ и получаютъ въ изобиліи. Сіи нищіе обыкновенно платятъ ежегодно по 8000 реисовъ и не рѣдко выручаютъ въ свою пользу по 100000. Въ Португалліи все дѣлаютъ *pe lo amor de Deus e para as almas*, для любви Божіей и для спасенія душъ. Монахи посылаютъ на продажу плоды свои и особливо виноградъ; носящіе оной по улицамъ кричатъ: *uvas pelas almas, вотъ виноградъ для спасенія душъ!*

Примѣчается великая разность во нравахъ между жителями Сѣверной Португалліи и Южной, особливо въ городахъ сей послѣдней. Жители Сѣверной части откровеннѣе, благодравнѣе, прудолюбивѣе, услужливѣе въ отношеніи къ чужестранцамъ и опрятнѣе Южныхъ своихъ единосемцовъ.

До сихъ поръ говорено было о простомъ народѣ. Несмѣю защищать людей знатнаго состоянія; они сколько ниже Испанцевъ, сколько простой народъ ихъ выше своихъ сосѣдовъ. Недостатокъ въ искусствахъ и вкусѣ, производящій по видимому отъ недостатка въ ремесленныхъ произведеніяхъ; правительство, которое никогда не заботилось о полезныхъ предначертаніяхъ; тягостное сосѣдство Англійскаго народа; совершенной упадокъ Литтературы — вопль главнѣйшія причины, которыя препятствуютъ успѣхамъ нравственнаго образованія Португальцевъ.

Мужчины не красивы; рѣдко попадаются изъ нихъ стройнаго роста и стана; по большей части видите туловища жирныя, толстыя, малорослыя и четырехугольныя. Въ ихъ лицахъ мало правильности; по поднятому къ верху носу, по раздвоеннымъ губамъ можно догадаться, что

Португальцы смѣшались съ поколѣніемъ Негровъ; но желтымъ цвѣтомъ въ лицѣ и черными глазами они много походяшь на Испанцевъ. Вообще женщины имѣють равныя шѣлесныя недосшашки съ мужчи- нами: такой же малой роспъ, такая же дебелость въ станѣ. Но живая физіогно- мія, веселой нравъ, прекрасные глаза, длинныя, лоснящіеся волосы, бѣлыя зубы, роскошная грудь, милые ножки, приккры- ваютъ прочія несовершенства и заставля- ютъ забывать ихъ. Не ищите въ Порту- гальскихъ красавицахъ прелестной пом- ности, которою плѣняютъ наши Сѣвер- ныя Дамы; она столь же мало прилична пламеннымъ глазамъ, какъ и пламенному небу, подъ копорымъ онѣ родились.

Португальки отъ природы одарены остроуміемъ и догадливостію. Всѣ прочія Европейки должны опдать имъ пальму въ разсужденіи любовныхъ увертокъ. Въ словахъ ихъ господствуетъ какая-то плѣняюща я нѣжность, которая призы- ваетъ къ удовольствіямъ и обѣщаетъ упоеніе райскимъ блаженствомъ; однакожь не совсѣмъ безопасно полагаться на знаки ихъ благосклонности. Мужья и родители, зная слабости женъ и дочерей своихъ, безпрестанно присматриваютъ за ними. Церкви особливо служатъ театромъ сер-

дечныхъ вздоховъ и любимыхъ проказъ для тамошнихъ вѣтренницъ. Не смотря на неусыпной присмотръ старыхъ надзирательницъ, хитрые любовники умѣютъ передавать письма съ такою осторожностью, что никакимъ образомъ не можно подстеречь ихъ сношеній. Дѣши, которыя съ ними ходятъ въ церковь, часто отправляютъ должность посланниковъ. Маленькой Меркурій, имѣя препорученіе отъ дамы любовную записочку, продирается сквозь толпу, подходитъ къ красавицѣ, спавшись на колѣна, читаетъ свое Ave Maria и бьетъ себя въ грудь. По окончаніи молитвы, повергается на землю, протягиваясь, и между тѣмъ, какъ со всѣмъ жаромъ благочеспія цѣлуетъ землю, подсовываетъ подъ платье красавицы записочку, и въ замѣну оной беретъ тамъ же другую. Иногда любовники, выходя изъ церкви, вкладываютъ въ одно время руки въ соудъ съ святою водою, пожимаютъ оныя взаимно и мѣняются записками.

Дамы знатнаго состоянія не ходятъ ни въ церковь, ни на зрѣлища, ни на гулянья безъ провожанія другой женщины, по большей части Негришянки. Въ церковь провожаетъ оную вся домашняя челядь женскаго пола, не исключая послед-

ней дѣвки. Онѣ идутъ не вмѣстѣ, но въ отдаленіи на десяць шаговъ одна за другою.

Простолюдимы носятъ по камзолу синяго, чернаго, или темновашаго цвѣта, епанчу, съ висячими рукавами, и треугольную шляпу. Женщины также сверхъ платья надѣвають епанчу. Знапныя особы обоего пола имѣютъ песпраго цвѣта епанчи, прикрывающія нарядъ послѣдней Лондонской или Парижской моды. Сюртуки и круглыя шляпы у природныхъ Португальцевъ совсѣмъ не употреблялися. Головной уборъ простыхъ женщинъ состоитъ изъ плапковъ, завязываемыхъ съ висящими назади лепестками; другія носятъ Испанскія сѣтки. Кресныя янки прѣзжаютъ въ городъ въ красныхъ камзолахъ и остроконечныхъ чернаго цвѣта бархатныхъ шапочкахъ. Дамы знатнаго сословія, которыя впрочемъ слѣдуютъ Европейскимъ модамъ, показываются иногда съ завязанными, на задней половинѣ головы, волосами.

Португальцы питаются по большей части мясомъ и рыбою; зелени не любятъ. Вино предпочитаютъ всѣмъ прочимъ напиткамъ; ѣдятъ и пьютъ умеренно. Они не могутъ къ вину сдѣлать такой привычки, какъ Нѣмцы и Англичане. Въ одной только умеренности можно упре-

кашь Португальцевъ — въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ нюхательному табаку, которой есть одна изъ главныхъ потребностей всей націи. Ничѣмъ не лзя столько одолжить Португальца, какъ открывъ ему свою табакерку. Нѣкоторые нищіе именемъ любви къ Богу и для спасенія души просятъ дать имъ понюхашь табаку. Дѣти, которыя не могутъ еще ходить, уже набиваютъ носъ табакомъ. Слѣдственно не должно удивляться Алфонсу IV, которой послѣ сраженія при Аменксіалѣ каждому Англійскому солдату приказалъ выдать по два фунта табаку. За то курятъ весьма не многіе, и самой сигарос, столь обыкновенный у Испанцевъ, здѣсь употребляется только между мажорсами.

(Изъ Bürger * Blatt.)

III.

Письмо Новсрра къ главному Администратору Парижской Оперы (*).

Государь мой!

Балетъ Медея есть моя собственность; по прозьбѣ Г. Вестриса, я позволилъ

(*) Письмо сіе — писанное человекомъ, которой не только прославился въ Европѣ

представитъ оной въ день спектакля, назначеннаго въ его пользу. Г. Вестрисъ обѣщаль мнѣ при представленіи сей пьесы ничего не опуститъ, что прежде споспѣшествовало заслужить ей всеобщее рукоплесканіе въ Парижѣ и при знатнѣйшихъ Дворахъ Европейскихъ, а особливо въ Петербургѣ. Въ слѣдствіе сего обѣщанія, Медея должна была опять явиться на театрѣ со всѣми великолѣпіемъ, въ надлежащемъ совершенствѣ. Г. Вестрисъ просилъ меня посмотреть послѣднія пробы, въ чемъ не лзя мнѣ было отказать для того, что я хотѣлъ съ своей стороны исполнить все нужное для представленія съ успѣхомъ сего стариннаго произведенія. Чтожъ я видѣлъ, присутствуя на пробахъ? Безпрестанно мучился отъ досады, видѣлъ, какъ уродовали

какъ искусной Балетъ-мейстеръ, но давно уже извѣстенъ свѣту въ качествѣ Писателя, методически предложившаго правила о танцовальномъ искусствѣ — должно бышь занимательно и по своему Автору, и по тому, что даетъ понятіе о *благонравіи* Актеровъ Парижской Оперы. Оно оправдываетъ сказанное недавно Капельмейстеромъ Рейхардтомъ объ упадкѣ театральнаго искусства въ Парижѣ.

балетъ мой, видѣлъ неуваженіе къ старымъ лѣтамъ моимъ; это было наградою за мою снисходительность, за мои старанія, за то, что я три раза нарочно прѣзжалъ въ Парижъ и издержалъ при этомъ немалую сумму денегъ! Въ среду по утру я поспѣшилъ уѣхать изъ города и возвратился въ сельское жилище мое съ лихорадкою, которую произвели во мнѣ вертѣнія и прыжки дурныхъ танцовщицковъ и холодныя ихъ лица. Сившари не имѣютъ ни ушей, ни глазъ, ни души, исключая одну Гжу. Гардель, которой нѣтъ нужды сомнѣваться въ искренности словъ моихъ, написанныхъ въ письмѣ къ ея мужу о ея рѣдкихъ талантахъ и примѣрномъ поведеніи.

Я увѣдомился, что балетъ мой не имѣлъ успѣха, котораго ожидать надлежало. Не удивляюсь. Представленіе изпорчено скучными и долгими промежутками, въ которыхъ Гжи. Гардель не было на сценѣ; но не отъ нее зависѣло сократить ихъ. Во второмъ актѣ, какъ говорятъ, игра была утомительная, безъ жара, безъ выраженія, безъ жизни и, прибавляютъ еще, безъ всякаго знанія.

Гораздо было бы лучше, если бы поступили такъ, какъ написано въ моей программѣ; если бы воспользовались

моими замѣчаніями, которыя послалъ я, три мѣсяца назадъ, къ Г. Веспрису, по убѣдительноѣйшей его прозѣбѣ.

Если вы, Г. м. намѣрены еще представить мой балетъ, которой прежде приносилъ театрамъ важные сборы и впредь можетъ приносить, когда явится въ надлежащемъ своемъ видѣ; въ такомъ случаѣ прошу васъ, обождавъ нѣсколько времени и сдѣлавъ нужныя перемѣны, объявить о немъ. Это будетъ стоить очень не дорого, потому что надобно только сократить скучныя продолженія, придать болѣе пышности и блеску, выбросить излишности, особливо одушевить игру дѣйствіемъ и жаромъ.

Имѣю право желать, чтобы сіе дѣтя молодыхъ лѣтъ моихъ не обезславило моей славы. Если почтете нужнымъ мое присутствіе, то не оставьте уведомить меня о томъ. Я радъ въ четвершой разъ пріѣхать въ Парижъ; желаю только, чтобы вы дали приказаніе танцовщикамъ являться на пробу въ назначенное время и не заставляли меня дожидаться часа по три.

Ожидая вашего отвѣта, имѣю честь и проч.

IV.

*Новыя заблужденія известнаго
Мерсье.*

Славный Мерсье, Членъ Французскаго Національнаго Инспитута, теперь, такъ сказать, въ соперничествѣ на поприщѣ клеветы съ обезславленнымъ Жоффруа. Сей послѣдній безпрестанно вопіетъ, что Вольтеръ, Руссо и прочіе великіе люди, которыми вѣкъ нашъ гордится, были невѣжды; называетъ ихъ площадными писателями и ругаетъ немилосердно, какъ плутовъ и бездѣльниковъ; клеветы его и сотрудники отъ всего сердца помогаютъ ему въ сей работѣ. Подобную должность возложилъ на себя Мерсье, который давно уже въ Парижскихъ Журналахъ бранилъ Невтона, Локка и другихъ великихъ Математиковъ. Теперь вышла въ свѣтъ Систематическая книга его о сей матеріи, въ которой онъ — какъ самъ изъясняется въ одномъ новомъ письмѣ къ Г. Кесне — выступаетъ, подобно Давиду, противъ исполина Голиафа. Въ семъ письмѣ отъ 23 го Іюня, напечатанномъ въ Парижскомъ Журналѣ, онъ говоритъ: „Я совершенно увѣренъ, что сказки матушки моей Гаре не столько велики, какъ Небесная Механика Нев-

тонова, которая, для забавы будущихъ поколѣній, представляетъ и будетъ представлять послѣднюю степень учебнаго суемудрїя — злѣйшаго, нежели человѣческое невѣжество. Но не довольно бытъ самому увѣреннымъ — нѣшь, надобно и Публику увѣрить въ истинѣ.“ и проч. — Сїю увѣренность въ Публикѣ должна произвеси упомянутая книга, въ которой, по свидѣтельству Мерсье, собраны всѣ возраженїя и опровержены сильными, неоспоримыми доводами.

Письмо заключено слѣдующими словами: „О какъ упѣшительна истина! какъ я возхищаюсь, поймавъ заблужденїе въ самомъ его началѣ! какъ оно смѣшно и нелѣпо! Теперь переспанемъ шутки и смѣяться надъ Ирокезцами; мы сами съ непонятнымъ невѣжествомъ, съ ребяческимъ легкомыслїемъ вѣримъ, что земля обращается на своей оси и совершаетъ путь около солнца.“

Нападенїя сего Автора на Астрономїю и Математику уже извѣсны изъ другихъ, вышедшихъ въ свѣтъ, его сочиненїй, въ которыхъ упоминаемая имъ пещера на земномъ шарѣ, шутки на щетъ плаванїй вокругъ Свѣта, называемыхъ имъ сказками, и прочїя мнѣнїя сего рода показываютъ пустословіе и не-

лѣпости, можетъ быть, невиданныя ни въ одномъ Писателѣ съ талантомъ. — Книга его останется навсегда достойнымъ примѣчанія памятникомъ человѣческихъ заблужденій.

Не удивительно ли, что въ то же самое время, когда во Франціи Мерсье, Жоффруа и другіе вооружаются противъ людей, прославившихъ Науки и Искусства, появляюся и въ Германіи писатели, которые занимаютъ пошлымъ ремесломъ поносиль своихъ и чужихъ Мужей великихъ? Что они выиграютъ? именно то, что Мерсье и Жоффруа: отъ современниковъ презрѣніе и насмѣшки — которыя человѣку здравомыслящему и чувствительному не могутъ быть пріятны — отъ потомства укоризны и поношеніе. Не знаю, какая Философія можетъ успокоить въ подобномъ случаѣ.

V.

С Т И Х И

Одной любезной Дамѣ, которая въ день именинъ Автора подарила его снуркомъ для часовъ, и извинялась, что даритъ бездѣлкой.

Богатымъ вы меня подаркомъ не дарите;
Я искренноспь одну богатствомъ въ жизни
чшилъ;
А чшобъ на цѣлой годъ я вами щастливъ былъ,
Вы милою меня улыбкой наградите.

К. Ков.

VI.

С М Ъ С Ъ.

При коронованіи Бонапарте, которое должно произходить въ Парижѣ, 9го Ноября, Французскіе, такъ называемые, Принцы и первые Чиновники Имперіи будутъ присутствовать въ церемоніальномъ нарядѣ: оно состоитъ изъ бѣлой туники, пояса и маншій того же цвѣта съ вышитыми на ней золотыми пчелами. Сію эмблему изъясняютъ разнымъ образомъ; ближе къ истинѣ помѣщенная въ нѣкоторыхъ публичныхъ листкахъ догадка, что пчелы

означаютъ извѣстныя *лилеи*, находившіяся въ гербѣ Королей Французскихъ. Извѣстно, сколь не согласны между собою мнѣнія Ученыхъ о сихъ лилеяхъ, которыя очень не походятъ на *лилеи*. Іоаннъ Іаковъ Хифлеціусъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій доказываетъ, что *лилеи* въ старину были ничто иное, какъ *золотыя пчелы*, изображенныя въ гербѣ Королей Французскихъ, превращенныя потомъ въ *лилеи* несвѣдущими и неискусными Художниками. Хифлеціусъ основываетъ доказательство свое на томъ, что при открытіи гроба Короля Шилдерика II — которой родился въ 653 году, умерщвленъ въ 673 — нашли 300 золотыхъ пчелъ. Филиппъ Августъ принялъ первый *лилеи*; но Лудовикъ XII и Генрихъ IV иногда употребляли *золотыя пчелы* въ возпоминаніе старинной эмблеммы. Любопытные могутъ обстоятельнѣе освѣдомиться о томъ въ книгѣ: *Historia Insignium Illustrium, seu Operis Heraldici pars specialis, Autore Phil. Jac. Sprengero. lib. I. cap. 24. pag. 114.*

Давно уже Философы согласились, что чувства обманываютъ насъ. Слѣдственно не всегда должно полагаться на нихъ, но вѣрить тому, что говорятъ намъ люди ученые. Выписываемъ извѣстія,

для насъ совершенно новыя ; онѣ помѣщенны въ иностранныхъ Журналахъ , издаваемыхъ Обществами Литператоровъ :

„Г. Маршановъ издаемъ въ Петербургѣ Журналъ воспитанія, подъ названіемъ : Петербургскій Вѣспникъ.“

„Въ Москвѣ недавно играли Комедію: Эмиль невиненъ и однакожъ достоинъ наказанія.“

„Словарь Географическій Россійской Имперіи , копорой началъ издавать въ Москвѣ Максимъ Вишъ , вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными Географами , теперъ опять выходитъ въ свѣтъ ; въ немъ обѣщуютъ намъ описанія подробныя и любопытныя съ вѣрнѣйшими Картами всѣхъ частей сей пространной Имперіи.“

„Въ Москвѣ теперъ четыре Театра : Руской, Польской, Французской и Италіанской ; ожидаютъ еще Нѣмецкой труппы.“ Слѣдовательно по благосклонности Господъ Журналистовъ у насъ теперъ пять Театровъ ! *credat Iudeus !*

*

Если вѣрить одному Нѣмецкому Журналисту (можно ли же и не вѣрить?), то мы всѣ теперъ ударились въ запуски писать , а это не обѣщаетъ добраго. Онъ уведомляетъ Публику , что въ Петербургѣ выходитъ какой-то Журналъ, со-

держащій въ себѣ многія отдѣленія, изъ которыхъ послѣднее назначено для помѣщенія въ немъ разныхъ отрывковъ, принадлежащихъ до Наукъ и Словесности, и что Издатели приглашаютъ учащихся молодыхъ людей доставлять имъ разные піэсы своего сочиненія, для наполненія сей послѣдней части Журнала. Все это, какъ кажется, Г. Нѣмецкой Журналистѣ видѣлъ во снѣ. Какъ бы то ни было, приглашеніе Издастелей Рускаго Журнала весьма не нравилося ему. „Въ Россіи, говоритъ онъ, гдѣ нѣтъ ребенка, которой посредствомъ шипографій не могъ бы выдать въ Публику свои упражненія, гдѣ каждая школа, отъ первой до послѣдней, имѣетъ своихъ Сочинителей и Переводчиковъ, гораздо было бы лучше удерживать сію страсть къ писанью, нежели ободрять ее.“ — Чего не напишетъ человекъ, обязанный выдавать на срокъ извѣстное число листковъ!

Вѣкъ нашъ по справедливости можно назвать вѣкомъ изобрѣненій. Попомощву останется только удивляться нашимъ успѣхамъ и пользоваться плодами щасливаго разположенія умовъ нашихъ къ разнымъ выдумкамъ. Въ Лондонскомъ Курьерѣ напечатано извѣстіе, взятое изъ

Французскихъ Журналовъ, что нѣкто Модестъ Гранье изобрѣлъ двѣ преполезныя машины: одною можно пахать землю съ помощію вѣтра, не употребляя къ тому домашнихъ животныхъ; посредствомъ другой тяжело нагруженныя барки идутъ сами собою противъ воды, также не бывъ никакимъ тягучимъ. — Жаль, если такія прекрасныя вещи будутъ полезны только — для Журналовъ!

*

Недавно умершій извѣстный типографщикъ Франсуа-Амбруазъ Дидо есть одинъ изъ шѣхъ людей, которые въ новѣйшія времена усовершенствовали искусство книгопечатанія во Франціи. Упомянемъ о важнѣйшихъ его услугахъ, оказанныхъ сему искусству. Онъ далъ лучшій видъ рамамъ — такъ называющіяся доски, употребляемыя наборщиками для разделенія страницъ и ссравленія полей. Прежде онѣ дѣлались изъ дерева и обыкновенно разширялись отъ воды, которою смывали оныя по окончаніи. Дидо обратилъ сіе неудобство, начавъ употреблять рамы изъ того же вещества, изъ какаго опливаются липшеры.

Онъ изобрѣлъ тинометръ, инструментъ для измѣренія плотности липшеры и ихъ величины на бумагѣ. Сіе

открытіе подало ему поводъ невразумительную номенклатуру разныхъ изображеній замѣнить названіями приличнѣйшими и поняшными для каждаго.

Ему обязаны новыми станками, на которыхъ однимъ разомъ можно оппечатать все пространство листа. Къ сему должно прибавить изобрѣпеніе самой простой и удобной машины для поднятія пресовъ. — У насъ въ Россіи извѣстны прекрасныя Дидоповы изданія; онѣ отличаются чистотою, красивоспійю и исправностію.

Пишутъ въ Парижскомъ Журналѣ, что недавно умершій въ Англіи въ Девонскомъ Графствѣ охотникъ передъ смертью сдѣлалъ слѣдующія распоряженія въ духовномъ своемъ завѣщаніи: во гробѣ положить ему въ обѣ руки и на грудь по одной лисьей лапѣ, и такимъ образомъ предать землѣ прахъ его; въ самой день похоронъ всѣ сосѣди должны ѣхать на охоту и заправить звѣрей, какъ можно болѣе, потомъ собраться на пиршество и пить *тоасты*: 1 й въ память усопшаго, 2 й въ честь звѣриной снотѣ, 3 й за здоровье всѣхъ любившей охоты, 4 й за здоровье *свифта*, лошади покойника, 5 й за здоровье борзыхъ его собакъ луч.

шей породы въ цѣломъ околоткѣ. Каждому изъ гостей назначена знашная денежная сумма.

Не излишнимъ почитаемъ выписать нѣкоторыя мѣста изъ статьи: *Примѣчанія о холодѣ въ Россіи*. Сіи примѣчанія взяты изъ записокъ разныхъ путешественниковъ (и особливо изъ Англійскаго сочиненія, изданнаго Г. Кингомъ, Членомъ Королевскаго Общества, жившимъ долго въ Петербургѣ въ качествѣ Капеллана при Англійской конторѣ) и помѣщены въ *Утеныхъ Архивахъ*. Онѣ шѣмъ болѣе достойны нашего вниманія, что намъ еще многое не извѣстно въ Россіи, и безъ отеческаго попеченія добродушныхъ иностранцевъ мы совсѣмъ не знали бы, что дѣлается въ двухъ шагахъ отъ насъ.

„Въ окрестностяхъ столицы, гдѣ торговля производится дѣятельнѣе, дороги зимою поправляютъ съ особливимъ раченіемъ. Еслили ошѣ оппепели сдѣлающіяся ямы, то ихъ снова наполняютъ льдомъ, наверхъ котораго набрасываютъ снѣгу, льютъ воду и даютъ ей замерзнуть.“

„Императрица ЕКАТЕРИНА приказала сдѣлать сани, которыя составляли небольшой домикъ, снабженный всѣми нужными вещами для жительства.“

„Г. Сваловъ, Генеральный Консулъ Англійской въ Россіи, передъ отъѣздомъ своимъ зимою изъ Петербурга въ Москву, велѣлъ поймать угрей, и заморозить ихъ такъ, что они представляли изъ себя куски твердаго льду; черезъ четыре дни, прѣхавъ въ Москву, приказалъ бросить угрей въ холодную воду; они мало по малу оттаяли и — ожили.“

„Лучшая шеляпина, употребляемая въ пищу въ Петербургѣ, есть та, которую, заморозивъ въ Архангельскѣ, привозятъ въ Сплицу; трудно различить ее отъ свѣжей. Равнымъ образомъ берегаютъ плоды и огородныя овощи.“

Слѣдующій Исторической Анекдотъ показываетъ, что гордость національная не всегда бываетъ полезнаю. — „Когда, въ правленіе Лудовика XIV., бомбардированіе Алжира привело въ ужасъ варваровъ, морской Капитанъ Дамфревиль, воспользовался симъ благопріятнымъ случаемъ для освобожденія отъ неволи всѣхъ Христіанъ безъ исключенія. Онъ повелительнымъ образомъ потребовалъ, чтобы всѣ плѣнники были выданы ему; посадилъ ихъ на свой корабль и отплылъ отъ береговъ Африканскихъ. Нещастные невольники, получившіе свободу стовъ

неожиданнымъ образомъ, не находили слѣвъ для выраженія радости своей и благодарности. Одни только Англичане, которыхъ было довольно число между освобожденными, не хотѣли слышать о благодарности и утверждали, что они вольностію своею обязаны нечему иному, какъ глубокому уваженію Алжирцевъ къ Англійской націи. Они столь часто поворяли глупое хвасповство свое и такимъ оскорбительнымъ образомъ, что Дамфревиль и прочіе Французы, его подчиненные, потеряли терпѣніе. Онъ приказалъ всѣхъ сихъ говоруновъ, посадивъ на шлюпки, отвезти обратно на Африканской берегъ. Тамъ опять они попались старымъ господамъ своимъ, которые, недумая о величїи и могуществѣ Англійской націи, по прежнему обложили ихъ оковами.

ПОЛИТИКА.

I.

Благодѣянія войны (*).

Рассодія.

Vive la guerre ! il n'est que d'en avoir , de quelque part qu'il en vienne.

Отдѣленіе первое.

Многіе философы въ своихъ сочиненіяхъ до такой степени привязаны къ строгой точности , что , говоря о предметахъ обыкновенныхъ , всѣмъ извѣстныхъ , непремѣнно стараются опредѣлить ихъ. Они употребляютъ для лучшаго объясненія многія слова , которыя съ перваго взгляда кажутся непонятными ; а это надежнѣйшее средство заставитъ себя удивляться. Намъ также надлежало бы опредѣлить : что есть война ? но по щастію тѣ , для которыхъ мы пишемъ , знаютъ это

(*) Читатель изъ первыхъ строкъ замѣтитъ , что сочиненіе сіе есть нечто иное , какъ шутка , впрочемъ весьма остроумная и пріятная. *Изд.*

не менѣе насъ самихъ. Чего лучше для Автора ?

Война есть природное состояніе чело-
вѣка — еспльи положишься на слова одного
Философа, упоминаемаго въ сочиненіяхъ
Платоновыхъ. Гоббевъ сполько былъ увѣ-
ренъ въ сей истинѣ, что написалъ о ней
большую книгу. Когда же война неразлучна
съ бытіемъ нашимъ — въ чемъ Исторія
можетъ увѣришь насъ — то намъ остаеш-
ся драться изо всей силы. Сіе благород-
ное упражненіе ознаменовано печашію
глубокой древности : Ангелы съ Демонами
выдержали жаркія сраженія по увѣренію
Мильтона, копорой такъ хорошо и вѣрно
описалъ оныя. Этого не довольно ! Самыя
стихїи долго были въ войнѣ междусоб-
ной ; безъ сей войны и мы не существо-
вали бы на свѣтѣ. Гераклипъ очень хо-
рошо зналъ это, и пошому никакъ не нра-
вились ему стихи Гомеровы, въ которыхъ
Поэпъ желаетъ, „чтобы война на небѣ
и на землѣ прекратилась.“ По увѣренію
Гераклипа, Гомеръ совсѣмъ не понималъ,
что онъ тѣмъ самымъ желалъ уничто-
женія всѣхъ вещей, копорыя отъ войны
получили бытіе свое. Мы должны ува-
жать Гераклипа, какъ челоуѣка великаго,
снискавшаго безсмерщную славу тѣмъ,

что непонятныя вещи онъ изъяснялъ непонятными словами.

Львы, барсы, тигры, волки, лисицы нападаютъ на звѣрей не своего вида, умерщвляютъ ихъ, но не душатъ своихъ собратьевъ. Одинъ только человекъ пользуется завиднымъ правомъ составлять многочисленныя ополченія, и по всѣмъ правиламъ Тактики, безъ зазрѣнія совѣсти, рѣзаетъ и терзаетъ другъ друга. Другое прекрасное право, которымъ опличается человекъ, есть — пожирать своего непріятеля, лишивъ его жизни (*). Нѣкоторые Философы утверждаютъ, что сіе послѣднее по многимъ отношеніямъ не такъ худо, какъ первое.

... Для какихъ же причинъ люди умерщвляютъ другъ друга? Всякое предположеніе имѣетъ свои исключенія. Если бы въ естественномъ порядкѣ вещей было повелено, чтобы человекъ все желаемое находилъ повсюду въ изобиліи, безъ малѣйшаго затрудненія; или, если бы страсти его были въ спокойномъ состояніи и не заставляли его оскорблять себя

(*) Путешественники свидѣтельствуютъ объ истинѣ сего обыкновенія, употребительнаго между нѣкоторыми Американскими народами.

подобныхъ; тогда общій миръ господство-
валъ бы во вселенной. Но такой чинъ
вещей не входилъ, можетъ быть, въ
планъ Провидѣнїя — вотъ что остается
намъ сказать! и мы въ семъ случаѣ по-
чищаемъ себя умнѣе одного Испанскаго
Короля, которой имѣлъ безстыдство
говорить, что онъ могъ бы дать хорошій
совѣтъ, есѣли бы потребовали отъ него
мнѣнїя, при сотворенїи мїра.

Есть еще другїя особенныя причины,
которыя принуждаютъ людей нападать
другъ на друга: первая и главнѣйшая —
голодь. Представимъ себѣ двѣ сосѣдствен-
ныя области, изъ которыхъ одна изоби-
луетъ всѣми потребностями житейскими,
другая безплодна. Есѣли жители первой
области многочисленнѣе, они нападаютъ
на послѣднюю, чисѣлы не умереть голод-
ною смертію; это законъ Натуры, по
силѣ котораго каждой собственную без-
опасность предпочитаетъ безопасности
своего ближняго.

Еще другая, не менѣе сильная, при-
чина войны есть — мѣдѣнїе, загорающееся
иногда ошѣ бездѣлицѣ и самымъ забав-
нымъ образомъ. Соединенная Греція десять
лѣтъ вела войну за Елену; Аспазїя,
есѣли вѣришь Грисшофану и Аеенаксу,
воспламенила брань кровопролитную,

извѣстную подъ названіемъ Пелопонесской. Изъ того видно, что женщины способны не только раждать людей, но и изнрблять ихъ.

Опъ той же причины происходятъ войны за вѣру, послыднѣйшія всѣхъ прочихъ для человѣческаго рода. Нація сражается за невразумительныя слова и рѣженіе людей для угожденія Богу, или, лучше сказать, для наказанія своихъ брашій за то, что они имѣютъ другія понятія о Религіи, чпо осмѣливаются думать съ нею не одинаково. Но еслили почашается пресупленіемъ оскорблять людей, то не грѣшно ли убивать ихъ?

Еще причиною войны должно почестъ сребролюбіе и властолобіе, которыя возраспакшъ по мѣрѣ умноженія мнимыхъ потребностей. Нація образованная рѣдко начинающъ войну по другимъ причинамъ.

Въ Лукіанѣ находимъ произшествіе, котораго испинному сбытію не многіе повѣряшъ, и въ которомъ по тому должно было бы усомниться, что они только глупцы все рѣшительно утверждаютъ, безъ всякаго пропивоуѣчія. Мы однакожъ признаемъ за лучшее не спорить съ Лукіаномъ: ибо опъ того ничего не теряемъ. Онъ повѣствуетъ, что войско, съ которымъ Вакхъ завоевалъ Индію, состояло

изъ однѣхъ женщинъ, предводительствуемыхъ Саширами. Первые были въ бубны, играли въ кималы и кричали: эго! другие плясали и прыгали — и такимъ образомъ пекорили непріятелей. Сей странной способъ вести войну ясно показываетъ, что Древніе превосходили насъ въ подвигатѣ геройскихъ. Нѣкоторые Писатели рассказываютъ о дѣлахъ женщинъ — неоспоримое доказательство, что прекрасной полъ, во всемъ почищаемой слабымъ, есть такимъ болѣе по привычкѣ, нежели по склонности. Такъ Горгоны жестоко сражались съ Амазонками, своими сосѣдками. Нѣкоторые Писатели оспаривали существованіе Амазонокъ по той причинѣ, будто война не женское дѣло. Но что скажутъ они о славныхъ, промышленныхъ рабахъ, Парижскихъ торговкахъ, которые столько же отличались храбростію, какъ и солдаты, ихъ поварищи? Тотъ очень худо знаетъ Логикку, кто утверждаетъ: *того телерь нѣтъ, того и прежде не было.*

Другой примѣръ войны необыкновенной находимъ въ свѣдой древности, славной великими дѣянїями. Писалы, народъ Ливійской, въ полномъ собранїи единодушно положили воевать съ Южнымъ выпромъ, кошорой высушилъ всѣ источники и ручьи

въ странѣ ихъ. Сіе благоразумное предпріятіе имѣло слѣдствіемъ погибель всего народа: вѣперѣ въ самое время брани подулъ съ такою силою, что засыпалъ пескомъ всѣхъ ратоборцевъ.

Гоббезъ думалъ, какъ мы выше упомянули, что война есть природное состояніе человѣка. Теперь спрашиваемъ: что есть природное состояніе? Нѣкоторые Философы такъ много о немъ наговорили, что по видимому не имѣли никакого о томъ понятія; другіе или прибѣгали къ Эологїи, или молчали, слѣдственно знали не болѣе первыхъ. По увѣренію Эологистовъ, природное состояніе есть состояніе блаженное, въ которомъ находясь, человѣкъ дѣлалъ только то, что вело его къ щастливой жизни. Онъ ѣлъ, спалъ, наслаждался любовными удовольствіями и, къ довершенію всѣхъ сихъ выгодъ, былъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, это былъ золотой вѣкъ, какъ Стихопворцы называютъ его. Когда же человѣкъ, находясь въ семъ состояніи, былъ столько щастливъ, то для чего изъ него вышелъ? Для того, что былъ имъ недоволенъ; для того, что надѣялся найши лучшее.

Одинъ изъ Писателей временъ позднѣйшихъ (Фержюзонъ), которой передъ

новыми Философами могъ похвалиться
 здравымъ разсудкомъ, утверждаетъ, что
 человекъ, въ какомъ бы состоянїи ни жилъ,
 начиная отъ самаго дикаго до самаго про-
 свѣщеннаго, находится въ природномъ сво-
 емъ состоянїи. Слѣдовательно Гоббесъ нѣ-
 сколько правъ; ибо кажется, что люди
 живутъ въ безпрестанной враждѣ, хотя
 не всегда явной. Чтобы увѣриться въ
 сей истинѣ, стоить только обратить
 наши взоры на ежедневныя произшествїя
 свѣта, стоить обратить вниманїе на
 свойство нашихъ вождельнїй. Каждый
 человекъ хочетъ получить то, что ему
 нравится; хочетъ удовлетворить свои
 желанїя, ни о комъ другомъ не заботясь;
 хочетъ даже, чтобы почитали его мудре-
 цомъ и, ежели можно, мудрецомъ, укра-
 шающимъ вѣкъ свой.

Женщины хотять наряжаться по
 новѣйшей модѣ; хотять унижать пре-
 десьи другихъ и поносить доброе имя
 ихъ; хотять испить всякому, кто имѣлъ
 бы дерзость прошивиться ихъ прихотямъ,
 и единодушно положили презирать му-
 жей своихъ. При такихъ благородныхъ
 склонностяхъ, не знаю, чтобы съ нами
 было, естли бы законы и мнѣнїя иногда
 не удерживали ихъ стремленїй: гдѣ мол-

чатъ законы, тамъ мнѣніе подаешъ свой голосъ — и по большей части его слушающъ.

Сверхъ того, естли чловѣкъ не хочетъ обнаружить спрасей своихъ, безпокойныхъ и опасныхъ, онъ скрываетъ ихъ подъ личиною добродѣтели — и дѣлается лицемѣромъ. Вѣроятно, по той причинѣ припворство господствуетъ въ обществѣ и даже носитъ на себѣ имя искусства жить и благонравія. Всѣмъ купцамъ извѣстно, что каждой изъ нихъ по силѣ и возможности не пропускаетъ случая воспользоваться просодушїемъ своего собрата, и ежели ничего ни лучше, ни хуже не можешъ сдѣлать, искренно въ сердцѣ своемъ желаетъ разоренія многимъ изъ сочленовъ его званія, для того, чпобы самому набогатиться; однакожъ онъ никому не объявляетъ своего патріотическаго усердія. Молодые люди съ неперпѣливостію ожидаютъ блаженной кончины любезныхъ своихъ родствениковъ, которыхъ мнѣніе имъ останется, и при всемъ томъ оказываютъ имъ любовь и преданность. Чловѣкъ благовоспитанный изъ скромности не говоритъ того, что думаетъ объ умѣ своемъ; однакожъ выискиваетъ всѣ способы открьшь въ другихъ слабоуміе; онъ не замедлилъ бы явно сказать свои о нихъ мысли,

если бы не боялся смѣльчаковъ, которые могутъ проучить его. Неукротимое желаніе, чтобы наше мнѣніе, нашъ вкусъ, имѣли перевѣсъ на своей сторонѣ, есть одно изъ совершенствъ, украшающихъ человека; оно не рѣдко влечетъ за собою важныя слѣдствія.

Теперь опступлейія въ модѣ, и именно по тому, что не принадлежатъ къ дѣлу: слѣдственно отъ васъ зависитъ опровергнуть то, которое вы читали, или одобритъ его. . . . Нѣтъ! непременно должно одобрить: оно имѣетъ нѣкоторую связь съ нашимъ предметомъ. Предположивъ, что человекъ отъ Природы одаренъ склонностями выше упомянутыми, не должно уже удивляться; что мы иногда деремся; потому что управляющіе имѣютъ тѣ же страсти, какія и управляемые; и гораздо болѣе средствъ къ удовлетворенію оныхъ. Желаніе пріобрѣтенія, или мщеніе, или оба вмѣстѣ, суть главною цѣлію ихъ; а страсть обладать чужимъ есть страсть столь же пріятная, какъ и мщеніе, которое Гомеръ называетъ божественнымъ удовольствіемъ.

Но кто имѣетъ право нападать на собственность и свободу ближняго? Право! слово великое, котораго обширный смыслъ не помѣспился въ головахъ боль-

шей части изъ нашихъ Философовъ. Спросимъ Напуру о его знаменованіи: право есишь дѣйсствіе силы. Взглянемъ только на безпредѣльный Океанъ, и увидимъ, что огромныя киты ежедневно поглощаютъ милліоны малыхъ рыбокъ, для продолженія своей жизни. Какое они имѣютъ на то право? никакого, кромѣ голода и силы. То же видимъ и въ моральномъ мірѣ: сильнѣйшій притѣсняетъ слабаго, и, можетъ бытъ, это навсегда продолжится. Займемъ уподобленіе у Петронія: свѣтъ похожъ на поле во время моровой язвы, на кошоромъ видны только трупы и вороны, ихъ пожирающіе!

Когда Галлы напали на жипелей Клузіума, чшобы завладѣть ихъ областію, Римскіе послы, отправленные къ нимъ для переговоровъ, спросили: „какое право имѣете похищать нашу собственность?“ Галлы отвѣчали: „мечъ есть наше право; все на свѣтѣ принадлежитъ сильнѣйшему.“ Нѣчто похожее на это сказали послы Аѳинскіе, по свидѣтельству Фукидида: „сильнѣйшіе всегда были властителями; не мы постановили законъ сей; онъ основывается на самой Природѣ.“

Какое право имѣли Европейцы покорить Америку, и завладѣть ею? силу.

Націи, дознавъ опытомъ, что такимъ правомъ можно оправдать всѣ хищенія, поступали сообразно съ сими правилами; и потому - то начиная войну, никогда не объявляютъ истинныхъ причинъ: напрошивъ того спараюцца найти какой-нибудь предлогъ; а ежели нѣтъ никакого, то выдумаютъ его, подобно волку, о которомъ упоминается въ баснѣ. Онѣ предлагаютъ, на примѣръ, что хотятъ возстановить тишину въ сосѣдственномъ Государствѣ, или желаютъ просвѣпить жипелей его, или оказать ему другое какое нибудь благодѣянїе — и такииъ образомъ силою оружія присвсиваютъ себѣ цѣлыя области.

Вопреки пышнымъ декламациямъ, нѣкоторыхъ Писателей, которыми угодно защищать систему мнимыхъ правъ, сила во всякое время дѣлала и будетъ дѣлать все на свѣтѣ. Всѣ правленія, какого бы образа онѣ ни были, признають ее своимъ правомъ. Она господствуетъ въ самой Демокрашии; ибо въ народоправленіи всегда есть сильнѣйшая партія, которой члены вліяніемъ своимъ принуждаютъ цѣлую націю повиноваться ихъ волѣ, прикрашенной наружностію законовъ. „Въ правленіяхъ народныхъ,“ пишетъ Гоббесъ, „власть верховная, кощорая

„должна бы принадлежать всѣмъ членамъ,
 „предспавляющимъ націю, обыкновенно
 „находится въ рукахъ одного, или весь-
 „ма немногихъ; ибо въ большихъ собра-
 „ніяхъ, каковы бывають народныя, въ
 „которыхъ каждой по произволу имѣеть
 „право подавать голосъ, и въишь другаго
 „средства разсуждать и совѣтоваться,
 „какъ говоря длинныя, обдуманныя рѣчи,
 „которыми каждой болѣе или менѣе на-
 „дѣется склонить собраніе на свою спо-
 „рону.“ И такъ между множествомъ
 Орашоровъ, всегда одинъ, или нѣсколько
 человекъ равныхъ дарованій, берутъ пре-
 имущество передъ прочими и склоняють
 всѣхъ на свою сторону; слѣдственно
 Демократія въ самомъ дѣлѣ есть нечто
 иное, какъ Аристократія Орашоровъ, ко-
 торая иногда бываетъ Монархією, и въ
 управленіемъ одного.

Теологи говорятъ, что Небо благо-
 пріятствуетъ войнѣ справедливой; Шар-
 ронъ въ книгѣ своей о *Мудрости* держит-
 ся того же мнѣнія. Свидѣтельство Тео-
 логи и Мудрости есть самое вѣрное, не-
 оспоримое: слѣдовательно должно согла-
 саться, что война, начинаемая сильнѣй-
 шимъ, есть справедливая; ибо она все-
 гда вѣнчается побѣдою!!

Война оборонительная справедливѣе всѣхъ прочихъ. По единогласному утвержденію Философовъ, слово сіе означаетъ защищеніе себя, своихъ союзниковъ и вообще успешенныхъ. Не смотря на то, иногда очень трудно рѣшить, справедлива ли такая война, или нѣтъ; ибо часто почитаютъ войну оборонительную несправедливою по тому, что она начата была для освобожденія народа отъ ига рабства; это случается, когда правила политическія бывають модою, когда мнѣнія Публики, подобно модѣ, переменяются. Сверхъ того положимъ, что двѣ націи заключаютъ договоръ, прошивной выгодамъ одной изъ нихъ. Такой договоръ свято соблюдается до тѣхъ поръ, пока незнаніе или слабость успешенной стороны препятствуетъ разсмотрѣть его, или нарушить. Лишь только незнаніе или слабость не существуютъ, тогда и договоръ теряетъ свою силу. Начинается война: нація успешенная сражается за справедливость, за собственность; но тѣ, которые въ договорѣ находятъ свои выгоды, и тѣ, которые сами не хотящъ ни надъ чѣмъ ломать головы своей, почитаютъ зачинщиковъ вѣрломными.

Примѣтитъ должно, что сколь ни была бы война несправедлива, народъ все-

гда судить о ней по слѣдствіямъ , и вся вина обыкновенно падаетъ на побѣжденныхъ. Мы говоримъ то , что всѣмъ извѣстно ; но развѣ не то же дѣлаетъ большая часть Писателей ? Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ рѣдкое искусство давать мыслямъ своимъ столь таинственныя обороты , что читатель прежде удивляется имъ , потомъ уже понимаетъ ихъ и — какъ водится — забываетъ ; но мы не любимъ вообще никакой скрытности.

Война отъ голода , если не ошибаемся , одна только по справедливости можешь назваться необходимою. Драться или умереть голодною смертію — тутъ не нужно долго размышлять о выборѣ ; дикіе не умѣютъ правильно умснвовать и выводить заключенія. Натура научаетъ ихъ , что должно дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Діодоръ Сицилійскій говоритъ , что Троглодиты никогда не воевали по ненависти или по причинамъ политическимъ , подобно Грекамъ ; нѣтъ , они дрались только за пасябища для скотины.

Добровольное примиреніе могло бы быть средствомъ къ прекращенію войны ; но оно не зависитъ отъ воли каждаго въ особености ; когда обиженная нація требуетъ вознагражденія ,

тогда силу отражаютъ силою. Два народа начинаютъ войну; одинъ изъ нихъ (разумеется, несчастнѣйшій) ослабѣваетъ, предлагаетъ о мирѣ, а объ немъ не хотѣя слышать, особливо если честное любіе Министра возпламенило огонь раздора. Министръ такой же человекъ, какъ и другіе; слѣдственно желаетъ достигнуть до своей цѣли. Одинъ, два народа разоряются — какая нужда! лишь бы удовлетворено было его мнѣніе. Онъ думаетъ и говоритъ: *Neque me impune lascent;* накажу всякаго, кто осмѣлился зацѣпить меня.

Однакожъ наше разсужденіе не совсѣмъ справедливо; есть люди, которые во всякомъ случаѣ обвиняютъ Министра, когда война продолжается не по ихъ желанію. *Adversa uni imputantur*, въ неудачахъ обвиняютъ одного, пишемъ Тацитъ, упоминая о Генералахъ; то же можно сказать и о Министрахъ. Но Министръ все еще не есть первая причина войны, хотя и желаетъ ее; въ немъ дѣйствуетъ внѣшняя сила, которой онъ не можетъ противиться. Натура, одна Натура есть первоначальная, побудительная причина къ войнѣ; люди на то созданы, чтобы слѣпо повиноваться ея законамъ. Натура играетъ людьми, какъ куклами, и приводитъ ихъ въ движеніе.

по своему произволу. Мы говоримъ догматически именно для того, чтобы избавить — себя отъ труда пріискивать доводы, чиншпелей — отъ зѣвоны. Умствование есть крѣпкой опіасть, котораго мы, такъ какъ и всѣ наши современники, по возможности убѣгать стараемся. Говорить же пономъ догматическимъ удивительно какъ полезно: это лучшей способъ убѣждать другихъ, а въ добавокъ и самихъ себя.

Человѣческое тѣло находится иногда въ безпорядкѣ отъ накопленія вредныхъ соковъ; пошомъ опять приходитъ въ прежнее состояніе, когда соки выгоняются такимъ или другимъ образомъ. Подобный механизмъ видимъ въ Натурѣ. Если живошныя разпложаются до чрезмѣрности; то она, прибѣгая къ лекарствамъ — моровой язвѣ, землетрясеніямъ или войнѣ — возстановляетъ порядокъ и равновѣсіе. Допустивъ справедливость сего предположенія, надобно уже признаться, что отврашить войну столь же для насъ трудно, какъ и землетрясеніе: остается съ терпѣніемъ нести крестъ свой.

И шакъ если Натура все дѣлаетъ съ хорошимъ намѣреніемъ (предположеніе ясное, прекрасное, слѣдственно не многимъ извѣстное), то война не есть вещь такъ худая, какъ обыкновенно думаютъ

о ней. Это главной артикулъ нашего предмета : для того постараемся предложить его, какъ можно короче, чтобы не навести на себя упрековъ, которыми подвергаются люди, перяющіеся въ лавиринѣ размышленій. Всѣмъ извѣстно, что чѣмъ болѣе думаемъ о предметѣ, тѣмъ менѣе понимаемъ его; особливо увѣрены въ сей истинѣ тѣ, которые не одарены мучительною способностію пристально смотрѣть на вещи. Отъ того происходитъ, что сіи люди, читая какое-нибудь сочиненіе, которое выше натуральнаго, то есть обыкновеннаго понятія, сперва зѣваютъ, потомъ бросаютъ книгу; а намъ было бы очень непріятно, естъли бы то же случилось съ нашимъ сочиненіемъ, на которое мы употребили времени болѣе, нежели читатель пошеряетъ пробѣжать оное.

Философы опмѣнно любятъ *отдѣленія*: хотимъ по крайней мѣрѣ въ семъ слѣдовать имъ. И такъ раздѣляемъ нашу матерію на двѣ части и покажемъ, что война полезна, во первыхъ для воюющихъ, во вторыхъ для невоюющихъ, по еспытѣхъ, которые остаются дома. Последнее, какъ думаемъ, надлежащимъ образомъ будещь доказано въ слѣдующемъ отдѣленіи.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.*)

II.

*Письмо отъ Генерала Моро къ его
брату, Трибуну въ Парижѣ.*

Барезъ, 6 Юля.

Нарочной курьеръ привезъ мнѣ позволеніе провести здѣсь нѣсколько дней съ моею семействомъ. Изъ числа провожавшихъ меня Офицеровъ остался при мнѣ одинъ только Рамель, которой во все время ~~оказывалъ~~ мнѣ отличное уваженіе, и коимъ не разстанемся со мною до самой пристани, гдѣ долженъ я сѣсть на корабль. Какія мысли, какія напомниманія представились мнѣ, когда я переѣзжалъ прекрасныя области для того, чтобы оснать ихъ навсегда, чтобы никогда уже въ нихъ не возвращаться! Кажется, будто нарочно везли меня черезъ все пространство Франціи для умноженія моей горести. Умирь печаль твою, любезный другъ, и надѣйся, что семейственные удовольствія вознаградятъ меня за претерпѣнныя злоключенія. Дорого споюшъ мнѣ сіи удовольствія; великія пожертвованія сдѣлалъ я для сбереженія ихъ; за то хочу исключительно заняшъся одними ими. Знаю, что современники обвиняютъ меня въ маадушїи и нерѣшимости; обвиняютъ

въ шомъ, что побоялся смерти, что
 почти просилъ помилованія у Бонапарте;
 но потомъ шво, можешъ бышь, будетъ
 справедливѣе: оно представитъ себѣ, сколь
 ужасна такая смерть для человека,
 отличившагося военными подвигами и
 привыкшаго презирать однѣ опасности
 сраженій. Признаюсь себѣ, что мысль по-
 слѣ продолжительнаго смертельнаго муче-
 нія идти на эшафотъ поразила меня ужа-
 сомъ. Я не приготовилъ себя къ поносной
 казни увѣренностію въ такомъ мнѣніи;
 которое поселяетъ къ ней равнодушіе;
 давно уже отказался искать средствъ къ
 освобожденію моего отечества; думалъ,
 что оно имѣетъ теперь болѣе нужды въ
 покоѣ, нежели въ свободѣ; хотя никогда
 не одобрялъ способовъ, доставившихъ ему
 сіе спокойствіе, но не считалъ себя
 обязаннымъ стараться о введеніи новыхъ
 переменъ. Я заплатилъ долгъ мой отече-
 ству; оставалось моимъ согражданамъ
 заплатить мнѣ то, чего имѣю право
 отъ нихъ требовать. Я совершилъ свое
 дѣло: они должны были начать свое.
 Если они безъ сопротивленія допустили
 утвержденіе власти деспотической; если
 сами способствовали усиленію ей;
 если явились себя подлыми, безпечными,
 изнеможенными; то по чему непременно

мнѣ должно было возложить на себя обязанность стараться о перемѣнѣ образа правленія — мнѣ, не привыкшему къ несогласіямъ междоусобнымъ — мнѣ, имѣющему едва примѣтное вліяніе на дѣла политическія?

Будучи одаренъ отъ Природы такимъ честолюбіемъ, которое дѣйствуетъ при обстоятельствахъ щастливыхъ, но не отваживается произвести ихъ; не будучи упоенъ высокимъ мнѣніемъ о должностяхъ моихъ къ опечесиву, симъ мнѣніемъ, которое возпламеняетъ воображеніе и заставляетъ подвергаться всѣмъ опасностямъ, я ничего не находилъ въ душѣ и сердцѣ моемъ такого, что вознаградило бы меня за пожертвованія и поселило бы во мнѣ равнодушіе къ ужасамъ поносной казни.

Скажушъ мнѣ: „слава моя требовала, чтобы я перенесъ смерть, для меня почтенную, для опечества полезную.“ Вотъ отвѣтъ: я всегда имѣлъ въ виду одну славу воинскую, былъ доволенъ ея ласковою улыбкою и не плѣнялся дарованіями и успѣхами на другихъ поприщахъ. Несправедливо было бы требовать отъ насъ, чтобы, для поддержанія добраго имени своего, мы вмѣшивались во внутреннія разпоряженія Государства прославленнаго, разширеннаго нашими побѣдами. Тотъ

весьма не дальновиденъ, кпо желаетъ честолубія, во всѣхъ отношеніяхъ неограниченнаго, такому человѣку, кошорой пріобрѣлъ уже славу воинскую. Горс страннѣ, имѣ управляемой!

Тебѣ еще не извѣстно, что, оставляя Парижъ, я видѣлся съ Гм. Бонапарте. Въ ту самую минуу, когда я сядился въ коляску, мнѣ сказали, что онѣ велѣлъ вести меня къ нему. Онѣ принялъ меня съ такимъ снизхожденіемъ, кошорое не прилично новому его достоинству. Когда ввели меня въ его кабинетъ, гдѣ находилсѣ и Лудовикъ, братъ его, онѣ подошелъ ко мнѣ, и сдѣлавъ легкую уклонку, сказалъ: „Генераль Моро! я хошѣлъ съ вами видѣться нарочно для того, чтобы узнать, шашъ отъ васъ самихъ, не имѣете ли нужды сдѣлать какія нибудь разпоряженія, прежде нежели оставите Францію? не имѣете ли какой нибудь прозьбы до меня? Вы безъ труда повѣрите, что сердце мое шерзалось, видя васъ въ такомъ положеніи, кошораго виною было собственное ваше неблагоразуміе, и къ кошорому я долженъ былъ привести васъ, чтобы не нарушить строгихъ законовъ правосудія. Но перестанемъ упоминашь о сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Я призналъ необходимымъ приступишь къ ша-

кимъ мѣрамъ для того единственно, чтобы впредь не имѣть болѣе въ нихъ нужды: ибо дѣло шло о сохраненіи моей жизни, которую я посвятилъ благу Франціи, и которая еще нужна для ея спокойствія. Я многихъ прощаль; теперь время кротости уже миновалось. Генераль Моро! вы любите свободу и независимость; посылая васъ въ Соединенныя Области, не могу думать, чтобы я сдѣлалъ для васъ выборъ непріятный.“

„Тамъ увидите народъ новый, не развратившійся, подобно націямъ, населяющимъ старый мѣръ нашъ. Часто я завидовалъ судьбѣ Вашингтона, не столько блестящей, сколько полезной; судьбѣ, показавшей свѣту любовь его къ отечеству вмѣстѣ съ талантами военными и гражданскими. Но подобной роли не можно было играть во Франціи, гдѣ партіи были слишкомъ сильны, слишкомъ безпокойны. Надлежало удерживать оныя рукою желѣзною, чтобы не быть увлеченнымъ ихъ стремленіемъ. Знаю, что это прошивно вольности, что встрѣчаются обстоятельства, гдѣ надобно употреблять самовластіе, что не рѣдко должно нарушать самые законы; но ко всему этому приводятъ насъ болѣе случаи, нежели честолюбіе. Ахъ, Генераль Моро!

я не выбиралъ для себя роли; неизбежной рокъ вовлекъ меня въ сей лабиринтъ, заградилъ всѣ пути къ выходу изъ него, и требуетъ непременно, чтобы я изощралъ силы свои для удержанія себя на блестящей своей степенѣ. Находясь въ столь трудномъ положеніи, принуждены бываемъ многое дѣлать противъ своей воли. Вы видите во мнѣ избалованное дитя Фортуны; но дорого стоить мнѣ ея благосклонность. Генераль Моро! я сплю не на розахъ.“

Сія несвязная рѣчь изумила меня и привела въ смятеніе. Я лишь только хотѣлъ было ошвѣчать, какъ пришли доложить о курьерѣ, прѣхавшемъ изъ Россіи. Бонапарте не скрылъ своего беззастѣнчиваго. „Генераль Моро!“ онъ сказалъ мнѣ, выходя съ поспѣшностію: „объявите брату моему Лудовику ваши нужды; онъ донесетъ мнѣ о нихъ.“ Прозьба моя состояла въ томъ, чтобы позволено было мнѣ отдохнуть нѣсколько времени въ Баррежѣ. Милость сія теперь доставила мнѣ удовольствіе писать къ тебѣ. Проспи.

(Изъ Лондон. Кур.)

III.

*Извѣстія и Замѣчанія.**П а р и ж ъ.*

До сихъ поръ во Франціи неупомимо занимались приготовленіями къ высадкѣ; теперъ другія приготовленія заступили мѣсто первыхъ. Папа, въ сопровожденіи многихъ Кардиналовъ, Патріарховъ, Епископовъ, Прелатовъ и большей части Двора своего, со всею пышностію, приличною сану его, 26го Сентября предпринимаетъ путешествіе въ Парижъ для совершенія коронаванія новаго, такъ называемаго, Императора Французовъ, и будетъ имѣть пребываніе свое въ Дворцѣ Тюльерійскомъ. Французское Правительство беретъ на свой щетъ пушевыя издержки. Сперва встрѣчались многія трудности, склонивъ святаго Отца на посѣщеніе Бонапарте въ Парижъ; но надлежало согласиться. Обстоятельства перемѣнились. Было время, когда Римскіе Понтифексы предписывали Императорамъ и Королямъ являться въ древнюю столицу міра для опданія опчета въ ихъ поведеніи, угрожая оплученіемъ опъ Церкви и проклятіемъ; теперъ граждань - Консуль посылаетъ приказы преемнику Св. Петра.

Бонапарте въ теченіи тридцати дней намѣренъ объѣздить четыре Рейнскіе Департаменты до береговъ Швейцаріи, потомъ черезъ Бриссель и Антверпенъ возвратиться въ Оспенду, и по обозрѣніи всей береговой арміи отправиться въ Парижъ для коронованія. Между тѣмъ носятся слухи, что Англичане хотѣли предпринять вдругъ четыре экспедиціи противъ Франціи и Голландіи. Вопреки тѣмъ, которыми кажутся сомнительными сіи извѣстія, можно скорѣе ожидать отъ Англичанъ нападенія на берега непріятельскіе, нежели отъ Французовъ, которые во всю нынѣшнюю войну сражались только угрозами, и конечно имѣли причины не начинать предполагаемой высадки, между тѣмъ какъ Англичане безпрестанно бомбардируютъ приморскія крѣпости.

Прежде писали въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ, что изгнанный Генераль Моростанется жить на Островѣ Миноркѣ, лежащемъ на Средиземномъ морѣ; нынѣ уже извѣстно, что онъ прибылъ въ Кадиксъ, принявъ тамъ съ знаками отличнаго уваженія, и послѣ разрѣшенія отъ бремени его супруги долженъ будетъ немедленно отправиться въ Сѣверную Америку.

Заклучимъ Парижскія извѣстія увѣдомленіемъ нашихъ читательницъ, что Россійскій и Шведскій Повѣренныя въ дѣлахъ при Французскомъ правительствѣ, получили отъ Дворовъ своихъ повелѣнія выѣхать изъ Франціи.

Л о н д о н ъ.

Не смотря на то, что Бонапарте по видимому нынѣ болѣе думаетъ о пышности и блескѣ, нежели о военныхъ дѣйствіяхъ, Англійское Правительство всякую минушу ожидаетъ непріятеля на берега свои, то есть всегда готово встрѣтить его. Войска, стоящія въ Кенпской провинціи, получили повелѣніе быть въ готовности днемъ и ночью. Число кораблей въ Дюнахъ умножается ежедневно. Сдѣланы нужныя приготовленія для зашпленія низкихъ мѣстъ при рѣкѣ Леѣ, въ случаѣ непріятельскаго нашествія.

Пишутъ изъ Новаго — Йорка: „Смерть Генерала Гамильтона, убишаго, какъ извѣстно на поединкѣ Полковникомъ Бурромъ, есть не только сама по себѣ важная потеря для Соединенныхъ Областей, но сверхъ того влечетъ за собою слѣдствія, пагубныя для нравовъ. Поединки слишкомъ уже были обыкновенны въ такой землѣ, гдѣ мнѣнія столь различны, гдѣ не вмѣ-

няется въ стыдѣ напивашься до потерянїя разсудка три или чешыре раза въ недѣлю. Но при всемъ томъ, сіе безумное обыкновеніе по крайней мѣрѣ было удерживаемо стариннымъ закономъ, запрещающимъ оное, и уваженіемъ причинъ въ разсужденїи возраста и семейственныхъ обстоятельствъ одного изъ противниковъ. Теперь и сіе послѣднее обузданіе разшоргнуто несчастнымъ поединкомъ Генерала Гамильтона съ Полковникомъ Бурромъ. Нарушеніе законовъ такими людьми, которые по званію своему должны ствовали бытъ ихъ защитниками, можетъ быть для другихъ примѣромъ. Оба противника имѣли отъ роду болѣе нежели по пятидесяти лѣтъ; оба были опцы семействъ. И такъ генералъ иѣтъ средства отказать отъ вызова спрѣляшья съ первымъ голововорѣзомъ, которому вздумается предложить псединокъ.“ Обыкновеніе, достойное зреленъ варварскихъ, было виною, что Соединенныя Области лишились славнаго Генерала, достойнаго друга и сотрудника Вашингтона. Въ день его погребенїя, по повелѣнїю правительства, остановлено было теченіе дѣлъ въ Судилицахъ. Достойно примѣчанїя, что, за два года прежде, сынъ Гамильтона на томъ же самомъ мѣстѣ былъ убитъ на поединкѣ.

И т а л і я.

Нѣкто Беранжеръ, родомъ Французъ, живущій во Флоренціи, писалъ къ другому Французу въ Ливорну, что Бонапарте объявилъ войну Швеціи, Пруссіи и еще одной Сѣверной Державѣ. Сей немедленно сообщилъ новую вѣсть начальствующему надъ войсками въ Ливорнѣ Французскому Генералу, который *разсудилъ за благо* наложить арестъ на суда упомянутыхъ націй, стоящія въ Ливорнской пристани. Дворъ Флорентинской не одобрилъ такого поспѣшнаго поступка, и прислалъ повелѣніе освободить заарестованные корабли, а Беранжера, какъ виновника сего происшествія, приказалъ взять подъ стражу. Любопытно знать, какое Генералъ имѣлъ право, по увѣдомленію частнаго человѣка, въ чужой землѣ приспупать къ такимъ строгимъ мѣрамъ, оскорбительнымъ для націй? Кажется, не надлежало бы забывать, что онъ имѣетъ дѣло не съ Нѣмецкимъ Княземъ, которой, самъ будучи обиженнымъ, готовъ у Бонапарте просить извиненія.

Въ Сполешто и другихъ мѣстахъ Италіи чувствованы были частыя землетрясенія, которыя однакожъ не сдѣлали большаго вреда по причинѣ сильнаго изверженія Везувія. Сія огнедышущая гора

въ продолженіи многихъ дней сряду выбрасывала пламя и излила большіе потоки лавы; но жители почти ничего не претерпѣли при семъ обстоятельстве, которое съ одной стороны весьма спасительно, предошвращая землетрясенія, съ другой грозно своими опустошеніями.

Чишатели не забыли еще о Графѣ Замбескари, несчастномъ воздухоплавателѣ, которой въ прошломъ году чудеснымъ образомъ спасъ жизнь свою. Опшважныхъ Богъ бережетъ. Замбескари, вмѣстѣ съ Г. Андреоли, опять предпринималъ въ Болоніи воздушное путешествіе, и опять столь же неудачно, какъ и прежде. На воздухъ загорѣлся въ лодкѣ спршъ; Замбескари пошчасъ спустился внизъ, чтобы сойти на землю; но въ то самое время, какъ Г. Андреоли спрыгнулъ съ лодки, шаръ спремительно поднялся вверхъ, а съ нимъ и Г. Замбескари противъ воли отправился въ страны заоблачныя. Судьбѣ угодно было опять спасти Графа, которой по долгомъ плаваніи сощель на землю у береговъ Адриатическаго моря, между Комашіо и Римини, а шаръ его опять поднялся и взялъ направленіе къ Турецціи. Замбескари былъ довольно награжденъ за претерпѣнныя опасности. Онъ имѣлъ торжественной вѣздъ въ Болонію при

стеченіи 20000 зрителей; Андреоли
однакожъ не согласился сидѣть съ нимъ
въ колесницѣ.

Т у р е ц ѣ я.

Порта не даетъ удовлетворительнаго
отвѣта на ноту Генерала Брюна. Она
обнаружила желаніе знать, признаютъ ли
Россія и Англія Бонапарте въ новомъ его
достоинствѣ, и потомъ объявитъ уже
свое мнѣніе. — Между тѣмъ изъ провин-
цій со всѣхъ сторонъ получаютъ непріят-
ныя извѣстія. Вехабысы спокойно владѣ-
ютъ Меккою и Мединою. По письмамъ
изъ Алеппо видно, что изгнаніе Магоме-
та Паши имѣетъ слѣдствіемъ великія
нещасія, и что вся сія страна разди-
рается ужасами совершенной Анархіи.
Извѣстія Египетскія не менѣе прискорб-
ны. Мамелюки, подъ начальствомъ Осма-
на - Бея, при раза уже одерживали побѣду
надъ Арнаушами и угрожаютъ прибли-
женіемъ къ Каиру. Предводитель Серб-
скихъ инсургентовъ, Георгъ Черный, взялъ
приступомъ Семендрію и получилъ бога-
тую добычу. Одно только Турецкое Пра-
вительство можетъ смотрѣть съ бездеч-
ностію на разстроившуюся машину госу-
дарственную.

Между шѣмъ, какъ въ Европѣ поднимается новая буря, сыны Россіи намѣрены ознаменоватъ вѣкъ щасливаго Царствованія АЛЕКСАНДРА I, вѣкъ своего блаженства такимъ дѣяніемъ, которое можетъ занять мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ. Съ нѣкотораго времени Патриоты трудятся надъ сооруженіемъ памятника двумъ Героямъ, украшающимъ нашу Исторію: Минину и Пожарскому. Скоро Москва увидитъ въ стѣнахъ своихъ изваяніе виновниковъ ея величія и нынѣшняго состоянія Имперіи. Президентъ Академіи Художествъ, Графъ Александръ Сергеевичъ Строгововъ, имѣлъ щастіе представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ сдѣланную рукою искуснаго Художника, Адъюнкта - Ректора Ивана Петровича Мартоса, модель, которая и удостоена Высочайшаго одобренія. Любители изящныхъ Художествъ и знатоки восхищались опдѣлкою сей модели. Памятникъ вышиною долженъ превосходить Геркулеса Фарнезскаго; на двухъ сторонахъ базы изображены будутъ подвиги Героевъ, на другихъ двухъ Историческія надписи. Сооруженіе монумента должно стоить 150000 рублей.

(Изъ *Arch. Lit.* и сообщено отъ *Изд. Тверд. Духа нѣкот. Россіянь.*)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ 1804.

№ 19.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Краткое начертаніе Сибирской
Исторіи (*).*

Исторія открытія и завоеванія Сибири Рускими представляетъ разительное сходство съ покореніемъ Америки Испанцами, случившіяся почти въ одну эпоху. Въ ней содержатся дѣянія, по видимому невозможныя, исполненныя горстью людей,

---

(*) Сія піеса сочинена Г. Шлецеромъ, Профессоромъ Московскаго Университета; мы перевели ее изъ одного Французскаго Журнала. Иностранцы съ удовольствіемъ читаютъ все, что относится къ нашей Исторіи. Имъ бы причины надѣяться, что Читателямъ *Вѣстника* не неприяшно будетъ взглянуть на нашу Бразилію. *Изд.*
№ 19. 1

которыя всѣми своими успѣхами обязаны одной опвагѣ. Сія обширная страна, не смотря на суровость климата, подѣ вла- дѣніемъ Россіянъ немедленно преврати- лась въ землю плодосную, удобную для жительства: гдѣ прежде были простран- ные лѣса, обитаемые дикими, тамъ въ короткое время явились обработанныя по- ля и построены города многолюдные. Начало Исторіи Сибири не представляетъ ничего достовѣрнаго; не извѣстно даже баснословіе оной. Греки и Римляне не знали ничего о сей странѣ неизмѣримой; Свѣшъ обратилъ на нее свое вниманіе уже во времена славнаго Чингисъ - Хана, ко- торой покорилъ подѣ власпъ свою народы и области, составившія попомъ Сибири: Страны, лежащія между Байкаломъ, верхнимъ Енисеемъ и Каспійскимъ моремъ, долго не могли забыть еіо завоеваній и опустошеній; многочисленные курганы, или Татарскія могилы означаютъ путь, по которому проходилъ сей бичъ Азіи. Сыновья Чингисъ - Хановы раздѣлили об- ширныя завоеванія опца своего; распріи ихъ совсѣмъ не занимательны. Они по- переменно были изгоняемы похищате- лями изъ своихъ областей, и въ свою очередь изгоняли ихъ самыхъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Махмушъ, на берегу Ир-

тыша построилъ городъ Искеръ, извѣстный у Россіянъ подъ названіемъ Сибири. Едигеръ, внукъ Магмушовъ, уже платилъ дань Россіи; онъ былъ сверженъ Кучум-Ханомъ, попомкомъ Чингисъ-Хана; все семейство его было умерщвлено, кромѣ Сейджака, которой, убѣжавъ въ Бухарію, старался вернуть себѣ потерянные области.

Въ царствованіе Кучум-Хана Россіяне начали короче знакомиться съ Сибирью. Земли, лежащія между Уральскими горами и Бѣлымъ моремъ, уже находились въ ихъ власти; бывъ побуждены извѣстіями Самоѣдовъ и Зырянъ о странахъ Зауральскихъ, они отправились въ оныя, надѣясь получить въ добычу великія богатства. Рускіе обратились цѣлыми толпами къ новымъ областямъ. Въ царствованіе Великаго Князя Іоанна Васильевича Россійское войско двинулось отъ береговъ Вологды и переправилось черезъ Уральскія горы, до тѣхъ поръ считаемыя неприступными. Походъ сей состоялъ въ набѣгахъ на Остяковъ, Самоѣдовъ и Вогуличей; войско возвратилось съ богатою добычею изъ мѣховъ. Скоро опять забыли о Сибири и занялись покореніемъ Капчака. Царю Іоанну Васильевичу, котораго правленіе столь досто-

памятно для Россіи, судьбою предоставлено было открыть и завоевать сіи важныя провинціи.

Одинъ богатой человекъ, именемъ Аника Спрогоновъ, въ то время жилъ въ Соль — Вычегодскѣ, при устьѣ рѣки Вычегды, впадающей въ Двину. Онъ происходилъ отъ племени Татарскаго, давно уже поселившагося въ Россіи. Дѣдъ его Мирза (Князь Татарскій) пришелъ въ Россію въ царствованіе Великаго Князя Димитрія Донскаго, и прославился, какъ говорятъ, введеніемъ въ употребленіе щетковъ, извѣстныхъ между Татарами со времени весьма давняго. Богатство Аники состояло въ соляныхъ рудникахъ, находившихся въ окрестностяхъ Вычегды, которыми Цари пожаловали его старшихъ братьевъ, и которые послѣ ихъ смерти достались Аникѣ. Кромѣ того, онъ велъ торги мѣхами съ сосѣдственными народами; что подавало ему частые случаи видѣть людей, которыхъ языкъ, одежда и нравы были вовсе неизвѣстны. Сіе обстоятельство поселило въ немъ желаніе узнать мѣста, лежащія на другой сторонѣ горъ Уральскихъ. Онъ свелъ знакомство со многими изъ упомянутыхъ людей и подъ ихъ руководствомъ пере-

правиль черезъ горы нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ. Многіе родственники Аники, ободренные удачными успѣхами въ семъ предпріятіи, на другой годъ отважились перейти черезъ горы, взявъ съ собою большое число спутниковъ. Они дошли до рѣки Оби и возвратились съ богатымъ грузомъ, состоявшимъ изъ мягкой рухляди. Взаимное сообщеніе спановилось день ото дня дѣятельнѣе. Аника знатно увеличилъ свой досташокъ: купивъ земли и людей, онъ занялся украшеніемъ деревень и береговъ Вичегды. Скоро потомъ онъ отправился въ Москву для донесенія Царю о своихъ открытіяхъ. Въ награду за дѣятельность и усердіе пожалована ему Пермь въ полное владѣніе. Страна отъ Соликамска до Чусовой была населена весьма мало; онъ получилъ позволеніе основать на ней жилище и пользоваться всѣми произведеніями тамошняго края. Соликамскъ въ то время еще не былъ построенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ родственники его пріобрѣли равное право на земли, лежащія при берегахъ Чусовой и Тобола, и умѣли найти въ нихъ великія для себя выгоды. Разсуждающій читатель видитъ съ удовольствіемъ, какъ сія страна, дикая и безплодная, доставшись въ творческія руки

Строгоновыхъ, превращается въ край обитаемый и цвѣтущій. Сіи распоряженія предспавляютъ Царя Іоанна Васильевича совершенно въ другомъ видѣ, нежели Его подвиги военные, которые показывають въ Немъ только завоевателя; но труды мирные свидѣтельствуютъ, что Онъ былъ достойный Предшественникъ ПЕТРА Великаго, занимавшійся не только покореніемъ Провинцій, но создавшій, такъ сказать, новыя мудрыми своими узаконеніями. Поселеніе Аники соспавило маленькую вольную область, которая зависѣла только отъ Россіи; внутреннее управленіе предспавлено было на его волю. Она могла содержать небольшое войско и принимать всякія мѣры къ своему защищенію; но была также обязана покровительствовать платящихъ дань Россіи Вогуличей отъ набѣговъ Татарскихъ, и искашь случая сдѣлать покушеніе на владѣнія Татаръ Иршышскихъ. Успѣхъ сего предпріятія былъ крайне сомнительенъ. Казалось, еще долго надобно было ожидать, чшобы произвести оное въ дѣйство. Нечаянной случай далъ сему дѣлу совсѣмъ другой оборотъ.

По завоеваніи царства Капчакскаго, Россія граничила съ Каспійскимъ моремъ и имѣла сношенія съ Персіею. Богатые

купеческіе караваны, отправлявшіеся изъ одного Государства въ другое, возбудили жадность въ Донскихъ Козакахъ. Саяны Царскія посольства не были безопасны отъ ихъ хищничества. Кому извѣстна древняя Исторія сего достойнаго примѣчанія народа, тотъ не удивится духу своевольства и необузданности, господствовавшему между ними. Козаки произхожденіемъ своимъ обязаны смутнымъ временамъ Татарскаго владычества. Великое множество Рускихъ, лишенныхъ достоинства и имѣній своихъ пришедшими отъ дальнихъ странъ завоевателями, рѣшились спасшись бѣгствомъ и удалившись на берега, почти необитаемые, Днѣпра и Дона. Они составили общество, подъ именемъ Козаковъ, и скоро храбростію своею сдѣлались свѣту извѣстными и сирашными. Въ характерѣ ихъ видно было чудесное соединеніе великодушія, мужества и любви къ грабительству; въ чемъ они совершенно уподоблялись Нѣмецкимъ Рыцарямъ временъ феодальныхъ, или нынѣшнимъ Бедуинскимъ Арабамъ. Законъ чести былъ единственнымъ закономъ, къ которому Козаки покорялись. Все бытіе ихъ зависѣло отъ войны, Труды и опасности не были для нихъ страшны: они болѣе всего боялись работы

единообразной и продолжительной, и потому немногіе занимались земледельством; жившіе у береговъ рѣкъ упражнялись въ рыбной ловлѣ, но всѣ вообще преданы были грабительству. Козаки Донскіе особливо сдѣлались ужасными. Страны, омываемыя Волгою, безпреспанно были подвержены ихъ набѣгамъ. Необузданная вольность ихъ не могла нравиться Царю Іоанну Васильевичу, который любилъ строгой порядокъ и хотѣлъ завести оной въ своемъ Царствѣ. Монархъ, разгнѣванный неповиновеніемъ Козаковъ, послалъ противъ нихъ многочисленное войско (въ 1573 и 1574 годахъ). Часть ихъ была побита, другая разсѣяна, а прочіе взяты и переселены въ разныя мѣста. Около шести тысячъ ушли къ сторонѣ рѣки Камы и искали въ пустыняхъ утѣхища отъ гнѣва Царскаго.

Ашаманъ или начальникъ сихъ Козаковъ былъ Ермакъ Тимофеевъ. Сему отважному Герою представлено было судьбою произвести въ дѣйство намѣренія Царя Іоанна Васильевича, который Онъ давно имѣлъ въ разсужденіи Сибири. Ермакъ, спасаясь бѣгствомъ съ своею дружиною, случайно пришелъ въ Орелъ — городокъ, небольшое мѣстечко, недавно построенное во владѣніи Строгоновыхъ.

Внукъ славнаго Аники, Максимъ Строгоновъ, управлялъ онымъ. Сей, боясь бышь ограбленнымъ, благосклонно принялъ Атамана и снабдилъ войско его всѣми поипребносшями. Ермакъ спокойно провелъ у него всю зиму и часть лѣта. Онъ воспользовался симъ временемъ для развѣдыванія ошъ сосѣднихъ народовъ о Сибири. Узнавъ, что не трудно обратиться въ нее посредствомъ рѣки Чусовой, и что сія земля изобилуетъ великими богатствами, ему захотѣлось испытать свое щастіе. Чіобы ни случилось, онъ могъ выиграть много и не потерять ничего. Въ самомъ дѣлѣ, естли бы онъ остался долѣе на землѣ Руской, ему надлежало бы опасаться впасшъ въ руки раздраженнаго Монарха: тогда неминуемая смерть постигла бы его и товарищей. Напротивъ, Сибирь представляла ему славныя биввы, потомъ успѣхъ, богатства, почести, изобиліе.

При концѣ лѣта (1578), Ермакъ, снабженный всѣми нужнымъ ошъ Строгонова, сѣлъ на суда и пустился по Чусовой въ Сибирь. Не зная мѣстоположенія, онъ ошибся въ дорогѣ и вышелъ въ Сылву, впадающую въ Каму. Наступала зима: Ермакъ, увидѣвъ свою ошибку, долженъ былъ основаться. Онъ рѣшился проеспи зиму на томъ же мѣстѣ, выбралъ

удобное положеніе земли, укрѣпилъ его рвами и окопами. Мѣсто сіе и нынѣ называется Ермаково городище, въ честь своего основателя. Чтобы не оставался зыбою въ совершенной праздности, онъ высылалъ противъ Вогуличей, своихъ сосѣдовъ, отряды войскъ, которые возвращались съ богатую добычею. Впрочемъ онъ содержалъ подчиненныхъ въ строгомъ военномъ порядкѣ; бѣглецовъ и преступниковъ наказывалъ смертію, а своевольство удерживалъ меньшими наказаніями. Для отправленія Божіей службы, съ помощію нѣкоторыхъ бѣглыхъ монаховъ построена была часовня. Всѣ сіи поступки достойны замѣчанія: они даютъ понятіе о первобытномъ характерѣ Козаковъ. Благочестіе и теперь еще кажется однимъ изъ отличительныхъ свойствъ ихъ.

По началіи весны, Ермакъ съ большею частію своего войска отправился въ предназначенный походъ. Около тысячи человекъ товарищей по его согласію остались на прежнемъ мѣстѣ и основали первое Россійское поселеніе въ сихъ странахъ дикихъ. Между тѣмъ Ермакъ скоро увидѣлъ невозможность идти далѣе, не запасшись военными потребностями и съѣсными припасами; онъ рѣшился опустить и возвратиться къ Строгонову,

котораго угрозами заставилъ обѣщать себѣ оружіе, порохъ и пищу. Строгоновъ далъ ему множество военнаго припаса и вообще всего принадлежащаго до вооруженія войска; изъ чего должно заключить, въ какомъ цвѣтущемъ соспояніи находилась его область. Ермакъ обѣщалъ Строгонову значную часть добычи, если удастся ему щастливо исполнить свое предприятие.

Козаки, идучи сражаться съ идолопоклонниками и невѣрными, не забыли взять съ собою знаменъ освященныхъ. Такимъ образомъ запасшись всѣмъ нужнымъ, Ермакъ отправился въ дорогу, нагрузивъ барки съѣспными припасами, которыхъ часть за излишествомъ долженъ былъ оставить на мѣстѣ. Козаки вышли изъ области Строгонова въ половинѣ Іюня мѣсяца. Ермакъ взялъ съ собою въ провожаые Зырянъ, чшобы въ другой разъ не сбихся съ дороги. Походъ предпринятъ въ наилучшемъ устройствѣ. Войско раздѣлено было по обыкновенію Европейскому на большіе и малые отряды, что ста человекъ до тысячь. Ермакъ имѣлъ подъ собою многихъ другихъ начальниковъ и содержалъ подчиненныхъ въ самомъ строгомъ порядкѣ воинскомъ. По сдѣланному заблаговременно плану,

Ермакъ всегда слѣдовалъ за теченіемъ рѣкъ. Донскіе Козаки, привыкшіе съ младенчества плавать и грести, находились тогда въ своей природной стихіи. Я не замѣнилъ, чтобы хоть одинъ Историкъ завоеванія Сибири упоминалъ о семъ важномъ обстоятельстве, которое однакожь заслуживаетъ вниманіе. Покореніе Сибири горстью людей, не смотря на выгоды ихъ оружія и Европейской Тактики, во всякое время было бы дѣломъ невозможнымъ, если бы рѣки не сблгчали сообщенія на такомъ великомъ пространствѣ, и если бы Донскіе Козаки не имѣли щастливаго дарованія путешествовать, жить и сражаться на водѣ съ такою же удобностію, какъ на сушѣ. Безъ того какимъ образомъ они могли бы перевозить множество запасовъ, необходимыхъ въ пустыняхъ Уральскихъ?

Еще много трудностей имъ надлежало перенести. Часто мѣлкая вода въ рѣкахъ останавливала ихъ шествіе; для отвращенія сего неудобства, они ставили суда поперекъ рѣки отъ одного берега до другаго, и такимъ образомъ, сдѣлавъ нѣкотораго рода плотину, накопляли воду. Преодолевъ такія препятствія, они прибыли къ устью нижней Улки, рѣчки

довольно широкой, впадающей въ Чусовую. Ермакъ полагалъ, что ему не великое разстояніе надлежало перейти для достиженія къ какой нибудь рѣкѣ, соединяющейся съ Тоболомъ; но обманулся въ своей надеждѣ. Онъ встрѣтилъ опять множество запрудненій и увидѣлъ себя принужденнымъ войти въ другую рѣку, впадающую въ Чусовую, и названную Серебрянкою, по прозрачности водъ ея. Между тѣмъ наступила зима; надобно было забойшися о спанѣ. И въ сію зиму, равнымъ образомъ, какъ въ прошедшую, дѣлаемы были набѣги на близъ лежащія многолюдныя селенія Вогуличей. Отряды, копорыя отправляемы были для сихъ набѣговъ, обыкновенно возвращались съ добычею, состоявшею изъ мяса, сушеной рыбы и другихъ припасовъ; въ кошорыхъ оказывался недостатокъ въ войскѣ. Козаки не знали мѣры въ хищничествѣ, отнимали все у Вогуличей, которые имъ попадались. Многие изъ сихъ несчастныхъ скрывались по лѣсамъ безъ пристанища и погибали отъ спужи и голода. Прочіе, подъ предводительствомъ одного Ташарскаго Мирзы, или Князя, соединясь, напали на отрядъ Козаковъ, отдалившихся отъ Ермакова стана, и почти всѣхъ умертвили. Войско Ерма-

ково отъ холода, недостатка и сраженій уменьшилось до тысячи шести сотъ чело-вѣкъ; и съ симъ малымъ числомъ людей Руской Пѣзаррь, при наступленіи весны, отправился въ дальнѣйшій походъ. Оставивъ Серебрянку, ему надлежало идти сухимъ путемъ около десяти верстъ до ближней рѣки Баранчи, кото-рая имѣла сообщеніе съ Тагиломъ. Въ семъ трудномъ положеніи, онъ сперва выдумалъ - было планъ, напоминающій обыкновеніе Норманновъ, которое имѣли они при случаѣ военныхъ походовъ: онъ пытался перешагнуть легкіе барки, но непреодолимое неудобство возпрепятство-вало исполнить сіе намереніе. Онъ уви-дѣлъ себя принужденнымъ оставить оныя, и построилъ другія на берегу Баранчи. Сіе обстоятельство задержало его многія недѣли. Наконецъ, не встрѣчая уже ни-какихъ трудностей, онъ доплылъ рѣкою Тагилемъ до Туры, къ тому мѣсту, гдѣ стоилъ теперь городъ Туринскъ. Тамъ царствовалъ Епанча, незнаемый владѣ-лецъ Ташарскій, которому В.гуличи пла-тили дань. Онъ хотѣлъ - было съ мало-численнымъ войскомъ остановить успѣхи Ермака; но его оружіе должно было усту-пить дѣйствию губительнаго пороха огне-стрѣльнаго. Ермакъ безъ труда одержалъ

надъ непріятелемъ побѣду и оставленныя жилища. Епанчи предалъ на разхищеніе. Равнымъ образомъ онъ поступилъ съ Ташарскими селеніями, лежащими по берегу Туры, а въ концѣ лѣта пришелъ подъ небольшой Ташарской городъ Дшингиди, называемый нынѣ Тюменемъ, и овладѣлъ имъ безъ сопротивленія. Пріятное мѣстоположеніе, изобиліе въ хлѣбѣ и скотѣ, заставили его провести здѣсь зиму. Онъ отправилъ во всѣ стороны отряды для собранія съ Ташаръ дани съѣстными припасами и мягкой рухлядью. Одинъ изъ сихъ отрядовъ дошелъ до Тарханскаго острога, которой послѣ наименованъ городомъ. Оттуда начинались владѣнія Кучум-Хана; самъ онъ имѣлъ пребываніе въ Сибири, на Иртышѣ. По случаю, въ ту пору находился въ Тарханскомъ острогѣ посланный отъ Хана для собранія податей, платимыхъ соседственными народами. Ермакъ взялъ его подъ спражу; но поступалъ съ нимъ благосклонно и всячески старался скрывать отъ него свои непріятельскіе умыслы. Чтобы дать ему понятіе о превосходствѣ оружія Европейскаго, онъ приказалъ пятерымъ искуснѣйшимъ изъ своихъ стрѣльцовъ палить изъ ружей. Ташаринъ пораженъ былъ зрѣлищемъ совер-

шенно для него новымъ. Ермакъ, долго державъ его при себѣ, отпустилъ съ богатыми подарками и приказалъ увѣрить Хана, его Государя, въ своей искренней дружбѣ. Ханъ не дался въ обманъ Ермаковой хитрости и притворству. Онъ уже зналъ о набѣгахъ и хищеніяхъ, дѣлаемыхъ Козаками; а когда услышалъ о послѣднихъ произшествіяхъ, то ему не оспалось никакого сомнѣнія въ справедливости своего опасенія. Онъ боялся близкаго нещастія; немедленно послалъ нарочныхъ гонцевъ ко Князьямъ для увѣдомленія ихъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и для убѣжденія принять мѣры къ оборонѣ.

Между тѣмъ, въ 1581 году, Ермакъ достигъ до устья Туры и опять долженъ былъ подвергнуться опасности. Онъ встрѣтилъ отрядъ Ташаръ, предводительствуемый шестью Мирзами; вступилъ съ ними въ сраженіе, продолжительное и сначала необѣщавшее успѣха. Наконецъ побѣда оспалась на стороне Ермака и доставила ему богатую добычу; но потеря его была не маловажна. Изъ тысячи шести сотъ его товарищей осталось только тысяча сто; съ симъ малочисленнымъ войскомъ надлежало совершить главное намѣреніе. Многие подчиненные потеряли бод-

ростъ; Зыряне, ихъ провожатые, объявили имъ, что, слѣдуя за теченіемъ рѣки Тавды, къ которой они приближались, можно опять придти въ Россію. Обстоятельство сіе заставило ихъ думать нѣсколько дней, какія мѣры принять должно. Отважнѣйшіе склонили прочихъ на свое мнѣніе. Положили непременно совершить начатое предпріятіе или умереть со славою, какъ прилично Козакамъ неустрашимымъ.

Между тѣмъ, побѣдоносное войско скорыми шагами приближалось къ Сибири, резиденціи Кучум-Хана, которой не терялъ времени въ праздности. Онъ усиливъ укрѣпленія городскія, заперудилъ валежникомъ берега Иртыша и при устьѣ Тобола поставилъ надежную стражу. Князь Мегемешкуль, Хановъ родственникъ, собралъ войско изъ Татаръ, Остяковъ и Вогуличей, не далеко отъ устья Тавды, при Ташарской деревнѣ, называемой нынѣ Бабусанскія юрты, по имени прежняго владѣтеля Мирзы Бабусана. На семь мѣстѣ произошло сраженіе, къ началу котораго особенное обстоятельство подало поводъ. Одна лодка козацкая, посланная для развѣдыванія, удалась отъ небольшого флота; внезапно столкнувшись съ непріятелемъ, она оборонялась съ храб-

ростію. Прочія суда поспѣшили къ ней на помощь; началось полное сраженіе. 21 й день Іюля и послѣдующіе рѣшили завоеваніе Сибири. Козаки одержали совершенную побѣду. Число убитыхъ на сторонѣ непріятельской было столь велико, что кучи труповъ затрудняли конницу въ ея бѣгствѣ. Не смотря на сію потерю, непріятель принужденъ былъ еще вступить въ дѣло при устьѣ Турбы; онъ щещино старался проивустать Козакамъ, и сіе вторичное нападеніе имѣло слѣдствіемъ новую побѣду. Ермакъ, не видя передъ собою непріятелей, не встрѣчая препятствій, дошелъ до жилища Карачина, одного Тапарскаго Князя, обитавшаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья Тобола въ правой сторонѣ, на берегу озера, которое доннынѣ называется Карачинскимъ, по имени прежняго владѣльца. Здѣсь Козаки нашли множество золота, серебра, жемчугу, дорогихъ камней, хлѣба, скоша и меду. Такая богатая добыча возпламенила ихъ храбрость. Наступило время поста. Ермакъ, слѣдуя внушенію набожности, повелѣлъ войску поститься шесть недѣль, то есть, гораздо долѣе, нежели предписывали правила церковныя; потомъ отправился въ походъ. Онъ нашелъ непріятелей на бе-

регу Иртыша и снова побѣдилъ ихъ. Между тѣмъ частыя сраженія весьмъ уменьшили его войско. Многіе Козакъ начали совѣтоваться между собою, и благоразумнѣе ли было бы отказатьсь отъ богатствъ Сибирскихъ и спокойно возвратиться въ отечество? Духъ унынія едва не овладѣлъ цѣлымъ войскомъ. Ермакъ боялся пагубныхъ слѣдствій онаго; собралъ вокругъ себя товарищей подвиговъ своихъ, и предложилъ имъ подумать о дальнемъ разстояніи, раздѣлявшемъ ихъ отъ отечества; упомянулъ объ опасностяхъ, которыя угрожаютъ имъ въ пустыняхъ неизмѣримыхъ, а особливо о томъ, чего они должны были ожидать отъ Царскаго гнѣва. „Такъ!“ продолжалъ онъ: „теперь намъ не трудно уже совершить наше намѣреніе. Тамъ неизменно вы подвергнетесь смерти постыдной и мучительной; здѣсь мы можемъ еще сомнѣваться въ нашей гибели.“ Сіе послѣднее доказательство убѣдило даже тѣхъ, которые болѣе другихъ поражены были уныніемъ. Страхъ одержалъ верхъ надъ страхомъ. Положено было зимовать на мѣстѣ и весною идти далѣе. Въ продолженіе сей зимы Кучумъ разослалъ отряды во всѣ стороны для недопущенія подвоза съѣстныхъ припасовъ въ станъ Козацкой,

находившійся отъ него въ недалекомъ разстояніи. Наконецъ недостатокъ заставилъ Козаковъ вступитъ въ сраженіе. Ермакъ съ милою своею дружиною вышелъ изъ окоповъ, и восклицая: *съ нами Богъ!* ударилъ на непріятеля. Войско Кучумово и Мегемешкулово мужественно защищалось; но Козаки дѣйствовали огнеспрѣльнымъ оружіемъ и одержали побѣду. Начальники непріятельскіе съ небольшимъ числомъ войска спаслись бѣгствомъ. Сія побѣда стоила Козакамъ весьма дорого; сто семь ихъ поварищей легли на мѣстѣ сраженія. Въ память ихъ и теперь въ Тобольскѣ ежегодно отправляется поминовеніе.

Важны были слѣдствія сей побѣды. Всѣ Остяки, обитавшіе на берегахъ нижняго Иртыша, отложась отъ Кучума, возвратились въ свои жилища. Многіе изъ нихъ передались на сторону побѣдителя и добровольно обязались платитъ ему дань. Ермакъ видѣлъ свободный для себя путь къ Хановой столицѣ, естли можно такъ назвать небольшой укрѣпленной городъ, находившійся на западной сторонѣ Иртыша, около шестнадцати верстъ ниже Тобола. Съ одной стороны города протекала малая рѣчка, которую Рускіе наименовали Сибиркою. Татары

называли городъ сей не Сибирью, но Искеремь. Вообще, весьма вѣроятно, что страны, омываемыя Иртышемъ и Тоболомъ, уже извѣстны были подъ названіемъ Сибири, прежде завоеванія Сѣверной Азіи. Положеніе города Сибири было укрѣплено Натурою; но искусство еще болѣе защищало его, какъ свидѣльствуютъ осипатки рововъ и окоповъ. Возвышенія, видимыя во внутренности города, заспаваютъ думать, что въ немъ находились разныя зданія; но по всѣмъ признакамъ, нынѣ существующимъ, заключить можно, что сей городъ былъ весьма посредственный.

Ермакъ нашелъ его уже пустымъ: ибо Ханъ не разсудилъ за благо защищаться. Завоеваніе Татарскихъ провинцій почти было окончано. Успѣхъ увѣнчалъ смѣлое предпріятіе Козацкаго Атамана, которой изъ начальника шайки разбойниковъ сдѣлался славнымъ владѣльцемъ новаго Государства. Вогуличи и Остяки не переставали оказывать ему свое повиновеніе. Онъ изъ предосторожности не захопѣлъ подчинить ихъ себѣ формальною сдѣлкою. Многіе изъ убѣжавшихъ Татаръ возвратились на прежнія жилища и получили увѣреніе въ го покровительствѣ. Все клонилось къ

спокойствію. Рѣдко доходило до кровавыхъ сшибокъ. Одинъ отрядъ Козаковъ, отважившись зайти далеко, былъ захваченъ Мегметкуломъ и изрубленъ. Ермакъ, увѣдомясь о семъ происшествіи, съ небольшимъ отрядомъ немедленно погнался за Мегметкуломъ и побилъ многихъ изъ его подчиненныхъ. На возвратномъ пути въ станъ, онъ привезъ съ собою тѣла убитыхъ Козаковъ и предалъ ихъ землѣ съ пышными обрядами. И теперь въ Кафедральномъ Тобольскомъ Соборѣ въ память сихъ козаковъ ежегодно отправляется поминовеніе.

Хотя сіе и другія подобныя происшествія не весьма великой уцербъ причинили въ Ермаковомъ войскѣ; однакожь заставили его думать о настоящемъ положеніи. Будучи безпрестанно угрожаемъ частыми нападеніями непріятелей и не имѣя никакихъ способовъ дополнять войско, со дня на день уменьшающееся, Ермакъ видѣлъ совершенную невозможность удержанія свои завоеванія. Онъ захотѣлъ имѣть сообщеніе съ Отечествомъ, и рѣшился отправить въ Москву одного изъ своихъ Офицеровъ, Ивана Кольцова, съ покорною прозьбою къ Царю Іоанну Васильевичу, о принятіи земли Сибирской, покоренной Козаками *Его именемъ*,

равно о пожалованіи Царской милости и прощенія какъ ему, такъ и сподвижникамъ его, въ уваженіе услуги, оказанной ими Отечеству. Чюобы придашь болѣе цѣны и важности сей прозвѣ, Ермакъ присоединилъ къ ней великое количество дорогихъ мѣховъ. Кольцовъ отправился въ Декабрѣ мѣсяцѣ тогожъ года. Онъ ѣхалъ на маленькихъ саняхъ, долгихъ и узкихъ, запряженныхъ оленями, или собаками; сіе обыкновеніе и нынѣ существуетъ въ Сибири. Вогуличи бѣжали передъ нимъ на лыжахъ, для углаженія дороги. Такимъ образомъ ѣдучи, онъ придерживался береговъ Тавды, слѣдуя вверхъ по ея теченію, и переправился черезъ горы въ окрестностяхъ Чердыня.

Въ сію самую эпоху Вогулиги, обитавшіе на берегахъ Пелыма, дѣлали частыя набѣги на колонію Спрогонова при Чусовой, и опустошали оную. Жители сей колоніи, будучи не въ силахъ защищаться, просили пособія отъ близъ лежащаго города Чердыня. Но вмѣсто ожидаемой помощи, имъ сказано было, что Царь весьма разгнѣвался на нихъ, узнавъ объ ихъ поступкѣ въ разсужденіи разбойнической шайки, которой они дали у себя убѣжище, и тѣмъ подали поводъ къ возмущенію Вогуличей. Дворъ находился

въ семь разположеніи, когда Кольцовъ прибылъ въ Москву. Но узнавъ о причинѣ посольства, Царь немедленно перемѣнилъ мысли, принялъ благосклонно Кольцова и повелѣлъ отправить благодарственное молебствіе объ успѣхѣ Россійскаго оружія въ Сибири. Кольцова и его спутниковъ приказано было довольствоваться всѣмъ во время его пребыванія въ Столицѣ. Не нужно сказывать, что Государь безъ труда согласился простить виновныхъ. Кольцовъ передъ отъѣздомъ своимъ получилъ двѣ боатыя конскія збруи, серебряную чашу, шубу, которую носилъ самъ Царь, и штуку сукна; все сіе велѣно отдать Ермаку. При подаркахъ приложена была Царская грамота къ Козачьему Атаману, въ которой Монархъ изъявлялъ сему послѣднему благоволеніе отличнѣйшее, и поручилъ ему управлять Сибирью до тѣхъ порѣ, пока присланъ будетъ новой Начальникъ.

Ермакъ между тѣмъ (1582) не оставался въ праздности. Онъ нашелъ средство нечаянно напасть на Мейменкула и захватить его въ окрестностяхъ Куларскаго озера не далеко отъ Иртыша. Это былъ первый знатный вѣнникъ, которой попался въ его руки. Ермакъ тотчасъ приказалъ отвести его въ городъ

Сибирь, а оттуда отправилъ въ Москву подъ присмотромъ Атамана Ивана Грозы, кешорому поручено было отвезти ко Двору подать.

Мегмешкуль прибылъ въ Москву уже въ царствованіе Θεодора Иоанновича. Онъ принятъ былъ не какъ плѣнникъ, но какъ родственникъ сильнаго Монарха, и поведеніемъ своимъ, въ послѣдствіи времени, доказалъ, что заслуживалъ такое опличіе. Онъ находился во многихъ походахъ противъ Шведовъ и Татаръ Крымскихъ, и сражался съ примѣрною храбростію. Въ Россіи знаютъ его подъ именемъ Сибирскаго Царевича.

Многія побѣды слѣдовали за снѣмъ удачнымъ предпріятіемъ. Татары нижняго Ирпыша были принуждены платить дань. Тогда въ первой разъ отважились напастъ на землю Оспяковъ. Въ слѣдующемъ году старались узнавать страны, омываемыя рѣкою Обью. Между тѣмъ, Князь Иванъ Глуховъ (*) отправленъ

(*) Въ запискахъ, служащихъ къ Сибирской Исторіи, находимъ, что отъ Царя Иоанна Ваеилевича посланы были Воеводами въ старую Кучумскую Сибирь Князь Семенъ Болховской и Иванъ Глуховъ со многими ратными людьми, и съ ними прислано было Атама-
 Но 19.

быль изъ Москвы въ Сибирь съ пятью стами человекъ; онъ первый пожалованъ отъ Государя Правителемъ сего края. Глуховъ избралъ ту же дорогу, по которой шелъ Ермакъ, и въ теченіи тогожъ года достигъ къ назначенному мѣсту. По его прибытіи, щастіе перестало благопріятствовать Козакамъ, которыми оно служило такъ постоянно. Они были подвержены всѣмъ ужасамъ голода; самъ Воевода содѣлался жертвою онаго. Такое бѣдственное состояніе Рускихъ ободрило Карачина, Тамарскаго Князя береговъ Ирпышскихъ; онъ умерщвилъ около сорока Козаковъ и явно поднялъ оружіе противъ Рускихъ.

Въ 1584 году, Карачинъ приближился къ самому городу Сибири; но былъ совершенно разбитъ Козаками, сдѣлавшими изъ крѣпости вылазку. Сей щастливой успѣхъ привелъ Ермака въ состояніе спяща начать войну наступательную. Онъ об-

---

ну Ермаку съ товарищи Государское многое жалованье и милостивое слово за ихъ къ Цесарю Государю радѣтельную службу и за пролитіе крови ихъ. Князь Семенъ Болховской умеръ въ Сибири, а Иванъ Глуховъ побѣдилъ чрезъ Камень къ Москвѣ. Лѣтопись Никонская говоритъ, что Ермаку пожаловано отъ Царя Княжеское достоинство. — Изд.

ратился къ сторонѣ верхняго Иртыша и пробрался даже до того мѣста, гдѣ послѣ посипроенъ городъ Тара. Многіе Князья Ташарскіе покорились ему добровольно. Одинъ изъ нихъ даже предложилъ въ супружество дочь свою; но Ермакъ не захотѣлъ воспользоваться его благосклонностію. Узнавъ, что купеческой караванъ идетъ изъ Бухаріи, и что Кучумъ намѣренъ остановить его для вознагражденія своей потери, Ермакъ немедленно ~~отправился~~ отправился отъ странъ верхняго Иртыша къ берегамъ Вагая, мимо которыхъ каравану проходить надлежало. Тамъ, въ одну темную, ненастную ночь, когда по видимому не можно было предпринять никакого военнаго дѣйствія, Кучумъ внезапно напалъ на его войско и, пользуясь оплошностію Козаковъ, почти всѣхъ перерѣзалъ. Самъ Алпаянъ съ немногою дружиною бросился въ рѣку, въ намѣреніи доплыть до лодокъ; но тяжесть доспѣховъ повлекла его на дно — онъ утонулъ.

Такъ умеръ славный воинъ, которой съ горстью людей въ теченіи четырехъ лѣтъ покорилъ пространныя области и древнихъ пришельцевъ Россіи преслѣдовалъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ, самыхъ отдаленныхъ. Лѣтописи изображаютъ его человекомъ большаго роста

и такого крѣпкаго сложенія , которое удобно переносятъ стужу , зной , голодъ , жажду и вообще всѣ трудности. Онъ имѣлъ духъ отважный и предприимчивый , равно способный къ изобрѣтенію плановъ , какъ и къ выполненію оныхъ. Фортуна почти всегда ему благопріятствовала. Можно полагать съ достовѣрностію , что на военномъ поприщѣ ему недоставало только многочисленнаго войска и театра , достойнѣйшаго подвиговъ его , чтобы стать на ряду съ завоевателями первой степени.

Послѣ сего пораженія оставшееся Русское войско подъ начальствомъ Глухова , въ числѣ ста пятидесяти человекъ , было весьма слабо для удержанія за собою покоренныхъ обласпей. Рѣшились возвратиться въ Россію ; но опасаясь погони за собою отъ Кучума , отправились совсѣмъ иною дорогою , нежели прежде , то есть , взяли направленіе къ Печорѣ , спускаясь внизъ по Иртышу и Оби. Въ самомъ дѣлѣ Ханъ не замедлилъ овладѣть Сибирью и отдать ее сыну своему Алею , которой однакожь не могъ долго удержаться на своемъ престолѣ. Сейджакъ , послѣдняя отрасль царствовавшей фамиліи , сверженной Кучумомъ , нашедъ средство собрать войско , выгналъ Алея.

Дворъ , ничего не зная о сихъ произшествіяхъ , отправилъ въ Сибирь другаго Воеводу , Мансурова , съ отрядомъ изъ ста человекъ и съ частію артиллеріи. Сей , увѣдомясь на дорогѣ о непріятныхъ новостяхъ , разсудилъ за благо возвратиться въ Россію. Онъ пришелъ на берега Оби уже въ концѣ осени и принужденъ былъ зимовать на мѣсѣ. Едва успѣлъ онъ построить острогъ , которой долженъ былъ ему и войску служить зимнимъ жилищемъ , какъ напала на него многочисленная толпа Остяковъ. Весьма трудно было защищаться : случаю обязаны Рускіе своимъ спасеніемъ. Они примѣтили , что Остяки приставили идоловъ своихъ къ одному дереву , при которомъ сами спарались удержаться. Мансуровъ приказалъ нацѣлить пушку на сіе мѣсто и , по щастію , ядро сшибло дерево. Страхъ овладѣлъ Остяками. Они съ поспѣшностію побѣжали въ свои жилища и возвратились въ крѣпостцу Мансурова съ подарками и покорностію.

Слѣдствіе сей побѣды заставило уважать въ Сибири Россійское оружіе. Остяки , живущіе на Оби , покорились совершенно. Одинъ изъ ихъ начальниковъ отправился въ Москву просить покровительства у Царя Θεодора Иоанновича , кото-

рое и было ему пожаловано Царскою Грамотою (*). Но все сіе не могло переменить положенія дѣлъ въ Сибири, и Мансуровъ увидѣлъ себя принужденнымъ въ наступающую весну предпринять путь въ свое отечество, куда и прибылъ безъ особенныхъ приключеній. Такимъ образомъ послѣднее войско выступило изъ Сибири; въ нѣсколько мѣсяцевъ лишились пріобрѣшеній, стоившихъ Ермаку великихъ трудовъ и опасностей, понесенныхъ имъ въ продолженіи четырехлѣтняго времени (**).

(*) Остяки Березовскіе и теперь хранятъ сію Грамоту, которая есть одинъ изъ древнѣйшихъ Сибирскихъ актовъ.

(**) Рускіе не лишились завоеванныхъ областей. Въ 1585 году посланы въ Сибирь Воеводы, Василій Борисовичъ Сукинъ и Иванъ Мясновъ, да письменной Голова Данила Чулковъ со многими ратными людьми. Сукинъ и Мясновъ, построивъ первой городъ Тюмень при рѣкахъ Турѣ и Тюменкѣ, остались въ немъ, а Чулкова послали въ старую Сибирь. Сей Голова построилъ Тобольскъ и, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, былъ первымъ Воеводою въ семъ городѣ. — *Изд.*

II.

Сокращеніе письма изъ Рима (*).

Теперь только я прїѣхалъ изъ Неаполя, откуда везу къ тебѣ, любезный другъ, плодъ моего путешествія, на которой ты имѣешь всѣ права: нѣсколько листовъ лавроваго дерева, осѣняющаго Виргиліеву могилу. Давно уже надлежало мнѣ уведомить тебя о сей классической землѣ, созданной нарочно для того, чпобы занимать умъ, твоему подобный; разныя причины до сихъ поръ меня отъ того удерживали. Не хочу оставить Римъ, не сказавъ тебѣ нѣсколько словъ о семъ знаменитомъ городѣ. Я обѣщался писать къ тебѣ на удачу, не думая о связи и слѣдствіяхъ; обѣщался бросать на бумагу мысли мои объ Италіи, точно такъ же, какъ нѣкогда сообщалъ тебѣ впечатлѣнія, которыя производили въ моемъ сердцѣ пусшыни новаго мїра. И такъ, безъ предисловія спѣшу дать тебѣ общее понятіе о внѣшностяхъ Рима, то есть, объ его поляхъ и развалинахъ.

(*) Авторъ письма сего, извѣстный по книгѣ: *Духъ Христіанства*, пишетъ своимъ собственнымъ слогомъ. Смѣлая фраза не должны быть сочтены ошибками, Переводчика. *Изд.*

Ты читалъ, любезной другъ, все, что писано было о семъ предметѣ; но незнаю, могли ли путешественники дать тебѣ точную идею о картинѣ Римскихъ окрестностей. Представь себѣ нѣчто подобное опустѣнію Тира и Вавилона, о которомъ упоминаетъ Священное Писаніе; представь глубокое молчаніе и уединеніе во всей противуположности съ шумомъ и множествомъ людей, которые нѣкогда здѣсь толпились. Кажется, и теперь еще раздается проклятіе Пророка: „въ одинъ день внезапно постигнутъ тебя два бѣдствія, безплодіе и вдовство (*).“ Здѣсь и тамъ, въ мѣстахъ уединенныхъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ, видны края дорогъ Римскихъ, видны слѣды высохшихъ эвфратскихъ потоковъ; они издали кажутся большими углаженными дорогами, а въ самомъ дѣлѣ суть опустѣвшіе рвы спремипельныхъ волнъ, которыя прошекли, подобно Римскому народу. Рѣдко встрѣчаете нѣсколько деревъ; за то вездѣ видите развалины водотоковъ и гробницъ, которыя кажутся лѣсомъ и деревьями, свойственными землѣ, составленной изъ праха умершихъ и изъ развалинъ Имперій.

(*) Venient tibi duo haec subito in die unâ: sterilitas et viduitas. *Isai.*

Часто представлялись мнѣ на простран-
ныхъ равнинахъ обильныя жапы; я под-
ходилъ къ нимъ и видѣлъ только засох-
шую траву, которою глаза мои обманыва-
лись. Подъ сею безплодною пажитью
иногда открываете слѣды древняго земле-
дѣлія. Нѣтъ птицъ, ни работниковъ,
ни сельской дѣятельности, ни рычанія
животныхъ; нѣтъ даже деревень. Едва
примѣтно нѣскольکو развалившихся жи-
лищъ на обнаженныхъ поляхъ; окна и
двери затворены; ни дыма, ни шума, ни
люди не выходятъ изъ нихъ. Существа
живыя, почти дикія, почти обнаженныя,
блѣдныя, ослабѣвшія отъ лихорадки, оби-
таютъ въ сихъ печальныхъ хижинахъ,
подобно привидѣніямъ, охраняющимъ оста-
вленные замки въ нашихъ Готическихъ
Исторіяхъ. Кажется, что никакая на-
ція не дерзнула заступить мѣсто владѣ-
телей міра на ихъ землѣ природной; ка-
жется, что видите сіи поля въ томъ са-
момъ состояніи, въ которомъ оставила
ихъ соха Цинцинашова, или послѣдній
плугъ Римскій.

Среди сего мѣста опустѣвшаго воз-
вышается и теперь еще приводишь въ
увѣніе памятникъ, названный отъ на-

рода *Нероновою* гробницею (*). Здѣсь возносятся великая тѣнь вѣчнаго града. Упадши съ вершины земнаго своего величія, онѣ, кажется, захотѣлъ уединиться, захотѣлъ отдѣлиться отъ прочихъ градовъ земли, и подобно Царицѣ, сверженной съ трона, великодушно сокрылъ несчастіе свое въ уединеніи.

Ты, можетъ быть, подумаешь, послѣ сего описанія, что нѣтъ ничего противнѣе Римскихъ окрестностей: весьма ошибешься; онѣ имѣютъ въ себѣ величіе непостижимое; каждой разѣ, смотря на нихъ, хочется воскликнуть съ *Виргиліемъ*:

*Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus,
Magna virum (**)!*

Если вы будете разсматривать ихъ въ качествѣ доисторическаго, поныне обнимаетъ вашу душу; взирайте на нихъ какъ Архистъ, какъ Поэтъ, даже какъ Философъ — и вы, можетъ

(*) Гробница *Неронова*, скрывавшая тѣло его, находилась при вратахъ *народныхъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ построили церковь *Santa Maria del Popolo*.

(**) Привѣтствую тебя, земля плодоносная, земля *Сатурнова*, мать мужей великихъ!

быть, не захотите, чтобы онъ были въ другомъ видѣ. Взоръ на поле, покрытое жатвою, на отлогой виноградникъ, не произведетъ въ душѣ вашей столь сильнаго потрясенія, какъ взглядъ на сію землю не обновленную новымъ воздѣланіемъ, и которая, такъ сказать, оспалась древнею, подобно развалинамъ, покрывающимъ ее.

Хотя Римъ внутри походитъ теперь на большую часть городовъ Европейскихъ; однакожъ онъ сохранилъ въ себѣ отличительный характеръ. Никакой другой городъ не представляетъ такого смѣшенія Зодчества съ развалинами, отъ высокаго Пантеона Агриппы до Готическихъ стѣнъ Велитарія, отъ монументовъ, привезенныхъ изъ Александріи, до купола, сооруженнаго Микель - Анджеломъ. Красота Римскихъ женщинъ есть другая черта отличительная: смотря на нихъ, кажется, видишь древнія статуи Юноны или Минервы, которыя, сошедъ съ пьедесталовъ, гуляютъ вокругъ своихъ храмовъ.

Судьба Тибра, омывающаго великій городъ сей и раздѣляющаго съ нимъ славу его, весьма необыкновенна. Онъ протекаетъ черезъ одинъ уголь Рима, какъ будто бы его тамъ совсѣмъ не было; никто не удостоиваетъ его своимъ взоромъ,

никто не говоритъ о немъ, никто не пьетъ воды его; онъ прокрадывается между бѣдныхъ хижинъ, сокрывающихъ его, и спѣшитъ броситься въ море, спы-
даясь своего наименованія.

Въ одинъ прекрасной вечеръ прошедшаго Іюля мѣсяца, я сѣлъ на ступени жертвенника, принадлежащаго къ Колизею. Заходящее солнце изливало рѣжки золота на всѣ сїи галереи, въ ко-
рыхъ нѣкогда толпились волны народа; въ то же время изъ глубины ложъ и переходовъ поднимались густыя шѣни, или ле-
жились на землю широкими полосами. Изъ вершины несокрушимаго зданія, на правой сторонѣ между развалинами, я увидѣлъ садъ дворца Цесарей: тамъ возвышалось пальмовое дерево, которое, казалося, нарочно посажено для Живописцевъ и Поэтовъ. вмѣсто радостныхъ воплей, которые въ семъ амфитеатрѣ издавали нѣкогда свирѣпые зрители, видя, какъ львы и барсы терзали Христіанъ, слышанъ былъ лай собакъ, принадлежащихъ уединенному стражу сихъ развалинъ. Лишь только солнце за горизонтъ спустилось, звонъ колокола отъ купола Св. Петра раздался подъ сводами Колизея. Сіе сообщеніе, произведенное *благотестивыми* звуками между двумя величайшими памятниками

Рима языческаго и Рима Христїанскаго, живо поширасло мою душу. Сїе огромное зданіе-времень новѣйшихъ, думалъ я, падеть подобно древнему, и монументы послѣдуютъ одинъ за другимъ, подобно людямъ, которые воздвигаютъ ихъ. Я вспомнилъ, что и въ же самые Іудеи, которые во времена первыхъ плѣненій работали надъ построеніемъ зданій, въ Египтѣ и Вавилонѣ, въ эпоху послѣдняго ихъ разсѣянїя сооружили сїю необыкновенную громаду; что монументъ, подъ сводами котораго раздавался звонъ Христїанскаго колокола, воздвигнутъ Императоромъ языческимъ, предвозвѣщеннымъ устами Пророковъ для конечнаго разрушенїя Іерусалима. Скажи, любезный другъ, не важны ли сїи предметы для разсужденїя, къ которому подають поводъ однѣ развалины? скажи, не стоишь ли посѣщенїя такой городъ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются явленїя, производящія то же дѣйствіе?

До отъѣзда въ Неаполь, я провелъ одинъ нѣсколько дней въ Тиволи, и обозрѣлъ развалины въ мѣстахъ окрестныхъ, а особливо *Виллы Адриановой*. Тамъ развалившіеся своды вокругъ меня открывали виды полей Римскихъ. Кусты бузиновые наполняли опустѣвшія валы,

въ которыхъ скрывались черные дрозды, шицы уединенныя. Высокіе кипарисы стояли на мѣстѣ прежнихъ столповъ гордыхъ, которые теперь лежатъ повержены въ сихъ чертогахъ смерти.

Тысяча идей смѣшанныхъ толпилась въ умѣ моемъ въ то время, когда я смотрѣлъ на сію сцену дикую и живописную. То удивлялся я Римскому величію, то гнушался имъ; попеременно думалъ то о добродѣтеляхъ, то о порокахъ того обладателя міра, которой хотѣлъ садъ свой сдѣлать образомъ Имперіи. Я вспомнилъ о происшествіяхъ, случившихся при разрушеніи сего пышнаго города; видѣлъ, какъ преемникъ Адріана восхищилъ изъ него лучшія украшенія; видѣлъ варваровъ, проходящихъ чрезъ оной на подобіе бури; видѣлъ, какъ они останавливались въ немъ, и желая сохранить остатки сихъ памятниковъ, разрушенныхъ ими, основанія Греческія и Тосканскія вѣнчали зубцами Готическими; наконецъ благочестивые Хриспіане, опять водворяя устройство въ мѣстахъ сихъ, насадили виноградъ и провели плугомъ борозды во храмѣ Стоиковъ и въ залахъ Академіи.

Я не могъ оставить Тиволи, не посѣтивъ дома Гораціева. Онъ стоялъ напро-

тивъ *Виллы Меценатовой*. Въ немъ Поэпъ удовлетворялъ прихоти свои цвѣтами и виномъ, помня кратковременность жизни. Кажется, что пустыня его была не обширна, ибо она лежитъ на вершинѣ холма; но съ перваго взгляду можно замѣтить, что мѣсто сіе, хотя невеликое, имѣло много выгодъ. Изъ саду, бывшаго передъ его домомъ, представляется картина необозримая: это настоящее жилище Стихотворца, которой малымъ довольствуется, и чего самъ не имѣетъ, получаетъ отъ щедроты Меценапа.

Достойно примѣчанія, что Горацій, *Виргилій*, *Тибулль*, *Титъ Ливій*, умерли прежде *Августа*, которой имѣлъ судьбу *Лудовика XIV*: нашъ великій Государь пережилъ вѣкъ свой и легъ въ могилу, какъ бы увѣрясь, что на землѣ ничего уже великаго не остается.

Вилла Эсте заняла меня болѣе, нежели всѣ прочія развалины *Виллъ Консульскихъ* и *Императорскихъ*. Сей знаменитый домъ *Феррарскій* имѣлъ рѣдкое щастіе: онъ воспѣтъ двумя величайшими Поэтами своего времени и двумя неподражаемыми Геніями новой *Италіи*. Но какая судьба постигла патроновъ и покровительствуемыхъ? Въ то самое время, когда пишу сіе, поколѣніе *Эстовъ* пресѣклось, *Вилла*

его разрушилась, подобно чертогамъ Августова Министра. Это участь всѣхъ вещей и всѣхъ людей!

Я провелъ почти цѣлой день въ сей великолѣпной *Виллѣ*; не могъ надивиться переспкиивамъ, копорыя предспавляются споящему на высокихъ шеррасахъ. Трудно найти во всемъ пространствѣ мѣра каршиану, копорая въ большее приводила бы изумленіе и раждала мысли возвышеннѣйшія. Не упоминаю о Римѣ, съ верхами и башнями, съ копорыми ничпо не можетъ сравнишься: нѣтъ, говорю только о мѣстахъ обширныхъ и памятникѣхъ, въ нихъ содержащихся. Тамъ спойтъ домъ Мецената, пресыпившагося всѣми благами земными и умершаго онѣ слабости; Варусъ оставилъ сей прекрасной холмъ для того, чпобы пролить кровь свою въ болопахъ Германскихъ; Кассій и Брутъ покинули сіи мѣста очаровательныя, для того, чпобы потрясти отечество. Здѣсь, подѣ высокими соснами Фраскашскими, Цицеронъ писалъ свои Тускуланскія сочиненія; здѣсь Адрианъ повелѣлъ протекаеть новому Пенею; въ сіи мѣста перенесъ онѣ названія, красоты и наоминанія Темпейской долины. При семъ источникъ Тольфатары плѣненная Царица Пальмирская скончала дни

свой въ неизвѣстности. Здѣсь Царь Латинъ совѣтовался съ богомъ Фауномъ въ лѣсу Альбунейскомъ; здѣсь сіпоялъ храмъ Иракловъ, въ которомъ Сивилла издавала его пророчанія; здѣсь горы старинныхъ Сабиновъ; равнины древняго Латіума; земля Сатурна и Рея, колыбель златаго вѣка; воспѣтаго всѣми Сипихотворцами: . . . .
(Шатобріанъ.)

ЛІІ.

*Взглядъ на Благородный Пансіонъ
при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ.*

Плоды Наукъ зрѣютъ медленно. Полѣзное дерево просвѣщенія, перенесенное изъ климатовъ чужеспранныхъ въ любезное наше Отечество; уже глубоко пустило корни; благодѣтельные лучи нашего свѣтозарнаго Феба ускорятъ дѣйствіе Природы; и мы увидимъ молодья вѣтви покрытыя цвѣтами — а плоды? . . . станемъ надвѣшаться. Любовь къ ученію и у насъ сдѣлаешся модою! Уже Дворяне Рускіе чувствуютъ необходимость просвѣщенія; видятъ; что для свисканія себѣ уваженія надобно по крайней мѣрѣ казаться ученымъ, по крайней

нѣрѣ знать нѣскольکو словѣ нѣрускихъ ; слѣдственно стыдящя невѣжесва. Начало доброе ! станемъ надѣяться.

Число благопворишелей, пожертвовавшихъ важными суммами на заведеніе Университетовъ, доказываетъ, что много есть въ Россіи такихъ людей, которые для дѣтей своихъ и внуковъ устилаютъ цѣлѣмъ путь къ щастливой жизни: они увѣрены въ пользу Наукъ и просвѣщенія. Но Университеты не воспитываютъ, а принимаютъ уже воспитанныхъ юношей, для усовершенствованія ихъ въ высшихъ Наукахъ. Между тѣмъ; что дѣлать небогачь тому Дворянину, жслакцѣму дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ? Училища низшей степени, вообще столь полезныя, столь благотѣпелныя для Государства, учреждены не съ нѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ нихъ воспитывались Дворяне: воспитаніе въ великой Монархіи не можетъ не должно бытъ равное для всѣхъ сослояній: многіе Пансіоны, содержимые иностранцами, избилуктъ всѣми неудобствами публичнаго воспитанія, не имѣя почти ни одной изъ его выгодъ; въ нихъ платящъ немалыя суммы за наспавленіе дѣтей, по большей части, только во Французскомъ произношеніи и въ танцовальномъ искусствѣ, между тѣмъ; какъ

Опечесиво можетъ уволить Дворянина отъ
 сихъ опличныхъ совершенствъ, а требуетъ
 отъ него непремѣнно знаній и разсуди-
 тельности. Означенна воспитаніе домашнее,
 которое могло бы быть самымъ лучшимъ
 тогда только, когда родителямъ поща-
 спливилось бы умолить Минерву сойти
 съ Олимпа и въ образѣ Менпора взять на
 себя попеченіе о образованіи дѣтей ихъ,
 или когда удалось бы имъ заманить въ
 домъ свой цѣлыя факультеты; не знаю,
 есть ли у насъ такіе щасливцы. Но мнѣ
 до Крезовъ нѣтъ дѣла: пусть они вос-
 питываютъ дѣтей своихъ, какъ угодно;
 одни богачи не составляютъ общества,
 мнѣ хотѣлось знать, что предпримутъ
 небогатые, но почтенные Дворяне, кото-
 рымъ обстоятельства препятствуютъ
 отдавать дѣтей въ Кадетскіе Корпусы?
 Должны ли они предоставить случаю
 нравственнае образованіе ихъ? долж-
 ны ли сморѣть равнодушно, какъ нѣж-
 ныя отрасли ихъ будутъ грубѣть въ
 невѣжествѣ? — Такъ я разсуждалъ на-
 задъ тому нѣсколько времени, и не могъ
 успокоиться до тѣхъ поръ, пока нечаянно
 не попала въ мои руки маленькая книжка,
 подъ названіемъ: *Объявленіе о воспитаніи,
 ученіи и содержаніи въ Благородномъ Пансі-
 онѣ при Императорскомъ Московскомъ*

Университетъ. Она возбудила мое любопытство. Двѣ недѣли я освѣдомлялся, спрашивалъ, разсматривалъ и наконецъ узнѣлся, что сіе Училище есть лучшее мѣсто для воспитанія Дворянъ. Признаюсь, что я не зналъ такого Пансіона, изъ котораго вышедшій молодой воспитанникъ, окончившій курсъ школьнаго своего поприща, можетъ съ честью для Училища и для себя сказать въ слухъ, гдѣ онъ учился. Легко станется, что есть люди, которымъ также неизвѣстны достоинства сего Института; можетъ быть, въ сію самую минуту многіе отцы перебираютъ въ головѣ своей разные образы воспитанія и со вздохомъ смотрятъ на дѣтей своихъ. Надѣюсь оказать имъ услугу, сообщивъ то, что удалось мнѣ узнать о Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ.

Сей важной и полезной Институтъ существуетъ уже 24 года. Благородные Дворяне, желающіе, чтобы дѣти ихъ пользовались преподаваемыми въ немъ Науками, должны представлять ихъ обученныхъ уже Россійскому чтенію и письму, не моложе осьми лѣтъ и не старѣе четырнадцати. Нѣкоторые воспитанники живутъ въ Пансіонѣ, другіе пріѣзжаютъ только учиться и имѣютъ обѣденной столъ. За

первыхъ платяшъ 275, за послѣднихъ 175 рублей въ годъ. Обучающа языкамъ: Россійскому, Латинскому, Французскому, Англійскому и Нѣмецкому; Наукамъ: Философическимъ, Историческимъ, Словеснымъ, Физическимъ, Математическимъ, и пріятнымъ Искусствамъ; почитаю нужнымъ упомянуть о Театральномъ представленіи нравоучительныхъ Драматическихъ сочиненій и военной экзерциціи; однимъ словомъ, въ семъ ~~святѣлицѣ~~ ^{святѣлицѣ} благо нравія и просвѣщенія преподаются Науки и Искусства, необходимыя для челоѣка государственнаго, полезныя и пріятныя для челоѣка частнаго.

Многіе Пансіоны могутъ выспавишъ большой списокъ преподаваемыхъ въ оныхъ Наукъ; но не многіе, скажу смѣло, ни одинъ, кромѣ Университетскаго, не въ состояніи похваляшся такими Наставниками, копорые изъ любви къ Наукамъ посвящаютъ себя ученому званію (*). Пан-

---

(*) Чтобы показашъ, сколь важны преимущества сего Училища, мнѣ надлежало бы только назвашъ почтенныхъ Господъ Профессоровъ и Учительей, съ отличіемъ преподававшихъ и нынѣ преподающихъ въ немъ науки.

Юрь займаетъ отъ Университета
 Профессоровъ и Учителей (ихъ около
 пятидесяти), которые чинами своими
 и мѣстами единственно обязаны испы-
 таннымъ знаніямъ. Частной человекъ
 лишенъ способовъ найши такихъ Часта-
 никовъ; ибо Учительская должность, ко-
 торую отправляющъ здѣсь по болшей
 части Особы, почтенныя по своему зна-
 нію и достоинству, не можетъ быть за-
 плачена ничѣмъ, кромѣ щастія заслу-
 жить благоволеніе Монаршее, увѣренно-
 сти въ пожертвованія трудами своими
 пользѣ общественной и пріятной надежды
 видѣть некогда молодыхъ писателей сво-
 ихъ возмужавшими и благодарными. Чѣмъ
 болѣе входилъ я въ классическія подробно-
 сти сего заведенія, тѣмъ внимательнѣе раз-
 сматривалъ учебную методу и цѣль ея,
 тѣмъ живѣе ощущалъ полезность онаго;
 шѣмъ болѣе радовалось мое сердце. Педани-
 ство всегда было неразлучно съ Ученостию;
 было его вывѣскою; но здѣсь взяты всѣ
 нужныя мѣры для избѣжанія двухъ край-
 ностей: воспитанія вѣтреннаго и вос-
 питанія педаническаго. Въ Пансіонѣ
 при Московскомъ Университетѣ не толь-
 ко по избранной методѣ и одобреннымъ
 правиламъ учаща разумѣть языки ино-
 странныя и говорить на нихъ; но и пере-

водити, не слова, а, мысли Автора, съ наблюдениемъ красота обонхъ языковъ; и обдумывая каждое слово; учаща даже сочи- нянъ съ Логическою точностію, съ Риторическою чистотою. Умалчивая для крат- кости о другихъ учебныхъ предметахъ, скажу, что Рускому слогу учили и теперь учаща такіе люди, которыхъ сочиненія Публика читала съ удовольствіемъ. Они изъясняютъ ученикамъ всимъ правила языковъ Славенскаго и Рускаго. Лучше изъ воспитанниковъ однажды въ недѣлю имѣютъ особое собраніе, въ которомъ читаютъ *собственныя* сочиненія и переводы, разсуждаютъ ихъ съ критической спо- ровы и сообщаютъ о томъ свои мнѣнія. Это эпоха торжества юныхъ талан- товъ. Если родители хотятъ знать, чѣмъ награждаются попеченія, кото- рыхъ они нещадятъ для воспитанія дѣтей своихъ; то съзвную имъ посмо- трѣть на сіе собраніе. Не нужно распро- спрашивать о пользѣ такого учрежденія, гдѣ въ соревнованіи и честолюбіи припом- деть ищутъ побудительныхъ причинъ къ прилѣжанію и успѣхамъ. При публич- ныхъ экзаменахъ отличившіеся воспитан- ники ежегодно награждаются одобритель- ными листами, медалями и другими знаками отличія; имена ихъ събъвляютъ.

ся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; успѣвшимъ въ высшихъ классахъ Пансіонерамъ дается право слушать Профессорскія лекціи въ Университетѣ, и они считаются Студентами; слѣдственно при вступленіи въ службу пользуются преимуществами; Всемилостивѣйше пожалованными Студентами Университетскими.

Хорошее содержаніе воспитанниковъ; отъ котораго безъ сомнѣнія зависитъ самое ихъ здоровье, должно также заставить родителей предпочесть сіе мѣсто всякому другому. Столъ обѣденный и ужинный обыкновенно состоятъ изъ пяти блюдъ самыхъ здоровыхъ и довольно вкусныхъ. Воспитанники время свободное отъ ученія проводятъ въ приличныхъ забавахъ, играхъ и гимнастическихъ упражненіяхъ; укрѣпляющихъ тѣло; Зимой въ Воскресные и праздничные дни по вечерамъ бывають у нихъ иногда концерты, иногда танцы, иногда театральныя представленія. Лѣтомъ отпускаются гулять съ Надзирателями; сверхъ того, на двѣ недѣли выходятъ въ лагерь для военной эзерциціи. Определенный Докторъ Медицины посѣщаетъ больныхъ, а въ случаѣ опасности приглашаются на консиліумъ Доктора Университетскаго Медицинскаго Фа-

культета. За лѣкарства и лѣченіе ничего не требуется съ воспитанника.

Училище помѣщается въ просторномъ каменномъ домѣ, съ трехъ сторонъ отдѣленнымъ улицами отъ другихъ строеній, въ Тверской части въ лучшемъ кварталѣ города. Внизу живутъ служители; вверху находящаяся спальня воспитанниковъ, комнаты учебныя, большая столовая и шанцовальная галерея; на особливомъ дворѣ просторная равнина для военныхъ экзерцицій и гимнастическихъ игръ, ботанической садъ, отдѣленная больница и баня. Въ домѣ я видѣлъ театръ, библіотеку, состоящую изъ книгъ Россійскихъ и иностранныхъ, машины и инструменты для Физическихъ опытовъ, минеральный Кабинетъ и рисунки.

Главное Начальство Университета управляетъ Пансіономъ; наблюденіе порядка въ ученіи и внутреннее хозяйственное разпоряженіе поручается одному изъ Университетскихъ Профессоровъ, которой называется *Инспекторомъ* Пансіона (*), и имѣетъ у себя одного помощника. При каждой комнатѣ, въ которой помѣщает-

(*) Нынѣшній Инспекторъ уже принадлежалъ имѣетъ надзираніе надъ Пансіономъ.

ся известное число воспитанниковъ, есль надзиратель, обыкновенно опредѣляемый изъ надежныхъ иностранцевъ, именно для того, чтобы воспитанники упражнялись въ разговорахъ на тѣхъ языкахъ, которыхъ правилами обучаются въ классахъ. Сей надзиратель имѣетъ обязанность быть всегда съ учениками, исключая часы учебные. За умеренную плату даюшя отъ Пансіона служители воспитанникамъ, которые не имѣютъ своихъ собственныхъ: тѣ и другіе состоятъ подъ рачительнымъ присмотромъ Чиновника, особливо къ тому назначеннаго.

Пріятно бытъ удивленнымъ, подобно мнѣ, когда я долженъ былъ выдти изъ заблужденія и оставить прежнія мысли, нашедъ сей Пансіонъ совсѣмъ несходнымъ съ тѣми понятіями, которыя давно уже составились въ умѣ моемъ вообще о Пансіонахъ. Образъ ученія, содержаніе воспитанниковъ, благоустройство и порядокъ, господствующія на семъ Парнасѣ, которой скорѣе можно назвать *Дворянскимъ Училищемъ*, нежели Пансіономъ — все прилично достоинству мѣста, назначеннаго для просвѣщенія *Дворянъ* великой Имперіи.

Одного имени Основателя довольно; для того, чтобы содѣлать знаменитымъ

еіе Училище. Россійское Дворянство обязано признашельностію за учрежденіе онаго Михайлѣ Маипѣевичу Хераскову, бывшему въ то время Кураторомъ. Сперва молодые Дворяне помѣщались въ комнатахъ, назначенныхъ особенно для нихъ отъ Университета, и ходили учиться въ Гимназію. Спустя нѣсколько времени, они изъявили желаніе отдѣлиться отъ Гимназистовъ; скоро маленькое казначейство сего, сначала весьма небогатаго Пансіона, нашлось въ сосшояніи купить находившійся близъ Университета и нынѣ принадлежащій ему домъ за 5000 рублей и записатьъ особливymi Учителями. Число Пансіонеровъ было неровное, иногда большее, иногда меньшее; лѣтъ за тринадцать до сего считалось ихъ около пятидесяти (*). Въ 1788 году, по ходатайству попечительнаго, незабвеннаго Мелиссино, Куратора Университета, Главнокомандовавшій Москвою Петрѣ Дмитриевичъ Еропкинѣ выпросилъ у Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, для помѣщенія Пансіона, домъ старой Межевой Конторы, назначенный Правительствомъ въ продажу. Сей домъ, въ продолженіи времени исправленный и увеличенный, есть тошъ самой, въ которомъ

(*) Теперь ихъ болѣе двухъ сотъ.

нынѣ Пансіонѣ находится. Послѣ всего того, что я видѣлъ въ семѣ Училищѣ, и еще недавно читалъ объ немъ въ одномъ изъ лучшихъ Французскихъ Журналовъ (Archives Littéraires), я почелъ для себя пріятнѣйшимъ долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности, конечно не всѣмъ извѣсныя. Смѣю обнаружить свое удивленіе, что въ такое время, когда число Авторовъ у насъ ежедневно умножается, когда мы съ патріотическою гордостію любимъ хвалиться хорошими заведеніями, никто еще не написалъ о семѣ Пансіонѣ. Стыдно намъ дожидаться, пока иностранцы укажутъ намъ то, въ чемъ можемъ съ ними равняться; стыдно справляться съ чужестранными Журналами, сколь велико наше доспоинство. И о какомъ заведеніи можно говорить съ большею увѣренностію, какъ не о томъ, которое оправдало уже все назначеніе и надежды родителей? Они въ темныхъ ожиданіяхъ въ будущемъ отъ благоразумнаго посѣва надѣялись богатой жатвы; мы видимъ событіе ихъ чаянія. Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, въ теченіи 24 лѣтъ своего существованія, образовалъ многихъ воспитанниковъ, нынѣ съ похвалою отправляющихъ разныя должности воинскія и

гражданскія; нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны и по ихъ сочиненіямъ. Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ выдалъ болѣе двадцати книгъ (*), изъ которыхъ классическія приняты и употребляются во многихъ другихъ Училищахъ. Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ съ начала заведенія содержалъ себя деньгами, собираемыми съ воспитанниковъ за ученіе и столъ, плата изъ той же суммы всѣмъ Чиновникамъ и Учителямъ, къ нему опредѣленнымъ, какъ Университетскимъ, такъ и постороннимъ, въ которыхъ онъ имѣетъ нужду.

Домъ, стоявшій прежде не болѣе десяти тысячъ рублей, превратился иждивеніемъ Пансіона въ прекрасное зданіе, стоящее по крайней мѣрѣ осмидесяти тысячъ. Внутреннее хозяйство Пансіона можетъ служить ободреніемъ для домохозяйствъ. Чего не сдѣлаетъ благо-разумная попечительность! Покажемся

(*) Извѣстнѣйшія изъ нихъ суть: *Курсъ Математики Г. Безу, Натуральная Исторія, Умственная наука, Мифологія, Краткая Руская Просодія* и проч. Избраннѣйшія сочиненія и переводы воспитанниковъ издаются въ свѣтъ подъ названіемъ: *Вечерняя заря*; о сей книгѣ съ похвалою упоминаемо было въ иностранныхъ Журналахъ.

невѣроятнымъ, естли скажу, что на щепь небольшой суммы, взносимой воспитанниками за свое ученіе и содержаніе, Пансіонъ успѣлъ обогатиться разными заведеніями: сдѣлана каменная пристройка; куплено смежное мѣсто, на которомъ явился садъ съ каменною-оранжереею; собраны: библіотека, Кабинетъ минеральный, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя вещи и разные инструменты; разумѣется, что все сіе стоишь великой суммы. Удивительной примѣръ-добраго присмотра! Не смотря на то, что цѣны на все возвысились, Университетскій Пансіонъ за самую умѣренную плату, которая многимъ содержателямъ Пансіоновъ покажется невѣроятною, довольствуется пищею и учитъ воспитанниковъ — обстоятельство очень важное для наблюдателя, удивительное для Дворянъ небогатыхъ! Этого не довольно: Пансіонъ безденежно содержитъ, воспитываетъ и учитъ дѣшей нѣкоторыхъ недоспавочныхъ Чиновниковъ, служащихъ при немъ и при Университетѣ.

Когда Пансіонъ самъ собою успѣлъ вознестись до нынѣшняго цвѣтущаго состоянія: то чего не можно надѣяться въ такое время, когда онъ находится подъ начальствомъ достойно чинамаго Министра и неусыпнаго своего Поде-

чителя, которые между благосостояніемъ въѣренныхъ имъ розсадниковъ просвѣщенія и между благосостояніемъ своимъ собственнымъ не полагаютъ никакого различія? Тронутый до глубины души посѣщитель, видя на стѣнѣ Пансіона начертаніе достопамятной эпохи его основанія, съ удовольствіемъ угадываетъ, что сія эпоха возсіяетъ въ Исторіи Россійскаго просвѣщенія и прославится въ Ученомъ свѣтѣ.

Чье сердце способно принимать сладостныя впечатлѣнія, чье сердце согрѣто любовью къ человечеству, тотъ пусть идетъ въ Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ посмотрѣть на дневныя упражненія воспитанниковъ. Онъ увидитъ, съ какимъ благоговѣніемъ юныя отрасли знаменистыхъ предковъ за утреннею молитвою предстоятъ Вездѣущему; съ какою охотою за завтракомъ слушаютъ чтеніе Священнаго Писанія и отборныхъ книгъ нравоучительныхъ; увидитъ, въ какомъ порядкѣ сидятъ въ классахъ, въ какой пишинѣ сидятъ за столомъ. Воспитанники, едва вышедшіе изъ младенческаго возраста, съ Римскою гордоспїю уже произносятъ имя Россіи; уже кровь ихъ пылаетъ при священныхъ названіяхъ: Отечество, добродѣтель, про

свѣщеніе. „Просвѣщеніе и добродѣшель!“
говоритъ одинъ изъ нихъ отъ лица
всѣхъ своихъ поварищей: „соединимъ
„ихъ неразрывнымъ союзомъ; да цар-
„ствуютъ онѣ совокупно въ душахъ на-
„шихъ! Къ сему должны стремиться всѣ
„мысли и дѣла наши; сего ожидаетъ отъ
„насъ Отечество!“ Изображенія Курато-
ровъ Университета: Шувалова, Мелис-
сино и Хераскова, украшающія гале-
рею, напоминаютъ потомкамъ, кому
они обязаны своимъ щаспїемъ настоя-
щимъ и будущимъ, и потомцы съ жи-
вѣйшею признательностію възглаша-
ютъ имена ихъ. „Се ликъ Шувалова!
„судьба похитила его отъ насъ; но —
„сердце еще бьется въ груди нашей, и
„Шуваловъ живетъ въ немъ. Другъ чело-
„вѣчества! ты заслужилъ вѣнецъ без-
„смертія! — Се образъ Мелиссино! —
„Любезные поварищи! почто не можемъ
„повергнуться на гробъ его; почто не мо-
„жемъ окропить его своими слезами! —
„Шуваловъ! Мелиссино! шѣни ваши, мо-
„жетъ быть, теперь носящая надъ нами,
„можетъ быть, улыбаются, видя нашу
„признательность. Божественная улыб-
„ка! она побуждаетъ насъ слѣловать по
„стопамъ вашимъ и, если можно, вамъ
„уподобиться. Херасковъ, добрый, чув-

„свищельный, незабвенный Основатель
 „сего Училища!...“ Это собственныя мы-
 сли и слова одного воспитанника, произ-
 несенныя при публичномъ собраніи въ
 Пансіонѣ, по случаю освященія новопо-
 строеннаго каменнаго флигеля, въ залѣ ко-
 тораго тогда же поставлены портреты
 упомянутыхъ Господъ Кураторовъ.

Такія чувства, такой слогъ, ру-
 чающіяся за благонравіе и успѣхи воспи-
 танниковъ. Желательно, чтобы Рускіе
 наставники всегда были награждаемы по-
 добнымъ образомъ, и чтобы иностранцы
 всегда дѣлали честь своимъ наставникамъ!

М. К — іж.

ПОЛИТИКА.

I.

Благодѣянiя войны.

Рапсодiя.

(Окончанiе.)

Отдѣленiе второе.

.....
..... (*)

Что заставляетъ людей избирать военное состоянiе? однихъ, и большую часть деньги, другихъ склонность къ непостоянству. Никто не заботился бы о славѣ, если бы награда ея состояла въ ей самой. Сверхъ того, солдатская жизнь такъ свободна, такъ сносна, что не должно удивляться, если она многимъ, особливо молодымъ людямъ, нравится. Не успѣвъ надѣшь мундиръ, они тотчасъ ошпаютъ отъ прежнихъ низкихъ привычекъ —

(*) Въ полученномъ экземплярѣ Журнала, изъ котораго мы перевели сiю Рапсодiю, недостаетъ двухъ страницъ. — Предваряемъ Читателей, что сiя пiеса написана не о Рускихъ и не для Рускихъ. *Изд.*

вѣжливости и стыдливости, кидаютъ навсегда народныя обыкновенія и языкъ, выучиваются въ совершенствѣ играть, пить и клястись; а какъ, такъ называемая, храбрость извиняетъ природное или пріобрѣшенное невѣжество; въ слѣдствіе того они имѣютъ отличную привилегію быть невѣжами, не давая въ томъ никому опчепа, и даже имъ хвалятся. Но во всемъ есть замѣна — скажущъ охотники говорить ксшапи и не кстапи о замѣнахъ: солдаты опличаются шѣлесною крѣпостію; изъ того само собою слѣдуетъ, что несправедливо было бы требовать отъ нихъ крѣпости душевной.

Есть нѣкоторой родъ людей самолюбивыхъ, которые были бы дурными солдатами; мы должны благодарить Небо, что такихъ людей немного. По причинѣ слишкомъ утонченнаго умствования, или, лучше сказать, лжеумствования, сіи эгоисты забрели такъ далеко, что не хотятъ ни о чемъ заботиться, кромѣ самихъ себя. По ихъ мнѣнію, Государство состоитъ изъ негодяевъ и глупцевъ, не заслуживающихъ, чтобы люди умные и честные — подъ симъ шиломъ они разумѣютъ себя — за нихъ жизнь свою подвергали опасности. Сіи господа столько

2*

увѣрены въ истинѣ правилъ своихъ, что явно гордятся названіемъ эгоистовъ, которое, какъ они говорятъ, доказываетъ, что они не просняки.

Въ самомъ дѣлѣ, націи щасливѣйшія, что есть много людей, всегда готовыхъ драться и встрѣчать смерть безъ ужаса. Но имѣютъ ли люди довольно храбрости, чтобы для другихъ вдаваться въ опасности? и что есть храбрость?

Все люди — по крайней мѣрѣ, когда чувствуютъ себя здоровыми и имѣютъ въ рукахъ вѣрныя средства удовлетворять своимъ нуждамъ и прихотямъ — не охотно подвергаются опасностямъ, и еще не охотнѣе идутъ на смерть. Напротивъ того, пользуясь сими выгодами, они такую имѣютъ привязанность къ жизни, что скорѣе соглашаются все терять, нежели ее лишиться.

Немногіе одарены бодростію, равнодушно, неуспрашивая ожидать смерти; и снхъ немногихъ мудро найши между солдатами. Замѣчено, что великіе Полководцы, которые много разъ находились въ опасности потерять жизнь на сраженіи, съ ребяческимъ малодушіемъ встрѣчали смерть на посшелѣ. Одинъ осиромыный Французскій Писатель говоритъ,

что смерть подобна солнцу; на нее нельзя сморщить приспально.

Человѣкъ отъ Природы есть животное боязливое; но когда нападаютъ на его жизнь, когда въ удвлетвореніи нуждъ своихъ и прихотей онъ встрѣчаетъ великія препятствія: тогда становится тигромъ и отваживается на всѣ опасности. По сему, не чему удивляться, если овцы дѣлаютъ то же въ подобныхъ обстоятельствахъ. Мы весьма далеки отъ мнѣнія одного Философа, который утверждаетъ, что безъ гнѣва нѣтъ отважности. Можетъ быть, онъ на себѣ испыталъ подобное; можетъ быть, и со многими людьми случается то же; однакожъ есть нѣчто похожее на отважность и не имѣющее къ гнѣву никакого отношенія. Истинная отважность, или мужество, есть спокойствіе, и состоитъ въ томъ, чтобы сморщить безпрепятно на опасности; но не многіе одарены отважностію сего рода. Вообще же симъ именемъ называютъ слѣдствіе глупости, слѣпоты, гнѣва, или отчаянія. Хотя причины весьма различны между собою, но дѣйствіе всегда одинаково въ отношеніи къ обществу.

Дословѣрно, что люди, идущіе на войну, совсѣмъ не сердиты на непріятелей, съ которыми должны сражаться: они

отъ роду не видали другъ друга ; еще страннѣе то , что они столь же мало знаютъ причины войны , какъ и людей , за которыхъ дерутся . Но продавъ одинъ разъ свое тѣло и свою свободу , они принуждены идти , куда ведутъ ихъ шѣ , отъ которыхъ получили деньги . Тутъ остается выборъ на ихъ волю . Съ одной стороны надобно бышь готовымъ каждую мину-ту , лишиться жизни отъ рукъ непріятельскихъ ; съ другой , покуситься спастися бѣгствомъ и бышь пойману ; въ послѣднемъ случаѣ не помогло бы извиненіе Демосееново , которой сказалъ : „войнѣ , убѣжавшій съ поля сраженія , оцять можешъ драпьяся.“ Бѣглець былъ бы отъ своихъ собратій выпровоженъ въ дружинъ свѣтъ самымъ воинскимъ образомъ , хотя впрочемъ не очень славнымъ . И такъ остается сдѣлать заключеніе , что тотъ самой лучшей солдатъ , которой болѣе страшится пуль своихъ товарищей , нежели непріятельскихъ .

Не смотря на то , что боязнь наказанія , которому бѣглецы подвергаются , удерживаетъ солдатъ отъ трусости , на нее не можно совершенно положиться ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ природной страхъ до того увеличивается , что

человѣкъ самъ себя забываетъ и не знаетъ, что дѣлаетъ. Тутъ другими средствами приготовляють солдатъ къ сраженію. Полководцы говорятъ предъ войскомъ прекрасныя рѣчи (не будемъ теперь разбирать красоту ихъ), спараются поселить въ нихъ бодрость и возбудишь страсти; унижаютъ непріятелей, увеличиваютъ потери ихъ, и какъ можно, скрываютъ свои собственныя, такъ что даже полкомство не рѣдко тѣмъ бываетъ обмануто. Они возбуждаютъ въ нихъ гнѣвъ и ярость, представляя въ увеличительномъ видѣ претерпѣваемое отъ непріятеля поруганіе, льстятъ ихъ сребролюбію и суетности, напоминая о добычѣ и превознося ихъ передъ всѣми арміями цѣлаго свѣта. А чтобы еще лучше скрыть опасность, они прибѣгаютъ къ лѣкарству, вѣрнѣйшему словъ самыхъ краснорѣчивыхъ, а именно: къ водкѣ. Должно прибавить къ тому вопли и музыку военную, кою порой сладостная гармонія прищупляетъ чувства такъ, что воины совершенно *возкрыленные* летятъ ко славѣ. Такии образы прусы, то есть нѣ, копорые болѣе другихъ бояшся разстаться съ жизнью, будучи побуждаемы шщеславіемъ, или увлечены толпою, сражающся, дѣлаются храбрыми,

даже иногда побѣдителями, и сами не знающъ, какъ это съ ними случается.

Почти всѣ люди, идущіе сражаться, какъ мы выше сказали, одушевляются страхами, которыя подавляютъ боязнь лишиться жизни. Еслили бы сіи страхи, или нѣкоторыя изъ нихъ, не имѣли своего дѣйствія, то цѣлое войско обратилось бы въ бѣгство. Воины управляются разными страхами, но надежда на побѣду имѣетъ перевѣсъ предъ прочими. Она особенно дѣйствуетъ на тѣхъ, которые, получивъ удачу одинъ, или два раза, думаютъ, что побѣда навсегда пребудетъ съ ними. Еслили бы какое нибудь божество сказало имъ: „Вы не возвращитесь на вашу родину“ — тогда они потеряли бы охоту сражаться.

Многіе отъ любви ко славѣ, но есть отъ желанія пріобрѣсти похвалу, дѣлающіяся храбрыми; однакожъ надежда на побѣду и страхъ посрамленія или наказанія такъ много къ тому споспѣшествуютъ, что самые догадливые не рѣдко ошибаются. Одинъ Стихотворецъ говоритъ: „Всѣ люди лучше захотѣли бы бытъ трусами, еслили бы могли.“

Наконецъ пора уже упомянуть о благодѣянїяхъ войны. Они многообразны;

мы скажемъ только о нѣкоторыхъ; о прочихъ Чипашель, безъ всякаго сомнѣнїя, самъ догадается. 1) Многіе люди, язва общества, къ своему щастїю и другихъ, идутъ на войну съ рѣшимостїю назадъ не возвращаться. 2) Многіе другїе торжественно возвращаются назадъ съ одною рукою, или ногою, или съ почтенными на лицахъ знаками своей храбрости, или лучше сказать, храбрости непрїятеля; сколь ни кажутся впрочемъ отвратительными рубцы сіи, но ихъ не примѣчаютъ въ отборныхъ обществахъ, еслили израненный воинъ имѣлъ щастїе зацѣпить много денегъ. 3) Война, разоряя семейства, другїя приводитъ въ цвѣтущее состоянїе: планъ самой благоразумной, по которому каждой можетъ надѣяться, что когда нибудь придетъ до него очередь набогатиться. Одна или двѣ націи разорятся; но ихъ упадокъ послужитъ основанїемъ величїя для другихъ. 4) Еслили бы не было войны, то многїе славные люди, о которыхъ гремитъ Исторїя, или по крайней мѣрѣ трубятъ газеты, были бы совсѣмъ не извѣстны. 5) Сколь много неуиѣшныхъ супруговъ дѣлаются щасливыми вдовами, и посредствомъ непостоянства войны приходять въ состоянїе свергнуть съ себя несносное иго,

которое всю жизнь тяготило ихъ! 6) Война есть рогъ изобилія для Сочинителей и издателей газетъ, и вмѣстѣ служитъ пріятною забавою для многихъ людей, которые, не имѣя въ головѣ своей никакихъ идей, изъ газетъ почерпають и происшествія и мысли; правда, первыя не всегда бывають вѣрны, а послѣднія по большей части нелѣпы; однакожь по крайней мѣрѣ годятся на то, что подаютъ матерію къ разсужденіямъ, или, скажемъ просто, къ болшанью. 7) Война снабжаетъ Позиповъ и Орапоровъ прекрасными описаніями; ибо предметы ужасные болѣе всего пригодны для *высокаго и изящнаго*. 8) Она подаетъ матерію охотникамъ мараить бумагу; ибо чѣмъ инымъ можно изъяснить ежедневное появленіе такого множества эфемерныхъ тетрадей, которыя возстають изъ ничтожества, и немедленно опять падаютъ въ ничтожество, вопреки чаянію Автора, писавшаго ихъ для безсмертія? 9) Даже проповѣдники выигрываютъ чрезъ войну, которая, подаютъ имъ поводъ говорить проповѣди, давно уже на сей случай приготовленныя; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ можно сказывать всякую всячину. 10) Если бы не было войны, то не было бы матеріи для Исторій,

сверхъ того мы не имѣли бы прекрасныхъ Рѣчей ; а что можетъ быть лучше хорошей Рѣчи ? 11) Театръ лишился бы самаго смѣшнаго и самаго интереснаго характера и именно Гекторова. Всѣмъ извѣстно и вѣдомо , сколь пріятно для жителей нашей планеты удовольствіе смѣяться на щетъ дурачества ближняго. Всѣ честные люди жалуютъ забавныя зрѣлища , и не многіе думаютъ за - одно съ Тираномъ Сиракузскимъ , которой любилъ однѣ Трагедіи , написалъ нѣсколько сочиненій сего рода , ненавидѣлъ Комедіи , никогда не смѣялся и почелъ бы себя униженнымъ , есплибъ кто'нибудь примѣтилъ веселую улыбку на лицѣ его. 12) Достоверно , что въ продолженіе долговременной войны , особливо естли , по щастію , сопутствуютъ ей голодъ и моровая зараза , многія тысячи людей лишаются жизни ; слѣдственно всѣ житейскія потребности спановаятся дешевѣ. 13) Бываютъ обстоятельства , при которыхъ въ человѣкѣ особливо обнаруживается способность къ добру или ко злу. Въ мирное время примѣчается скучное и единообразіе во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ ; люди тогда бываютъ машинами , приведенными въ движеніе такимъ или другимъ образомъ. Но во время войны , или другихъ бурныхъ

потрясеній, страсти дѣйствуютъ со всею силою; тогда видно; что онѣ произвешь способны — вещь не маловажная для исторіи нашихъ пороковъ и добродѣтелей! 14) Самое же величайшее благодѣяніе состоитъ въ томъ, что война даетъ намъ живо чувствовать выгоды спокойствія мирнаго времени, и вѣроятно по сей причинѣ Природа, добрая мать наша, столь щедрѣ для насъ. Вода застаивается и поршишся, есшьли вѣтры не приводятъ ее въ движеніе; постоянный миръ также по видимому уничтожилъ бы наше блаженство. Безъ сомнѣнія это есть основаніе слѣдующей истины: *зло не есть зло* — истины, которую многіе Мудрецы доказали столь ясно, что даже сами прежде всѣхъ согласились на свои доводы.

Присупимъ къ заключенію. Родъ, челоѣческой испыталъ на себѣ всѣ превращенности невѣжества, злодѣяній, заблужденій. Когдажъ этому будетъ конецъ? можешъ бышь, никогда. Пока люди будутъ управляемы страстями, пока частныя выгоды, перемѣнные законы и предразсудки будутъ ихъ водить туда и сюда; до тѣхъ поръ все будетъ оставаться по старому. Они будутъ или негодьями или лицемерами, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — приговоръ не очень лестный

для человѣческаго рода — и малое число добрыхъ всегда будетъ служить предметомъ сапирь для своихъ собратій. Одинъ великій Писатель думаетъ, что люди въ будущіе вѣки исправятся. Ахъ! можно ли надѣяться, чтобы волкъ превратился въ ягненка? Человѣкъ останется навсегда одинаковъ. Мы должны удивляться и одобрять то, чего не можемъ постигнуть; ибо лучше удивляться, нежели не говорить ничего.

— Знанія и Науки способствуютъ къ просвѣщенію человѣка, а еще болѣе къ укрощенію нравовъ его. Конечно вѣкъ учености и нравственнаго образованія могъ бы смягчить натуру человѣческую; но Науки и Искусства, подобно всему, подвержены разрушенію. Естественныя потрясенія, нашествія варваровъ, продолжительныя войны уже не одинъ разъ приводили свѣтъ въ состояніе хаоса, внутри котораго и внѣ человѣкъ всегда постоянно шествовалъ по пути заблужденій и несправедливости. Кто увѣритъ меня, что будетъ съ Европою черезъ двѣсти лѣтъ?

Но люди не стоятъ труда съ важностію заниматься ими. Наши человѣколюбивыя умствованія никогда не испол-

нятся, а естѣли бы и исполнились, что это не могло бы быть прочнымъ: ибо время изтребляетъ и людей и всѣ ихъ произведенія. Жизнь наша такъ коротка, минушы такъ быстры, что мы, кажется, не опредѣлены ломать голову великими зашѣями. Мы будемъ говорить, что угодно; между тѣмъ Свѣтъ будетъ идти своего дорогою, стремленіе приключеній будетъ увлекать съ собою мудрыхъ и глупыхъ. Пока не исполнятся наши искреннѣйшія желанія для блага человечества, пока здравой разумъ никакой или весьма невеликую власть надъ людьми имѣетъ, пока страсти и сила господствуютъ въ мірѣ; намъ оспаешся съ терпѣніемъ покоряться законамъ существующаго порядка. Скажемъ съ Горациемъ: *Levius fit patientia, quidquid corrigere est nefas*; терпѣніе облегчаетъ то, чего не можно поправить.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

Письмо изъ Лондона.

Мы читали въ Вѣдомостяхъ подъ статьею изъ Вѣны, манифестъ о принятіи Нѣмецкимъ Императоромъ званія Наслѣдственнаго Австрійскаго Императора; видѣли и причины, заставившія его рѣшиться на такой поступокъ. Главная изъ нихъ: по изволенію Божію и по избранію Нѣмецкихъ Курфирстовъ онъ уже возведенъ на такое достоинство, которое не оставляетъ желать ничего. Другія за ними слѣдующія: „МОНАРХЪ Всероссійскій въ изтекшемъ сіюлѣтніи также объявилъ Себя Наслѣдственнымъ ИМПЕРАТОРОМЪ, Нѣмецкія Вѣдомости, назадъ тому нѣсколько времени, не безъ причины говорили, что Дворъ Вѣнскій занимается сближеніемъ ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго съ Гм. Бонапарте. Кажется, что сіе сближеніе не можетъ быть пріятнымъ для Двора Россійскаго.

Когда какой нибудь Государь объявляетъ въ манифестѣ причины, подобныя упомянутымъ, это значитъ, что онъ имѣетъ другія тайныя, которыхъ не смѣетъ или не хочетъ обнаружить. Трудно понять, какія имѣлъ Кабинетъ

Австрійській. Не уже ли въ самомъ дѣлѣ онъ далъ себя въ обманъ замысламъ Французскаго правительства? не уже ли Дворъ Вѣнскій — опасаясь, чшобы новая Конституція, данная отъ Бонапарте Нѣмецкой Имперіи, не ослабила вліянія Австрійскаго на Сеймъ Имперскій — согласился заодно съ Корсиканцемъ, для утвржденія достоинства Нѣмецкаго Императора въ Домѣ Австрійскомъ? Но такой способъ пріобрѣтенія титла Римскаго Императора неприличенъ Главѣ и Монарху столь многихъ Королевствъ и обласпей. Потомство увидитъ, славно ли для Внука Маріи Терезіи, для Племянника Маріи Антуанешты, принять Императорскую вѣнецъ изъ рукъ Гна. Бонапарте. Разсмотримъ поступокъ Австрійскаго Двора въ отношеніи къ выгодамъ политическимъ.

Титло, принятое Францомъ ІІ, не увеличиваетъ могущества и силы политической Короля Венгерскаго и Богемскаго; оно не увеличиваетъ вліянія Австрійскаго Дома на Нѣмецкую Имперію. Сіе вліяніе примѣтнымъ образомъ ослаблено новою Конституціею, данною отъ Гна. Бонапарте Имперскому Корпусу. Чтобы возвратитъ себѣ прежній перевѣсъ, Австріи оставалось соединитъся или съ Рос-

сією или съ Францією. Соединясь съ Францією, она пріобрѣтаетъ одного союзника и многихъ непріятелей; соединясь шѣснѣе съ Россією, получила бы многихъ союзниковъ и имѣла бы одного только непріятеля:

Министрамъ Франца II. не лъзя не знать, что въ Константинополѣ болѣе уважають Россію, нежели Гна. Бонапарте, и что въ разсужденіи границъ Австрійскихъ болѣе должно опасаться отъ стороны Россіи и Туреціи, нежели отъ стороны Франціи:

— Если Министры Франца II. хотятъ, какъ носящся слухи, завести морскую силу въ Австріи; въ такомъ случаѣ гораздо было бы выгоднѣе искашь союза Россіи и Англіи, нежели добиваешь ся благосклонности Гна. Бонапарте, котораго флаги развѣваются у береговъ Франціи, не далѣе:

Нѣтъ сомнѣній, что Дворъ Вѣнскій шеперь въ добромъ согласіи съ Бонапарте, которой увѣрилъ, что если признають его Императоромъ Французовъ, то и онъ съ своей стороны провозгласитъ Императорское достоинство Нѣмецкой Имперіи наслѣдственнымъ для Дома Австрійскаго; что разорветъ связь съ Королемъ Прускимъ; что оиять начнетъ дѣлать Имперію Нѣмецкую, что Австрія полу-

читъ важныя вознагражденія и проч. — Дворъ Австрійскій поступилъ весьма неосторожно, весьма невыгодно для Австрійской Монархіи, естли положилсѣ на сѣи увѣренія.

Россія и Пруссія конечно не допустятъ до новаго раздѣла Германіи, которой былъ бы полезенъ только для Австріи и для Гна. Бонапарте. Министрамъ Австрійскимъ надобно бы догадаться, что Пруссія, находясь въ добромъ согласіи съ Франціею, будетъ хранить строгой неутралишетъ тогда только, естли Австрія останется въ союзѣ съ Россіею, Туреціею и Англіею; но естли Австрія соединится съ Франціею, то Пруссія безъ всякаго сомнѣнія пристанетъ къ Россіи, Туреціи и Англіи.

Одно обстоятельство заставляетъ думать, что Дворъ Вѣнскій поступилъ въ семъ случаѣ согласясь прежде съ Французскимъ правительствомъ, и именно то, что въ новомъ титулѣ Францъ II. не называется себя Герцогомъ Тосканскимъ.

(Изъ Лондон. Кур.)

Извѣстія и замѣчанія.

Новыя происшествія обратили на себя вниманіе и взоры Европы. Прежде болѣе всего говорили о высадкѣ; теперь занимающагося союзомъ Сѣверныхъ Державъ, пригопвленіями къ коронаціямъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, путешествіемъ Папы и проч. Даже Французскія газеты, слѣдовательно и Голландскія, объявили уже, что Г. Бонапарте *не хочетъ* беспокоить Англію до будущей весны. Но любопытные спросятъ: какимъ образомъ перевозныя суда могли бы выдти изъ Булонской гавани, запертой Англійскою эскадрою? Нѣкоторые утверждаютъ, что Бонапарте одними пригопвленіями надѣялся попрыснуть Британскую торговлю. Опытъ показалъ прошивное. Богатый флотъ купеческій привезъ изъ Китая въ Англійскія пристани множество товаровъ, не боясь ни угрозъ Тюильерійскаго Кабинета, ни пушекъ Контръ - Адмирала Линуа, коюрой даль знашь свѣшу, что военная эскадра не всегда можетъ быть страшною для кораблей купеческихъ. Англичане благодарятъ Гна. Бонапарте за то, что принятыя имъ мѣры послужили къ ихъ же пользѣ; они почишаютъ себя обязанными

ему шѣмъ, что свои товары и произведенія Колоній теперь, по его милости, пролаютъ дороже, нежели прежде и сверхъ того на наличныя деньги. Говорятъ, что Англія обременена великими налогами; но не должно забывать о богатствѣ ея, о безчисленныхъ средствахъ увеличивать сумму онаго, о промышленности ея жителей, о мудрости ея правленія и довѣренности народа къ верховной власти. Нѣсколько Англійскихъ фрегатовъ и куптеровъ содержатъ въ осадѣ тысячу судовъ, назначенныхъ для разоренія цѣлаго Королевства. Георгъ III. имѣлъ причины сказать народу, окружившему Его въ Веймутѣ: „надѣйтесь на деревянные стѣны Англіи!“

Жеромъ Бонапарте съ своею супругою, дочерью купца Пеперсона, теперь находится въ Бостонѣ, живетъ пышно и пользуется особеннымъ уваженіемъ тамошнихъ жителей. Известно, что нынѣшней Владѣтель Франціи братьевъ своихъ Люсьеня и Жерома не удостоилъ наименовать Императорскими Принцами. Англійскіе Журналисты, которые не пропускаютъ случая пошутить на счетъ новой Династїи, пишутъ слѣдующее: „Жеромъ безъ Сенатскаго опредѣленія играетъ ролю

Принца въ Америкѣ такъ точно, какъ братъ его по Сенатскому опредѣленію представляеть лице Императора въ Европѣ. Изъ всего видно, что супруга его равнымъ образомъ объявитъ себя Наслѣдственной Принцессою.“ — Гроза собирается надъ головою Полковника Бурра. Присяжные объявили его виновнымъ въ убійствѣ Генерала Гамильтона а секундантовъ его соучастниками. Общество *Динциннатовъ* Новаго - Йорка письменнымъ отношеніемъ ко вдовѣ Генерала изъявило свою печаль о потерѣ незабвеннаго гражданина. — Ужасы на островѣ Сен - Доминго еще не прекратились. Негры, возненавидѣвшіе Мулатовъ, которыхъ почишають главною причиною убіенія Бѣлыхъ, умертвили множество ихъ въ городѣ Ансѣ, шамѣ, гдѣ началось пораженіе Европейцевъ.

Вонапарте угощаетъ теперь въ Майнцѣ высокихъ своихъ Посѣпителей: Курфирста Архиканцлера и Курфирста Баденскаго. 24 Сентября происходили важныя сношенія между помянутыми Особами, другими Нѣмецкими Князьями и Посланниками Дворовъ чужестранныхъ. Есть ли правда, что предметомъ сихъ сношеній были нѣкоторыя перемены въ Нѣмед-

кой Имперіи, то можно рѣшительно утверждать, что новыя произшествія дадутъ новой видъ дѣламъ политическимъ. — Полагаютъ, что Бонапарте скоро отправится изъ Майнца; но никто не знаетъ, когда и куда онъ поѣдетъ, исключая Генерала Монсея, которому поручены путевыя распоряженія. День новаго республиканскаго года въ Парижѣ праздновали въ тишинѣ и молчаніи; не было пушечной пальбы, ни театраль-ныхъ зрѣлищъ, ни публичныхъ игръ на площадяхъ и поляхъ Елисейскихъ Садъ Тюильерійскій, которой въ праздничные дни обыкновенно бываетъ наполненъ народомъ, въ сіе время былъ совершенно пустъ. Почитаютъ за достоверное, что съ 1 го Января начнется лѣтосчисленіе по прежнему. Французскій Посланникъ при Батавской Республикѣ, Г. Семонвиль, находится теперь въ Майнцѣ; а Батавской, Г. Шиммельпенникъ, отправляется въ Гагу, гдѣ собранъ Государственный Совѣтъ. Дѣло идетъ о сочиненіи новой Конституціи для Голландіи. Бонапарте, такъ пишутъ во Французскихъ вѣдомостяхъ, нарочно опозвалъ Посла своего изъ Гаги, для показанія, что онъ не имѣетъ никакого участія въ Конституціи. Однакожь всѣмъ извѣстно,

что въ Голландіи остался Генераль Мармонъ съ двадцатью тысячами штыковъ въ залогъ попеченія Французскаго правительства о благѣ Батавской Республики.

Изъ Испаніи получаютъ вѣсти самыя непріятныя. Въ Бискаи, Аспуріи и Галиціи, открылось явное возмущеніе; двадцать тысячъ бунтовщиковъ подняли оружіе противъ правительства. По другимъ же новѣйшимъ извѣстіямъ видно, что сіи безпокойства прекращены совершенно. Свирѣпствующая въ Маллагѣ желтая лихорадка въ продолженіи одной недѣли похишила около 3000 человекъ. Консулы Генуезскій и Португальскій, многіе Лѣкари и аптекари, оставшіеся въ городѣ, содѣлались жертвою сей болѣзни. Бывшее 25 го Августа землетрясеніе въ Мадридѣ разрушило три церкви и многіе дома.

Французскій Повѣренный въ дѣлахъ выѣхалъ изъ Спюктольма. Въ Швеціи приготавливаютъ Калмарской замокъ для принятія въ немъ Лудовика XVIII. Известно, что Французскіе Принцы, находившіеся въ Англіи, также предпринимаютъ путешествіе въ Швецію для нѣкоторыхъ важныхъ переговоровъ. Въ Сѣвер-

ныхъ провинціяхъ сего Королевства бури причинили великія опустошенія. Къ рѣдкимъ физическимъ явленіямъ отнести должно падавшій градъ различной величины: самая меньшія градины были съ куриное яйцо.

Графъ Заубескари опять намѣренъ испытать свое щастіе. Онъ скоро предприметъ третіе воздушное путешествіе вмѣстѣ съ тремя своими пріятелями. — Везувій пересталъ извергать лаву.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ 1804.

№ 20.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Двойни,

или нѣжная дружба двухъ сестеръ.

Similissima coppia e che sovente
Esser solea cagion di dolce errore.

Jerus. liber. T. Tasso.

Естьли любовь возпламеняется среди пышности и блеска шумныхъ обществъ, то дружба вѣрная раждается и возрастаетъ въ тишинѣ уединенія между людьми, не удалившимися отъ первобытной простоты нравовъ Патриархальныхъ. Естьли два существа добродѣтельные, по сопряженіи бытія своего, могли соспавить одну душу, то конечно не страсть быстрая и непостоянная была основаніемъ ихъ связи прочной, неразрывной; чшобы

произвести ее, пошребно такое чувство, которое раждается во младенчествѣ, усиливается въ юности, укрѣпляется въ зрѣлыхъ лѣтахъ и продолжается до гроба. Повторяю: шолько въ нѣдрѣ невинности симпатія и навикъ производятъ сей союзъ, въ тихомъ уединеніи, въ удаленіи отъ сценъ блестящихъ и опасныхъ, гдѣ самолюбіе и всѣ буйныя спраси спорятъ о преимуществѣ, гдѣ каждая изъ нихъ желаетъ господствовать. Какія слѣдствія будешь имѣть такая совершенная дружба? Огорченія томительныя и неизбѣжныя, но вмѣстѣ съ ними сладостныя, чистѣйшія движенія души, чувствованія самыя нѣжныя, самыя благородныя, къ какимъ шолько способно челоувѣческое сердце. Вотъ картина, которой хочу сдѣлать легкое начертаніе; неимѣю оной передъ глазами — какая нужда! Воображеніе и чувствительность безъ образцовъ могутъ писать прелестныя картины; сердце не занимается отъ идеала, не изобрѣтаетъ: оно шолько угадываетъ и открываетъ. Еслили повѣствованіе трогаетъ — тогда можно ручаться за его справедливость.

Въ срединѣ Шинделинга, одного изъ самыхъ дикихъ Кантоновъ Швейцаріи, на мѣстѣ живописномъ, окруженномъ холма-

ми и рощами, пересѣкаемомъ ліющимися съ горъ испочниками, и теперь еще видны развалины замка, споявшаго на берегу Лаверзерскаго озера. Пунешествующіе изъ Эйнзидельна въ Цугъ всегда останавливаются въ сей пустынѣ, чтобы любоваться рѣдкими, разительными видами. Замокъ опустѣлъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ; всѣ остатки его возбуждаютъ трогательныя напоминанія; вездѣ видно имя Савиніи, два раза повторенное; оно одно составляетъ все украшеніе развалившагося кабинета, въ которомъ на стѣнахъ и панеляхъ написаны сіи имена, не разлучно соединенныя подъ гирландами; онѣ вырѣзаны почти на всѣхъ деревьяхъ. Въ обгороженномъ мѣстѣ, бывшемъ нѣкогда садомъ, находятся изломанныя решетки, переплешенныя виноградными листьями; подъ ними стоить каменная скамейка, съ надписью: *Рощица Савиній*. Разпроганный пунешественникъ съ душевнымъ удовольствіемъ ступаетъ по слѣдамъ незнакомыхъ существъ, которыя жили въ семъ дикомъ уединеніи и нѣжно любили другъ друга. Опустѣвшее жилище потчасъ показываетъ, что *Савиній* нѣтъ уже на свѣтѣ; но пріятно сердцу искасть сельскихъ памятниковъ ихъ нѣжной дружбы. На концѣ звѣрица представляются

развалины прекраснаго зданія. Надпись увѣдомляетъ, что сіе зданіе было нѣкогда храмъ счастья, воздвигнутый Савиніями; три статуи украшали его внутри; теперь остались только pedestals съ надписями: *Невинность, Юность, Дружба*. Отъ развалинъ храма счастья ивовая аллея ведетъ къ гробницѣ . . . . Это гробница Савиній. Прахъ ихъ покоится подъ утесомъ, обросшимъ сѣдымъ мохомъ; онъ сползъ на берегу озера и повторяется на зеркальной его поверхности. Два тополя, посаженные вмѣстѣ на берегу, наклоняются одинъ къ другому, и кажутся, обнимаясь взаимно гибкими вѣтвями, образуютъ сводъ надъ гробницею. Сей меланхолическій утесъ не страшень для плаващеля, которой не только не боится его, но часто, увидѣвъ его издалека, пристаетъ у сихъ береговъ пусынныхъ. Мирные пасухи пріямно отдыхаютъ на вершинѣ утеса; тамъ, наслаждаясь прохладою подъ тѣнію тополей, они слѣдуютъ взорами за стадомъ и стерегутъ его. . . . И я, путешествуя по Швейцаріи, мечтала на утесѣ Савиній; и я плакала надъ ихъ могилою! Трогательное преданіе, слышанное мною въ разсѣянныхъ хижинахъ Шинделинга, есть основаніемъ слѣдующей исторіи:

Антонія родилась въ Женевѣ ; у нее была старшая сестра — единственнѣйшій предметъ любви ихъ матери ; Антонія , жертва несправедливаго приспращенія , большую часть молодости своей провела въ слезахъ и горести. Одинъ родственникъ съ матерней стороны , живо тронутый ея положеніемъ , снискалъ довѣренность ея ; но Мюльсенъ (это имя его) рѣдко прѣзжалъ въ Женеву. Надѣясь наследовать имѣніе своего дяди , жившаго въ Шинделингѣ , онъ почти все время проводилъ съ нимъ въ сей пустынѣ. Сестра Антоніи , получивъ все имѣніе , вышла за-мужъ за человека богатаго. Скоро потомъ несчастная Антонія лишилась матери и осталась сиротою , имѣя отъ роду двадцать три года , безъ достатка , безъ наставника , но не безъ утѣшенія : у нее былъ другъ. Мюльсенъ поспѣшилъ прѣхать къ ней , отеръ слезы ея , предложилъ ей — болѣе нежели любовь — совершенное почтеніе , вѣрную дружбу. Антонія приняла руку его и съ радостію удалилась навсегда въ пустыни Шинделинга. Дикое обиталище не заставило ее печалиться. Спарой дядя , встрѣтивъ ее съ радостію , сказалъ : „ты будешь здѣсь царицею , будешь любимою.“ Доброю опшельникъ умѣлъ гово-

ришь съ женщинами; и чего оставалось желать той, которая, живучи въ домѣ матери, была чужою?

Людвиль (такъ назывался дядя Мюльсенева) былъ шестидесятилѣтній холостой старикъ; беспечность, лѣность и кротость, были основаніемъ его характера: миръ и тишину онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ; никогда не хотѣлъ жениться, именно для того, чтобы ничѣмъ не нарушить своего покоя. Хотя онъ былъ вовсе неспособенъ къ лживости и притворству, но свѣтъ судилъ о немъ иначе: всѣ наружности его были обманчивы. Его почитали Философомъ, потому что уже десять лѣтъ онъ жилъ въ уединеніи; а въ самомъ дѣлѣ онъ избралъ сей родъ жизни по одной беспечности; ему было туть хорошо, и для того онъ не заботился о другомъ жилищѣ. Важность и разсудительность изображались на лицѣ его; всѣ почитали его человекомъ глубокомысленнымъ, хотя онъ во всю жизнь не предавался размышленію; даже думали найти въ немъ нѣчто романтическое, видя его нерѣдко бродящаго по утесамъ и по берегу озера; но въ самомъ дѣлѣ онъ искалъ ручейковъ и потоковъ единственно для того, чтобы наслаждаться прохладою; останавливался на зеленой муравѣ для того, чтобы

полежать и заснуть. Не будучи способнымъ къ истинной привязанности, онъ былъ любезенъ и снисходителенъ, и отъ того прослылъ шарикомъ чувствительнымъ. Онъ никогда не бранился, потому что это непріятно, тяжко; лучше любилъ прощать, не входя ни въ какія изъясненія, нежели горячиться, или скучать. Являлся ли несчастный съ прозьбою о пособіи — онъ немедленно помогалъ ему, и именно для того, чтобы поскорѣе избавиться отъ непріятнаго впечатлѣнія. Никому не приходило въ голову почищать его человѣкомъ взыскательнымъ; казалось, что онъ совсѣмъ не хочетъ первенствовать; а въ самомъ дѣлѣ подчинялъ себя всѣхъ окружающихъ. Когда осматривали его, онъ не жаловался, не показывалъ смущенія; но лишь только возвращались къ нему, онъ былъ такъ веселъ, такъ шаспливъ, что тотъ упрекалъ себя, кто уходилъ отъ него, хотя на самое короткое время. Еслили кто изъяслялъ ему уваженіе, усердіе; онъ казался такъ тронутымъ, столько говорилъ о томъ, въ такія выраженія свидѣтельствовалъ свою благодарность, что никакъ не лъзя уже было послѣ того обмануть его уверенность. Наконецъ, по расположенію характера своего, онъ нечаянно открывалъ важ-

ную шайну украшать эгоизмъ завѣсою скрытности и управлять тѣми, которые жили съ нимъ вмѣстѣ, не только безъ принужденія, но еше заставляя любить себя.

Людвиль искренно обрадовался прибытію Антоніи: его домоправительница была стара и нездорова; шецерь принапельная племянница должна имѣть о немъ попеченіе. Въ самомъ дѣлѣ, все переиѣнилось въ замкѣ, все спало веселѣе, все ожило въ немъ; вдругъ увидѣли во всемъ порядокъ и опрятность; какая-то пріятная наружность тотчасъ давала чувствовать, что есть хозяйка въ домѣ; было примѣтно, что обитаетъ въ немъ женщина. Старой дядя имѣлъ лучшій присмотръ, лучшую услугу, и каждой день не переставалъ хвалить Антонію, каждой день поздравлялъ своего племянника съ такою доброю женою. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Антонія ощутила беременность. Будучи отъ природы весьма нѣжною, не знавъ никогда любви, она сильно желала имѣть дѣтей; напередъ чувствовала, какъ спрасно будетъ любить ихъ, и обѣщалась установить между ними совершенное равенство: она не забыла о несправедливостяхъ, которыя терпѣла отъ своей матери.

Тогожь года при концѣ осени, Антонія родила двухъ прекрасныхъ дѣвочекъ, копорыя сполько были похожи одна на другую, что въ самую минушу рожденія надлежало опличить ихъ знакомъ, для предупрежденія замѣшательства. Скоро потомъ отдали ихъ на руки матери и оставили ее одну съ младенцами. Тогда Антонія, смотря на нихъ съ чувствомъ неизъяснимой любви и радости, сказала: „Милыя, невинныя творенія! Небо услышало мои молитвы, и произвело васъ на свѣтъ для того, чтобы быть равно любимыми. Ахъ! желаю всегда ошибаться въ васъ, желаю не полагать для васъ различія въ моемъ сердцѣ. Хочу, чтобы самые законы не могли дать вамъ преимущества одной передъ другою. . . . уничтожаю между вами право старшинства, причинившее мнѣ сполько горести. . . .“ Говоря сіе, Антонія развязала ленты, копорыя различали дочь старшую отъ младшей; въ то самое время вошли дядя и мужъ ея, и Антонія объявила, что бравши попеременно дѣтей на руки, она смѣшала ихъ, и теперь совсѣмъ не знаетъ, которая дочь старшая. Думали, что она сдѣлала это изъ легкомыслія, досадовали, побранили ее; но пособить было нечѣмъ.

Антонія рѣшилась сохранить равенство между дѣшми, и хотѣла, чтобы онѣ носили одно имя. Ей говорили, что тогда совершенно не лзя будетъ различить ихъ; она отвѣчала, что ей того-то и надобно. Малюткамъ дали имя Савини, празднуемой Святой 19го Октября, то есть, того дня, въ которой онѣ родились. Одна грудь материнская кормила обѣихъ дочерей; ихъ воспитывали въ такой любви взаимной, что лишь только одна сестра начинала плакать, тотчасъ и другая заливалась слезами. Сіе побужденіе Натуры и чувствительности ежедневно обнаруживалось въ нихъ; время и возрастъ усиливали дружбу, утверждаемую попеченіями Антоніи и сходствомъ ихъ склонностей и характеровъ. Все было общее между ними: игрушки, платье, даже награды и наказанія. Если одна дѣлала въ чемъ иибудь проступокъ, мать взыскивала съ той, которая на глаза попадалась, и дитя не старалось оправдываться, хотя и не знало вины за собою: ихъ пріучили думать, что та и другая были одно и то же безъ всякаго различія; слѣдственно онѣ не почитали себя въ правѣ говорить: *это не я*; сверхъ того, когда наказывали одну сестру, другая шерпѣла не менѣе. Ничто не могло

возбудить въ нихъ зависть; онѣ равно обожали мать свою, которая, не смотря на необыкновенное сходство, могла различать ихъ, но всегда показывала видъ, будто не умѣетъ и не старается распознавать.

Лаская одну изъ нихъ, она обыкновенно говорила: „Знаю, что Савинія теперь сидитъ на моихъ колѣняхъ, но не знаю, которая изъ двухъ; какая нужда! я обѣихъ люблю съ одинакою нѣжностію.“ Одна была умнѣе и имѣла лучшую память; но имъ никогда не давали разумѣть, что это примѣчаютъ. Не рѣдко та, которая тверже знала урокъ, сказывала его вмѣсто сестры своей, и не только безъ умышленного намѣренія обмануть, но еще съ чистосердечнымъ признаніемъ: „сестрица не могла выучить, я успѣла болѣе; все равно!“ — и въ этомъ соглашались съ нею. Иногда Антонія говорила другой: „будь и ты также прилѣжна, чтобы въ случаѣ могла оказать сестрѣ твоей такую же услугу.“ Сего увѣщанія довольно было возбудить въ нихъ живѣйшее соревнованіе; обѣ учились съ такими успѣхами, какихъ только мать желать можетъ. Сходство въ нихъ было чрезвычайно; не лзя было хвалить красоту одной, такъ чтобы по-

хвала не принадлежала обѣимъ. Онѣ имѣли голосъ совершенно одинакой: когда одна пѣніемъ плѣняла слушателей, тогда и другая участвовала въ рукоплесканіяхъ. Онѣ, такъ сказать, слились въ одно существо, и безпрестанныя ошибки, къ которымъ онѣ подавали поводъ, ни забавляли, ни изумляли ихъ; словомъ, не были уже для нихъ ошибками; имъ казалось, что тошѣ не ошибался, кто почиталъ ихъ за одну особу; я, мой, моя, не только были словами неупотребительными между ними, но совершенно забытыми. Антонія всячески спаралась усилить въ нихъ взаимную любовь, укореняя въ сердцахъ ихъ сей пріятный обманъ. Болѣзни, которымъ онѣ подвергались въ одно и то же время, навсегда утвердили въ нихъ увѣренность въ существованности физической *симпатіи*. Воображеніе и чувствительность довершили убѣдить ихъ въ истинѣ сея мечты; если одна падала, другой казалась, что чувствуетъ, и чувствовала въ самой дѣлѣ боль отъ удара; удовольствія и прискорбія, взаимно ощущаемыя, были узломъ ихъ дружбы. Наконецъ онѣ обѣ совершенно увѣрились, что нишъ жизни ихъ была нераздѣльная, единственная, и что по непремѣнному, таинственному

закону Природы, смерть ихъ должна быть также общая. Такая необыкновенная связь восхищала Антонію, устрашала Мюльсеня, приводила въ недоумѣніе Людвилья, которой всегда жилъ только самъ для себя и часто говариваль: „я шупь ничего не понимаю.“ — Ахъ! какъ онъ щаспливы! восклицала Антонія. „Но что съ ними будетъ,“ спрашиваль благоразумный Мюльсень, „если судьба разлучитъ ихъ?“ . . . Ахъ! можно ли безпокоиться, наслаждаясь блаженствомъ истиннымъ, чистѣйшимъ? Совмѣстна ли предприимчивость съ пламенною чувствительностію? Такъ! женщина должна бышь управляема мужчиною; ему одному принадлежитъ благоразуміе. Кто имѣеть способность судить и предвидѣть слѣдствія, тотъ рожденъ наставлять другихъ.

Антонія была щасливою матерью и супругою. Мюльсень нѣжно любилъ ее; они довольны были другъ другомъ и жили въ совершенномъ согласіи. Одинъ Людвиль, со времени рожденія *Савиній*, былъ недоволенъ; имъ менѣ стали заниматься. Антонія почти всѣ минуты посвящала на воспитаніе дочерей своихъ, которыя съ своей стороны обнаруживали нѣжную привязанность преимущественно

къ матери и къ Мюльсеню; какая - то ревность тайно мучила снараго дядю. Имъ занимались съ нѣжною попечительностью; но онъ требовалъ исключительной привязанности. Онъ сдѣлался печальнымъ и угрюмымъ; узналъ наконецъ собственнымъ опытомъ, до какой степени эгоизмъ унижаетъ старость. И для чего человѣку, стоящему на краю могилы, лишившемуся пріятностей, дарованій, силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, недовольствоваться должнымъ уваженіемъ, данною справедливой признашельности и почтенія? для чего требовать исключительной, единственной привязанности?

Между тѣмъ обѣ сестры вступили на шестнадцатой годъ возраста; обѣ равноцвѣли красою плѣняющею; сходство ихъ столь же было удивительно, какъ и прежде; одинакія черты, станъ, ростъ, голосъ, заставляли каждого ошибаться, кромѣ матери. Однакожъ, смотря прищально и сравнивая съ крайнею примѣчательностью, можно было видѣть, что одна была прекраснѣе, имѣла болѣе пріятности, нежели другая; образъ ея былъ самымъ лучшимъ произведеніемъ Натуры, совершенною картиною, которой другая сестра казалась точною копіею. Впрочемъ сіе различіе не могло бытъ примѣтно для

глазъ обыкновенныхъ , или невнимательныхъ. Бывъ восплашаны въ пустынномъ уединеніи , онѣ никого не видали , кромѣ своихъ родителей , слугъ и грубыхъ поселянъ; никому не было нужды сравнивать ихъ. Живучи въ обществѣ , онѣ не имѣли бы ни одинакихъ характеровъ , ни одинакихъ чувствованій : каждой изъ нихъ безпрестанно твердили бы , что она прекраснѣйшая , любезнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ , и каждая наконецъ увѣрилась бы въ томъ , или по крайней мѣрѣ пожелала бы быть такою. Но проводя жизнь въ сельской , невинной простотѣ , онѣ не имѣли понятія о завистливой ревности ; ни одинъ разъ такая мысль въ голову имъ не приходила. Онѣ были въ томъ возрастѣ , въ которомъ страстная взаимная привязанность соединяетъ въ себѣ младенческое простосердечіе съ стремительною , благородною чувствительностію лѣтъ юныхъ. Ахъ ! какъ сладостно любить въ щасливомъ невѣдѣніи о непоспоянствѣ и неблагодарности ! *Савиніи* любили другъ друга съ совершенною безпечностію : рѣшась никогда не разсаваться , онѣ думали , что самая смерть не могла разлучить ихъ ; вѣрили , что жизнь одной сестры естественна сопряжена была съ бытіемъ другой. Сія увѣренность

произвела между ними нечто магическое, ибо привязанность къ жизни и къ сохраненію бытія своего — сей эгоизмъ, такъ сказать, непобѣдимой — была твердымъ основаніемъ взаимнаго соучастія и преданности неограниченной. Не признательность сопрягала ихъ: нѣтъ! истинная дружба не основывается на благодарности. Имѣли ли въ ней нужду симпатія неизъяснимая? Кто любитъ, тотъ не почитаетъ себя одолженнымъ; онъ думаетъ, что все съ его стороны заплачено; и надобно ли благодарить за такія благодѣянія, которыя не стоили никакого принужденія, никакихъ усилій; за благодѣянія, которыя не удивляютъ того, кому оказываются? Обѣ сестры любили одна другую, какъ любятъ можно самого себя; если бы одна подвергала жизнь свою опасности для спасенія другой, она была бы уверена, что дѣлаетъ это для собственной пользы, и въ самомъ дѣлѣ повиновалась бы влеченію непобѣдимому. Онѣ такъ хорошо знали самихъ себя, столь сходныя имѣли чувства, что не требовали другъ у друга совѣша и мнѣнія: каждая напередъ угадывала ихъ. Живучи всегда вмѣстѣ, онѣ ни на одну минуту не разставались безъ того, чтобы не случать, и въ разлукѣ никакъ не могли бытъ спо-

койными, не могли ничѣмъ забавляться. Восхищительное зрѣлище не веселило ихъ, естли онѣ были не вмѣстѣ. Лучшая забава ихъ состояла въ провозденіи прекрасныхъ лѣпныхъ вечеровъ на каменномъ утесѣ, которой послѣ названъ ихъ имениемъ, на берегу озера Лаверзерскаго. Антонія, съ первыхъ дней прибытія въ Шинделингъ, восхищалась симъ мѣстомъ, покрытымъ мохомъ и зеленью; на вершинѣ утеса была площадка, на которой два человека могли помѣститься съ удобностью. Какой видъ открывался взорамъ! съ одной стороны прелестныя долины, съ другой озеро, омывающее подошву утеса. Антонія и Мисльсень сначала не рѣдко провождали тамъ радостныя минуты. Въ день рожденія дочерей, мать посвятила сей утесъ любимымъ малышкамъ, велѣла посадить на берегу два пополя и вырѣзать на камнѣ имена Свиннѣ. Обѣ сестры украсили сіе дикое мѣсто, которое любовь дѣтская и дружба сдѣлала для нихъ столь милымъ; кусты розовые и лилейные увѣнчали вершину утеса; вѣрланды изъ листьевъ виноградныхъ и душистой жимолости соединили оба пополя, и каждой день прекраснаго времени года сіи дерева, эмблема братской нѣжности, были украшаемы свѣжими цвѣ-

тами; не щадили ни луговъ, ни цвѣтничковъ для сего употребленія. Весь утесъ, усыпанный листками розъ, представлялъ огромный стогъ цвѣтовъ, которой можно было почестъ прономъ Флоры. Тамъ Савиніи проводили цѣлые часы въ разговорахъ о своемъ щастіи; тамъ сочиняли невинные планы, не дальновидные (кто въ щастіи занимается будущимъ?), но для завтрашняго дня, или для вечера. Часто пѣли романсы; любили смотрѣть на гладкую поверхность озера, повторяющаго разные предметы въ прозрачной, тихой водѣ своей; иногда одна, наклонясь впередъ и смотрясь въ зеркалъ водъ, говорила улыбаясь: „я на тебя смотрю; сестрица!“ — „Точно, милая моя! это я!“ отвѣтствовала другая.

Объ Савиніи каждой день попеременно что нибудь читали спарому Людвилю; между тѣмъ, какъ одна занималась чтеніемъ, другая, по приказанію Антоніи, гуляла въ саду. Въ одно утро, юная Савинія, сидя на берегу обширнаго водоема, смотрѣла на маленькаго сына садовникова, которой шагахъ въ тридцати отъ нее рѣзвился. По несчастію, мальчикъ упалъ въ воду, которая хоша была не глубже трехъ футовъ, но четырехлѣтнему младенцу необходимо надлежало

бы упонуть, еспьли бы Савинія съ бы-
строю молніи не бросилась къ бассейну
и не выпатила дитяши, въ то самое
время, когда мать въ безпамяшствѣ бѣ-
жала, чтобы спасти его. Савинія опи-
дала ей младенца. Мать, исполненная
чувствомъ благодарности, упала къ но-
гамъ ея и, заливаясь слезами, говорила:
„скажице, милоспивая Государыня, ко-
му я обязана избавленіемъ моего сына?“ —
Какъ! развѣ ты не знаешь, что я одна
изъ Савиній? — „Такъ, милоспиная госу-
дарыня! но скажице, которая изъ двухъ?
какъ разпознашь васъ? Пожалуйце мнѣ
какой нибудь знакъ, чтобы я могла раз-
личить васъ отъ сестрицы.“ — Отъ
моей сестрицы? а на что? — „Мнѣ на-
добно знашь, кто спасъ отъ смерти мо-
его сына.“ — Я, или сестрица, развѣ
это не все равно? — „Для меня не все
равно.“ — Сей отвѣтъ показался Савиніи
споль страннымъ, что она причла его
къ простодушію поселянки, улыбнулась
и сказала: „будь увѣрена, добрая Марья,
что между Савиніями нѣтъ никакой роз-
ницы.“ — Какъ! не однѣ ли вы избави-
ли моего сына? — „Сестрица, будучи
на моемъ мѣстѣ, сдѣлала бы то же.“ —
Однакожь я должна благодарить васъ. —
„И сестрицу.“ — Васъ болѣе. — „Вижу,

какъ трудно вразумишь тебя. Послушай, естли ты не любишь сестрицы столько же, сколько меня, то я стану почищать тебя неблагодарною.“ — Ахъ, нѣшъ, сударыня! я знаю, чѣмъ вамъ обязана. — „Слѣдственно, ты должна равно любить обѣихъ Савиній.“ — Сударыня! естли бы вы чѣмъ нибудь обидѣли меня, должна ли бы я была сердиться на вашу сестрицу? — „Какое сравненіе! развѣ мы способны обижать? развѣ мы злы?“ — Совсѣмъ нѣшъ; но естли бы одна изъ васъ, естли бы на примѣръ, ваша сестрица была такою?.. — „Тогда мы не былибъ уже Савиніи; тогда не былибъ мы одно и то же.“ Говоря сіе, она подходила къ воротамъ замка и поспѣшно скрылась, желая переменить измокшее плащье.

Въ одинъ прекрасной вечеръ, Савинія, сидя на любимомъ своемъ утесѣ, были свидѣтельницами панномимной сцены, которая живо пронула ихъ обѣихъ. Противъ утеса, на другомъ берегу озера, стояла уединенная хижина, освняемая густыми лианами и окруженная прекраснымъ садомъ; Савиніи знали, кому она принадлежала. Въ ней жила старая вдова съ двумя внучками, изъ которыхъ одна, недавно вышедшая за-мужъ, должна была

въ тошъ же самой день оставишь отече-
ственной берегъ и отправиться вмѣстѣ
съ супругомъ своимъ въ деревню, отстоя-
щую въ двадцати миляхъ отъ прежняго
ея жилища. Савинїи, смотря изъ дали, видѣ-
ли вдову, зяпя и обѣихъ дочерей, выходя-
щихъ изъ хижины и медленно приближаю-
щихся къ озеру, гдѣ находилась привязан-
ная къ засохшему пню старой ивы лодка,
на которой обоимъ супругамъ надлежало
переправляться. Старая вдова и ея дочери
обнимались съ рыданїемъ. Младшая се-
стра новобрачной въ минуту разлуки
вскочила въ лодку, чшобы еще разъ при-
жать къ своему сердцу милую подругу
дѣтства. Наконецъ должно было разлу-
читься, и лодка отвалила отъ берега.
Новобрачная, вся въ слезахъ, простирала
руки къ первымъ предметамъ любви сво-
ей, къ мирной хижинѣ, въ которой оста-
лась колыбель ея; теперь она предалась
бурнымъ волнамъ непосюяннаго озера,
разлучилась съ милою родиною, гдѣ въ
невинности прошекли щастливѣйшіе дни
ея жизни; теперь плыветь въ страну
незнакомую, чувствуетъ въ сердцѣ по-
мительное безпокойство о будущей судь-
бѣ своей. . . . Сїе зрѣлище сильно тронуло
Савинїй. „Ахъ!“ сказала одна изъ нихъ:
„какъ мнѣ жаль несчастную, разлучае-

мую съ кровомъ родительскимъ! О сестрица! что будетъ съ нами, естли насъ? . . .“ — Можно ли насъ равняшь съ сестрами не-двойнящи! какой варваръ захотѣлъ бы разлучить насъ? — „Жребій нашъ одинаковъ; естли намъ должно будетъ перемѣнить соспояніе, то мы вмѣстѣ въ одно время поклянемся предъ олтаремъ и никогда не оставимъ дома родительскаго“. — Говоря сіи слова, она увидѣла вдали лодку, плывущую къ ихъ берегу; озеро волновалось, внезапно поднявшійся сильной вѣтеръ съ стремленіемъ гналъ лодку по влажной спихи (*). Спустия не много, можно было разпознать сидящихъ въ лодкѣ, стараго гребца, и съ нимъ молодаго человека, изрядно одѣтаго и собою очень милвиднаго. Между тѣмъ небо пошеменилось, горизонтъ покрывся тучами течинобагровыми; вылетающія изъ нихъ молніи, повторяясь въ озерѣ и мгновенно проводя на немъ яркія бразды, казалось, усугубляли блескъ свой. Воды, отражая огонь небесной и волнистой образъ облаковъ, представляли зрѣлище горящаго моря, которое въ бурной колебаніи угрожало погибелію скудельной

(*) Швейцарскія озера весьма опасны; лодки часто погибають въ нихъ.

лодки. Савиніи отъ всего сердца желали спасенія плавателямъ; движимыя страхомъ и состраданіемъ, онѣ обѣ спали на колѣна и молились за несчастныхъ. . . . Вдругъ вѣтеръ заревѣлъ съ сугубымъ напряженіемъ, и лодка скрылась подъ волнами, въ пяти шагахъ отъ берега. . . . Савиніи вскричали отъ ужаса; но скоро увидѣли на поверхности воды молодого человека, плывущаго къ утесу. Тогда одна сестра поспѣшно побѣжала искать помощи; другая оспалась на мѣстѣ, чтобы предложить плавателямъ гостепріимство въ замкѣ. Между тѣмъ незнакомой, почти достигши берега, оглядывается и, видя, что парой гребецъ лишился силъ, возвращается назадъ, беретъ его за руку и, спасши собственную жизнь, имѣетъ сугубое щастіе избавить отъ смерти себѣ подобнаго. Онъ выходитъ на берегъ у подошвы утеса. Трепещущая Савинія изъясляетъ радость свою трогательными воплями. Чужестранецъ возводитъ взоры на гору, съ удивленіемъ видитъ прекраснѣйшую дѣвицу, стоящую на семъ величественномъ тронѣ Флоры, и преклоняетъ колѣна передъ нею. Савинія, съ невиннымъ простосердечіемъ, съ чувствомъ нѣжнаго участія, проспиритъ къ нему руки, смѣется и

плачетъ отъ восхищенія. . . „Существо небесное!“ восклицаетъ незнакомецъ : „я причиною слезъ твоихъ ; Небо , услышавъ твои молитвы , спасло меня.“ . . Въ сію минуту другая Савинія прибѣгаетъ на берегъ вмѣстѣ съ своими родственниками и слугами, копорые, безпокоясь объ юныхъ есипрахъ, повсюду искали ихъ во время бури. Савинія повстрѣчалась съ ними и привела ихъ къ утесу. Чужестранецъ, стоя на колѣняхъ, не сводилъ глазъ съ Савиніи, стоящей на верьху утеса; съ благоговѣніемъ внималъ словамъ ея, и вдругъ услышалъ подлѣ себя тотъ же нѣжный, плѣнительной голосъ. Приглашали его идти въ замокъ. Онъ поднимается съ шрепетомъ, цепеишетъ отъ изумленія, видя предъ собою другую Савинію. . . опяшь смотритъ на утесъ — и тамъ тотъ же образъ . . . . „Какое непостижимое чудо!“ восклицаетъ онъ : „Природа, обрадовавшись совершенству своего творенія, захотѣла произвести другое, подобное ему, и произвела два образца неподражаемые!“ . . .

Антонія и Мюльсенъ, подошедъ къ чужестранцу, узнали отъ него, что онъ родомъ изъ Женевы, путешествуетъ по Швейцаріи изъ любопытства и называешся Вальривомъ. Мюльсенъ уважалъ

отца его; онъ весьма обрадовался знакомству съ молодымъ человекомъ, котораго наружной видъ обѣщалъ много хорошаго. Вальрива и стараго лодочника привели въ замокъ и приняли со всѣми знаками благодѣтельнаго гостепрїимства. Вальривъ не спускалъ глазъ съ обѣихъ сестеръ; ему хотѣлось узнать, которая изъ нихъ на утесѣ проливала радостныя слезы о его избавленїи; но невозможно было различить сестеръ, и никакъ не могъ объявить ему вѣрнаго къ тому средства. На вопросы его отвѣчали, что обѣ сестры имѣютъ одно имя, что старшей нѣтъ между ними.... Вальривъ находился въ крайнемъ недоумѣнїи... Сѣли за столъ. Вальривъ занялъ мѣсто противъ Савинїи, смотрѣлъ на нихъ съ великимъ вниманїемъ и сравнивалъ; наконецъ ему удалось примѣтить въ лицахъ сестеръ нѣкоторую разницу. Восхищаясь новымъ открытїемъ своимъ, онъ сильно хотѣлъ, чтобы прекраснѣйшая была та самая, которая встрѣтила его на утесѣ. Послѣ ужина, подходитъ къ ней и тихимъ, робкимъ голосомъ говоритъ, что онъ никогда не забудетъ нѣжнаго состраданїя, изъявленнаго ею, когда онъ увидѣлъ ее въ первой разъ на утесѣ.... Савинїя не скрыла, что она была въ то время весьма

пронута его положеніемъ. Вальривъ затрепеталъ отъ радости, нашедъ ту, которую искалъ, и мысленно сбѣщался, не смѣшиваясь ее съ сестрою . . . . Между тѣмъ Савинія, не много подумавъ, спросила его: по чему онъ починаетъ ее пою, которую сперва увидѣлъ? „Ахъ!“ отвѣчалъ онъ: „глаза могутъ ошибиться, но сердце никогда не обманывается.“ Савинія изумилась, покраснѣла и замолчала. Въ сію минуту подошли сестра ея; Вальривъ началъ говорить о другомъ дѣлѣ. Несмотря на изнеможеніе отъ случившагося съ нимъ въ прошлый день, онъ не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь и безпрестанно думалъ о Савиніи на утесѣ. Онъ уже спрастно любилъ ее: и мудро ли? Вальривъ былъ молодъ; а въ его лѣта ничто не воспламеняетъ любви такъ скоро, какъ первое свиданіе, необыкновенное и романическое.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Номерѣ.)

II.

О Т Р Ы В К И,

Содержащія нѣкоторыя любопытныя подробности о Турціи, Сирии и Египтѣ.

(Окончаніе.)

Мы оставили Каиръ 19 Февраля и отправились водою въ Розету. Въ два часа по полудни миновали Булакъ, а въ полночь вошли въ каналъ Менуфской; но какъ плаваніе по немъ сопряжено съ немалою опасностію, то мы остановились и не прежде пушились въ путь, какъ въ пятомъ часу по утру. Теченіе такъ быстро, что, не взирая на слабость вѣтра, плыли мы очень скоро. Сей каналъ безпрестанно извивается и въ самомъ широкомъ мѣстѣ не имѣетъ болѣе 40 сажень. Берега его усѣяны весьма пріятными селеніями, копорыя окружены кедровыми и пальмовыми рощами. Богатѣйшія хлѣбныя поля придавали симъ пріятнымъ сельскимъ картинамъ еще большую прелесть. Поровнявшись съ деревнею Гайшою; опстоющею на милю отъ берега, увидѣли мы, что она была вся обнята пламенемъ. Намъ сказали, что опрядь

Турковъ ограбилъ сію деревню и потомъ зажегъ оную.

Въ 9 часовъ, съ помощію попутнаго юго - западнаго вѣтра, мы приплыли въ Менуфъ, а въ одиннадцать часовъ въ деревню Надиръ, лежащую на восточномъ берегу. Канала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ нѣмъ рукавомъ Нила, которой протекаетъ черезъ Розету. Мы принуждены были остановиться, чтобъ дожидаться одной изъ нашихъ барокъ, которая, часто находя на мѣли, далеко отстала. Арабы, управлявшіе оною, не имѣли никакого понятія о судоходномъ искусствѣ; сіе неудивительно, потому что, будучи употребляемы Турками въ Каиръ, принуждены они были насильно приняться за сіе ремесло.

21 го Подняли мы опять парусы при юго - западномъ вѣтрѣ. Многочисленные излучины рѣки учиняютъ сіе плаваніе затруднительнымъ и опаснымъ, особливо при нарочито сильномъ вѣтрѣ. Сверхъ того мы были принуждены нѣсколько разъ остановиваться и ждать задней нашей барки, по причинѣ совершеннаго невѣжества управлявшихъ ею мапросовъ.

22 го Въ 9 часовъ по полудни, приплыли мы въ селеніе Дагрутъ, лежащее на западномъ берегу, противъ мѣстечка

Синди - Вуна. Дагрутъ лучше многихъ Египетскихъ деревень, потому что дома въ немъ построены изъ кирпичей и довольно высоки. Однакожь сѣя деревня мало имѣетъ жителей, и кажется, пришла въ упадокъ.

Въ то самое время, какъ мы прѣехали, утонулъ нечаянно Шеикъ сего мѣстечка. Деревенскія женщины, собравшись передъ домомъ утопшаго, оплакивали смерть его, изпуская страшныя вопли и рыданія, по Восточному обыкновению.

Базары или рынки Дагрутскіе показались намъ очень бѣдными; кромѣ финиковъ и сахарныхъ тростей, не видали мы никакихъ товаровъ. Въ домахъ нашихъ мы чрезвычайную неопрятность, а жители были почти нагѣ. Сѣя бѣдность и нечистота Египтянъ можетъ почестись одною изъ отдаленныхъ причинъ моровой язвы. Къ симъ причинамъ можно также присовокупить недостаточную пищу, и то, что бѣдные люди въ сей странѣ принуждены собирать пометъ рабочихъ животныхъ, для употребленія онаго вмѣсто дровъ. Жители принесли намъ курей, куръ, дикихъ утокъ, голубей, яицъ и хлѣба, что все покупали мы у нихъ за умѣренную цѣну.

Въ одиннадцатъ часовъ по полудни 22 го числа, приплыли мы въ Розетту. Въ слѣдующее утро ходилъ я къ Комменданту Гну. Барлову, которой мнѣ сказалъ, что одинъ сержантъ умеръ отъ чумы, бывъ боленъ только сутки. Какъ съ нѣкотораго времени начало умирать всякой день скоропостижно по нѣскольку Грековъ и Арабовъ, то Полковникъ Барловъ разполагался выдти изъ города для избѣжанія заразы.

Не взирая на опасность, мы были принуждены остаться на нѣсколько дней въ Розеттѣ, чтобъ записаться барками, удобными для путешествія нашего въ Александрію; ибо суда, на которыхъ плавають по Нилу, такъ устроены, что на морѣ не годятся.

Песчаная отмѣль, находящаяся въ устьѣ Нила, опасна для всѣхъ судовъ, неимѣющихъ нѣкоторой особой конструкции; но даже и сіи не могутъ проходить черезъ нее, когда море хотя немного волнуется. Сіе обстоятельство причиняетъ большой вредъ торговлѣ города Розетты. Отмѣль очень часто перемѣняетъ свое положеніе, и въ нѣкоторые времена года плаваніе чрезъ сіе мѣсто бываетъ весьма опасно. Когда вѣтеръ начнетъ сильно дуть съ Сѣвера, то дѣлается

лаются новыя песчаныя мѣли. Намъ сказывали, что въ прошломъ лѣтѣ погибло въ семь мѣстѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ отъ неосторожности Англійскихъ матросовъ. Одни только шѣ, которые сдѣлали долговременную привычку плавать между Розетою и Александріею, могутъ предпринимать сіе путешествіе съ нѣкоторою безопасностію. Арабы для сего ожидаютъ всегда шишины, или небольшого Южнаго вѣтра: тогда море бываетъ не опасно.

Я осматривалъ крѣпость Туліанову, находящуюся почти въ двухъ миляхъ отъ Розеты. Сей путь весьма пріятенъ, по причинѣ пальмовыхъ рощицъ и садовъ, наполненныхъ прекраснѣйшими плодоносными деревьями, какъ то бананами, димонами и померанцами.

Возвращаясь въ Александрію, видѣлъ я молодого спруса, которой имѣлъ при фуша съ половиною вышины отъ спины до земли, а отъ головы семь или восемь фуговъ. Сія птица бываетъ удивительной величины, когда достигнутъ совершеннаго своего роста. Иногда имѣютъ они до 13 Англійскихъ фуговъ вышины, считая отъ головы. Извѣстно, что сія птица не летаетъ, но, разпусія крылья, бѣгаютъ съ такою скоростію, что весьма

трудно догонять ихъ безъ борзыхъ собакъ; Арабы, не имѣющіе оныхъ, прибѣгають обыкновенно къ хитрости: они подстерегаютъ сихъ птицъ въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ чаще бывають, и заспѣрѣливаютъ ихъ изъ ружей. Предметъ ихъ состоитъ въ томъ, чѣмъ снабдить себя прекрасными строусовыми перьями и жиромъ сихъ птицъ, которой употребляется на поварняхъ. Строусовы яйца составляютъ всегда часть украшеній мечетей и Греческихъ храмовъ: ихъ привѣшиваютъ къ потолкамъ церквей.

Мѣстоположеніе Розеты весьма пріятно: городъ сей построенъ на томъ рукавѣ Нила, которой прежде назывался Болбишикомъ. Отъ моря находится онъ въ двухъ миляхъ, отъ Каира въ 45, а отъ Александріи въ 15. Главная его торговля состоитъ въ перевозѣ Европейскихъ товаровъ, складываемыхъ въ Александрію и назначаемыхъ въ Каиръ.

Дома въ Розетѣ построены изъ обожженныхъ кирпичей, и возвышаются до пяти этажей. Стѣны выѣланы извѣстью, что издали придаетъ имъ опрятный и даже щеголеватый видъ. Хотя улицы узки и нѣтъ примѣчательныхъ зданій, однакожь Розета можетъ назваться хорошимъ городомъ въ такой странѣ, гдѣ видны только дур-

ныя мазанки и песчаныя шпепи. Мечети и минареты построены также изъ кирпичей.

Египтяне и Турки превосходятъ въ искусствѣ украшать наружность домовъ свойхъ. Населеніе Розеты простирается отъ осьми до десяти тысячъ душъ. Но судя по числу пустыхъ домовъ, находящихся въ семь городѣ, могло бы, кажется, помѣститься въ немъ втрое болѣе народа. Когда войска стояли лагеремъ въ окрестностяхъ Розеты, то рынки были изобильно снабжены всякими Европейскими съѣстными припасами; но теперь тамъ ничего такого, чего бы не находилось на всѣхъ Египетскихъ и Турецкихъ рынкахъ. Набережная, на которую выгружаютъ товары, имѣетъ почти одну Англійскую милю длины и снабжена просторными анбарами. Городъ представляется въ весьма выгодномъ видѣ путешественникамъ, прѣзжающимъ изъ Александріи, черезъ степь, которая простирается до самой подошвы городскихъ стѣнъ.

Невѣроятное множество дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ покрываетъ Ниль. Жители ловятъ ихъ сѣтями и продаютъ за весьма низкую цѣну. Въ Розетѣ продаютъ также и кроликовъ, но они тамъ, и во всемъ Египтѣ, рѣдки. Баранье и буйволово мясо болѣе

уважается послѣ наводненія. Стада овецъ очень скоро отъѣдаются на жирныхъ пасвахъ въ пальмовыхъ лѣсахъ. Рыбы хотя и много, но она очень мѣлка, и попому Европейцами мало уважается.

Въ Розетѣ шкупъ бумажныя матеріи, шали, платки и проч. какъ для употребленія жителей, такъ и для продажи въ другихъ странахъ. Тамъ плетутся также изъ просипнику прекрасныя рогожки и корзины; первыя очень много за красоту свою уважаются во всей Европѣ. Корзины, называемыя по Арабски *Куфа*, употребляются для перевозки *срацынскаго* льна, и также весьма искусно дѣлаются.

Если бы находилось въ Розетѣ побольше Христіанъ, то вѣроятно, чтобы они предприняли разчистить устье Нила, и чрезъ то учинили бы плаваніе во всякое время удобнымъ: сіе принесло бы невѣроятную выгоду торговлѣ города Розеты; но Турки, составляющіе большую часть жителей, не способны предпріять ничего такого, что требуетъ дѣятельности и терпѣнія.

Сады, находящіеся къ Сѣверу отъ Розеты, суть весьма обширны и должны нравиться всѣмъ любителямъ сельскихъ красотъ. Въ нихъ не видно ни малыхъ слѣдовъ искусства. Смѣшеніе разныхъ

прекраснѣйшихъ деревьевъ представляетъ очаровательные виды. Огородные овощи разбросаны тамъ въ такомъ же безпорядкѣ, и въ промежуткахъ растутъ всюду *Генна*, кошорой листья даютъ померанцовую краску, весьма уважаемую тамошними женщинами.

Къ Сѣверу отъ Розеты находится много болописныхъ мѣстъ, что присовокупясь къ водамъ, испавляемымъ Ниломъ, наполняетъ воздухъ весьма опасными гнилыми парами. Хотя былъ я въ Розетѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ, но и тогда уже стоячія воды произвели пагубныя слѣдствія. Сѣверные вѣтры приносили ихъ вредныя испаренія. Отъ сего-то вѣроятно моровая язва свирѣпствуетъ въ Розетѣ чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ. Равномѣрно и проказа тамъ очень обыкновенна, особливо между женщинами.

7го Числа по утру сѣли мы на суда и близъ мѣли принуждены были дожидаться на якоряхъ свѣту, чтобъ пройти ее безъ опасности. Вѣтеръ былъ сѣверовосточный и очень умѣренный; мы благополучно прошли мѣль, при возхожденіи солнца. Сія мѣль имѣетъ видъ полумѣсяца. Въ часъ по полудни вышли мы на небольшой полуостровъ близъ Александріи, гдѣ долженствовали выдержать карантинъ,

предписанный всѣмъ судамъ, приходящимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ часто свирѣпствуетъ моровое повѣтріе. Большая часть нашихъ спутниковъ ночевали на судахъ, ожидая палатокъ, чтобъ выйти на берегъ.

8го Числа по утру, дождавшись палатокъ, разположились мы лагеремъ внѣ стѣнъ лазарета, хотя и не были освобождены отъ предписаннаго карантина. Но какъ у насъ не нашлось ни одного больного, то многіе наши знакомые прїѣзжали къ намъ изъ Александріи и снабжали насъ всѣмъ, что только могло облегчить наше невольничество. Въ лазаретѣ находились многіе Англійскіе Офицеры изъ Александріи, также и Турки, недавно прибывшіе изъ Константинополя; имъ предписали карантинъ за то, что они были вмѣстѣ съ зараженными язвою.

23го, Посѣщаль я храмъ Діанинъ, Катакомбы и Клеопатрины бани, находящіяся въ двухъ Англійскихъ миляхъ отъ Александріи къ западу. Мы вошли съ факелами во храмъ, который устроенъ подъ землею, и весь исѣченъ изъ одного камня, или лучше сказать, изъ каменной горы. Входъ въ него былъ прежде очень узокъ, но потомъ и въ недавномъ времени расширенъ, что стоило значныхъ издержекъ. Внутри храма находится прекра-

свѣтъ куполъ. Тамъ видны четверо дверей, изъ которыхъ одна служитъ для входу, а три прочія нишами для гробницъ. Сѣи двери были украшены рѣзною работою, которой видны еще остатки. Разные переходы, примѣчаемые въ семь подземельникъ и ведущіе далѣе въ гору, подающъ поводъ заключить, что тамъ находятся еще другіе храмы; но трудно въ семь удостовериться, потому что они всѣ засыпаны землею. Изъ храма спускались мы въ глубокую пещеру, гдѣ думаемъ, что въ прежнія времена бальзамировали тѣла. Вѣроятно, что въ старину, кромѣ нынѣшней дороги къ храму, была еще другая водою. Удивительное сооруженіе сего храма показываетъ, что такое предпріятіе стоило древнимъ Египтянамъ много времени и трудовъ.

24 го Марта сѣли мы на Греческую корвету, которая, однакожь не прежде пошла въ путь, какъ по утру 26 числа. Три большія Турецкія суда проводили насъ изъ пристани. Съ крѣпостцы, находящейся на концѣ полуострова, дали намъ пушечнымъ выстрѣломъ знакъ остановиться для осмотра, и мы немедленно бросили якорь.

27 го По утру, вышли мы изъ гавани при восточномъ вѣтрѣ. Погода про-

должалась хорошая, вѣтеръ былъ попутный, и мы 29 го числа увидѣли островъ Кандію, и продолжали путь нашъ къ Родосу.

30 го Вѣ полдень, восточный вѣтеръ усилился, а къ вечеру началъ дуть съ такою жестокостію, что мы были принуждены подвязать почти всѣ наши парусы. Буря продолжалась во всю ночь, и небольшое наше судно находилось въ немалой опасности.

3 го Апрѣля, Капитанъ, увидѣвъ ночью огни, удалился отъ земли въ ожиданіи разсвѣта, чтобъ продолжать плаваніе безъ опасности. Онъ самъ не зналъ достоверно, гдѣ мы находились, но полагалъ, что сія земля была островъ Кандія, примѣченный нами до бури. На разсвѣтѣ продолжали мы плыть вдоль береговъ, въ чаяніи найти какую нибудь пристань, и наконецъ сквозь густаго тумана увидѣли высокія Кандійскія горы съ ихъ снѣжными вершинами. Подъ вечеръ вѣтеръ повернулъ съ запада, а ночью сдѣлался совершенно намъ противенъ.

Цѣлые три дни вѣтеръ былъ намъ такъ неблагопріятенъ и море такъ сильно волновалось, что мы, не взирая на всѣ усилія, не могли пристать къ острову Кандіи, и принуждены были идти къ

острову Кастель - Россо , находящемуся у береговъ малой Азии. Городъ сего имени есть древняя Цицена. Островъ есть ничто иное , какъ груды каменныхъ горъ. Входъ въ заливъ прекрасенъ и живописенъ. Пристань ошмѣнно хороша ; улицы города суть узкія и крутыя лѣспницы, изсѣченныя изъ камня.

8 го Числа, по утру, вошли мы въ пристань Родосскую послѣ двухсуточного плаванія. Мы немедленно явились къ Губернатору ; онъ отвелъ намъ домъ на все то время , которое разполагались мы прожить на островѣ.

9 го , Ходилъ я осматривать городъ , которой очень великъ и построенъ изъ песаного камня. Улицы чисты и хорошо вымощены ; жители состоятъ изъ Турковъ , Грековъ и Евреевъ ; и какъ всякая нація имѣетъ для жительства особенную часть , то можно сказать, что въ городѣ Родосѣ находясь при города въ одномъ. Населеніе простирается до 15 тысячъ человекъ , изъ которыхъ большая часть суть Греки.

Улица Кавалеровъ получила названіе свое отъ домовъ древнихъ Кавалеровъ Св. Іоанна Іерусалимскаго ; дома сіи еще въ хорошемъ состояніи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ построены въ 15 столѣтіи. Слѣны

снаружи были украшены скульптурою; я видѣлъ гербы и кресты Иерусалимскіе и Родосскіе въ совершенной невредимости. Кавалеры построили весьма хорошія укрѣпленія, которыя еще существуютъ и могли бы легко быть починены.

Я посѣщалъ базары, или рынки, и нашелъ въ нихъ множество товаровъ. Жители имѣютъ пріятный и здоровый видъ. Женщины и дѣти Евреевъ, и Грековъ очень хороши собою, но дурно одѣваются. Они обертываютъ себѣ голову многими плашками, что производитъ весьма не-пріятное дѣйствіе.

Городъ имѣетъ двѣ пристани: одну для большихъ кораблей, а другую для малыхъ судовъ. Первая есть четвероугольная и довольно просторная, но открыта восточному и сѣверовосточному вѣтрамъ. Преданіе сказуетъ, что Колоссъ Родосскій, столь славный въ древности, стоялъ при входѣ въ большую пристань, и что корабли проходили между его ногами съ разпущенными парусами. Намъ показывали мѣста, на которыхъ стояли его ноги.

Входъ въ малую пристань весьма узокъ; на ней построенъ арсеналь.

Губернаторъ снабдилъ насъ лошадьми, и мы поѣхали въ Сѣверную часть острова.

осматривать мѣсто древняго Родоса, отстоящаго въ 5 или 6 Англійскихъ миляхъ отъ новаго города. Онъ находился на вершинѣ горы, на которую поднимались мы полчаса. Отлогоспи сей горы покрыты соснами, дубами, ясенями и густымъ кустарникомъ. На вершинѣ наши мы осматки стѣнъ и слѣды зданія, которое, кажется, было монастырь. Въ углахъ оставшихся куполовъ видны еще гербы и кресты Иерусалимскіе.

Видъ съ сей высоты весьма пріятенъ и разнообразенъ: горы живописно перемежаны съ долинами; каменистые холмы покрыты иные известковыми камнями, другіе пескомъ и небольшими круглыми кусками мрамора, подобными тѣмъ, которые находятъ на морскихъ берегахъ. Симв мраморомъ мостятъ улицы, дворы и полы въ комнатахъ, что дѣлаетъ очень пріятный видъ.

Долины тщательно обрабатываются и даютъ изобильныя жатвы пшеницы и ячменя. Виноградные сады ограждены стѣнами и высокими фиговыми и оливковыми деревьями. Въ деревняхъ дома построены изъ бѣлаго камня; они хотя малы, но очень милостивы и опмѣнно чисты. Весь островъ изобилуетъ превосходною водою. Возвышенныя мѣста по-

крышы душистыми распѣніями, которыя выпускають изящнѣйшее благоуханіе. Есть также сады, въ которыхъ воспитываются разныя плодоносныя деревья.

Проѣзжая черезъ одно Греческое селеніе, ходили мы въ церковь, гдѣ между прочими украшеніями замѣтили рѣзныя деревянныя изображенія, весьма искусно выработанныя.

На островѣ находится великое множество зайцовъ, разнаго рода куликовъ, куропапокъ и утокъ. Лошади малорослы и почти не употребляются: здѣсь ѣздятъ на лошакахъ и ослахъ. Коровы не велики; а овцы, козы и свиньи суть одного рода съ Турецкими.

Хлѣбъ превосходенъ, вино довольно дорожо и дешево. Жители составляютъ изъ сухихъ фиговъ, или винныхъ ягодъ, напитокъ, называемый ими *Ракай*; они подмѣшиваютъ въ него анису, померанцовою и лимонной корки, для пріятнаго запаха. Сей - то напитокъ, съ примѣсью малаго количества сиропа, Италіанцы называютъ *Розоліо*.

Можно вообще сказать объ островѣ Родосѣ, что онъ плодоносенъ и пріятенъ. Зимняя стужа и лѣтніе жары очень умѣренны. Сей островъ въ особливости понравился намъ, которые сполько времени не видали

почти ничего, кромѣ весьма непріятныхъ предмешовъ и песчаныхъ степей.

За шесть лѣтъ до пребыванія нашего въ Родосъ, свирѣпствовала въ немъ моровая язва. Лѣтомъ жилища бывають подвержены, перемежающимися лихорадкамъ, что я приписываю болоту, находящемуся близъ города съ Сѣверной стороны. Вообще можно однако же сказать, что климатъ здоровъ, и многіе люди доживаютъ здѣсь до глубочайшей старости.

Въ Родосѣ строятъ корабли изъ соснаго лѣсу; матеріалы достаютъ или въ самомъ островѣ, или привозятъ изъ Караманіи. Строители кораблей весьма много съ нѣкошораго времени успѣли въ семъ искусствѣ съ помощію Шведскихъ и Англійскихъ плотниковъ. Жители острова Родоса не охотники до рыбной ловли, да и рыба въ сихъ мѣстахъ посредственная.

Я осматривалъ многія окрестныя селенія. Одна изъ сихъ деревень, называемая Эзгураль, населена одними Турками и обсажена дубами, соснами и масличными деревьями, такъ что кажется посрѣею среди лѣсу. Близъ сей деревни находяшся еще двѣ другія, изъ коихъ одна, называемая Кузекинокъ, населена только Греками, а другая, именуе-

мая Коделей, не имѣетъ иныхъ жителей, кромѣ Евреевъ. Около сихъ деревень растетъ множество пшеницы, и видѣ ихъ отменно пріятенъ, по причинѣ виноградныхъ садовъ и померанцовыхъ рощицъ, принадлежащихъ городскимъ жителямъ, которые удаляются въ деревню въ сильные лѣтніе жары, и въ то время, когда язва свирѣпствуетъ въ городѣ.

Турецкій праздникъ Байрамъ, начавшійся 13 числа, былъ возвѣщенъ многокрасными пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Мы пошли къ Губернатору, коимъ въ сей день имѣетъ обыкновеніе принимать поздравленія отъ всѣхъ знатныхъ и чиновныхъ Особъ. Турки въ семъ случаѣ показываютъ много великолѣпія и пышности. Простолюдимы также въ сей праздникъ посѣщаютъ другъ друга.

Жители вообще кажутся быть въ хорошемъ состояніи. Одежда простаго народа въ городахъ и деревняхъ дѣлается изъ бумажной ткани; но знатныя городскія женщины отличаются отъ прочихъ красною душегрѣйкою и юпкою. Онѣ обертываютъ себѣ голову красными платками, что очень имъ не къ лицу; украшаютъ грудь шрепѣ большими плоскими розами изъ металла. Знатные обоего пола Греки одѣваются почти такъ,

какъ Христіане Константинопольскихъ предмѣстій.

14 го, Былъ я въ большой Греческой деревнѣ, называемой Треандагъ, и нашелъ жителей приготавливающихъ землю для хлопчатой бумаги, которая родится здѣсь очень хорошо. Въ числѣ разныхъ растѣній замѣтилъ я бобы превосходной доброты, также артишоки, простую и цвѣтную капусту, очень хорошія въ своемъ родѣ. Вообще обрабатываемыя земли весьма здѣсь плодотворны.

17 го, Предложили мы Рейсу или Капитану судна, называемому Каикою, отвезти насъ въ Константинополь, за что не хотѣлъ онъ съ насъ взять менѣе 850 пѣаспровъ. Мы уговорили его однако же остановиться въ Архипелагскихъ островахъ, которые любопытствовали видѣть. 11 го По утру сѣли мы въ Каику и отправились въ Спанко; но вѣтеръ былъ такъ слабъ, что мы были принуждены плыть на веслахъ, которыми сіи Каики всегда снабжены, и они необходимо нужны для плаванія между островами. Не взирая на сіе, мы такъ мало подавались впередъ, что не могли прежде ночи миновать мыса Крїо. На разсвѣтѣ были мы въ 15 Англійскихъ миляхъ отъ Спанко.

20го По утру пищина продолжалась, и мы принуждены были опять прибѣгнуть къ весламъ; но въ полдень поднялся вѣтеръ, съ помощію копораго приплыли мы въ Станко въ два часа по полудни и бросили якорь. Мы вышли на берегъ, и отдавъ почтеніе Губернатору, остановились въ домѣ у одного Грека. Къ вечеру вѣтеръ такъ усилился, что нашъ Рейсъ, боясь лишиться своей Канки, бросилъ четыре якоря, опасаясь, чтобъ вѣтромъ не выкинуло ее на берегъ и не разбило. Какъ Рейсъ показывалъ великое нетерпѣніе оставить Станко, и вѣтеръ былъ попутный, то мы обѣщали ему пуститься въ путь, какъ можно скорѣе.

Городъ Станко защищенъ замкомъ и окруженъ укрѣпленіями, которыя находясь въ худомъ состояніи. Улицы узки; но дома, будучи построены изъ камня и украшены террасами, представляютъ очень пріятную наружность. Рынки изобильно снабжены плодами и правами. Островъ производитъ множество лимоновъ. Жители въ сіе время выдавливали изъ нихъ сокъ, которой разливаютъ они въ бочки и отсылаютъ въ Константинополь. Вино на семъ островѣ не хорошо. Станко есть Косъ древнихъ. Мы купили

тамъ сѣмянъ нѣкотораго рода лапука , весьма уважаемаго во всей Европѣ.

Полагають , что число жителей въ Спанко простирается до четырехъ тысячъ душъ ; одну половину составляють Турки , а другую Евреи и Греки. Каждая изъ сихъ націй имѣетъ особливую часть города для своего жилища. Губернаторъ далъ намъ лошаковъ , на которыхъ ѣздили мы во внутренность острова съ однимъ проводникомъ и съ премою обывателями , въ числѣ которыхъ былъ Грекъ , нашъ хозяинъ.

Городъ Спанко и его окрестности снабжаются водою посредствомъ водовода , имѣющаго источникъ свой на ближней горѣ , куда мы также ѣздили. Сей источникъ находится почти въ пяти Англійскихъ миляхъ отъ города ; мы долго не могли до него доѣхать , потому что дорога очень узка и излучиста. Близъ источника построенъ домъ ; каменная галерея , во сто футовъ длиною , ведетъ къ самому тому мѣсту горы , откуда стремительно выходитъ вода , которая чрезъ узкой каналъ течетъ въ Спанко.

Мы возвратились въ городъ по другой дорогѣ и видѣли поля , покрытыя множествомъ ячменя и пшеницы. Мы замѣтили также виноградные сады и лимонныя

рощи, обремененныя плодами. Другія пло-
доносныя деревья, какъ шо миндальныя,
гранатовыя, шелковичныя и фиговыя, при-
давали еще новую пріятность сей бога-
шой картинѣ. Мы видѣли куропатокъ
необыкновенной величины; онѣ впрочемъ
похожи на тѣхъ, которыя находятся на бе-
регахъ Варваріи. Мы видѣли также мно-
жество перепелокъ. Островъ сей изоби-
луешъ дичиною и очень многолюденъ.
Дѣши поселянъ имѣютъ весьма пріятный
и здоровый видъ. Пять лѣтъ уже не
было въ Станко мороваго повѣтрія.

III.

Обрядъ погребенія у кротовъ.

Царство кротовъ по справедливости мо-
жетъ назваться областію мерныхъ. Все,
что доходитъ до насъ изъ странъ подзем-
ныхъ, въ которыхъ нѣкогда водворимся,
должно возбуждать наше вниманіе, должно
поселятъ въ насъ благочестивыя чувство-
ванія. Въ первые вѣки міра, привиллеги-
рованные герои за-живо посѣщали мрачныя
области Оркуса, и шѣмъ пріобрѣли без-
смертную славу. Правда, времена герои-

ческія миновались; однакожь есть между нами люда достойные шествовать по слѣдамъ Геркулесовъ и Тезеевъ, смотря по тому, сколько ослабѣвшее племя можетъ ровняться съ великими мужами вѣковъ первобытныхъ. Намъ нельзя ласкаться надеждою достигнуть до глубины Тартара, видѣть поля Елисейскія, поколебать пресполь Плутоновъ; по крайней мѣрѣ съ помощію заскупа можемъ открыть первыя границы подземнаго царства, достигнуть до жилищъ кроповъ, обозрѣть многочисленныя закоулки темныхъ областей ихъ, развѣдать объ ихъ могуществѣ, узнать нравы ихъ и законенія.

Никто въ семь дѣлъ не прославился болѣе Господина Каде-де-во. Сей ученый мужъ, ума обогащеннаго глубокими знаніями, духа неустрашимаго, вооружась земледѣльческими орудіями, низшелъ въ излучистыя спраны мрачнаго царства, увидѣлъ и побѣдилъ; ни горы, ни долины не остановили быстраго его теченія. Кропы, устрашенные отважностію Героя, разбѣжались въ разныя стороны; многіе изъ нихъ жизнью своею заплашили за безразсудную медленность; побѣдитель остался одинъ спокойнымъ обладателемъ пространныхъ областей.

Духъ миролюбїя заступилъ мѣсто жара военнаго; Герой воспользовался плодами побѣды для разпространенїя сферы своихъ познаній и для сообщенїя намъ оныхъ.

Г. Каде - де - во, подражая знаменитымъ военачальникамъ: Цезарю, Полибію и Ксенофону, славнымъ не менѣе дарованїями своими, какъ и подвигами, рѣшился описать нравы народовъ побѣжденныхъ. Публичные листки и лѣтописи Академїи уже обогащены учеными его диссертаціями. Онъ описалъ съ удивительною точностію, съ неподражаемымъ прилѣжанїемъ, всѣ обстоятельства, относящїяся до рожденїя крошовъ и ихъ образа жизни. Для довершенїя трудовъ его недоставало извѣстїи объ ихъ смерти и погребенїи. Г. Каде - де - во теперь докончилъ свой подвигъ, сообщивъ публикѣ, въ *Журналѣ домашней и сельской экономїи*, плоды своихъ наблюденій о семъ предметѣ.

Въ царствѣ крошовъ не оставляють въ небреженїи умершихъ братїй, не допускають, чтобы ненасытныя насѣкомыя пожирали ихъ трупы; нѣтъ, чиновники, нарочно опредѣленные для похоронъ, бездежно отправляютъ свою должность.

Сїи чиновники называются *некрофоры* — слово Греческое, кошорое значитъ:

носильщики мертвых; ибо языкъ Греческій между крошами въ великомъ употребленіи.

„Положивъ на землѣ трупъ умершаго кроша, четыре или пять *некрофоровъ*, роя вокругъ его, насыпаютъ маленькіе холмики; отъ чего выходитъ, что крошъ оспаеется какъ бы въ ямѣ. Потомъ другіе *некрофоры* соединяются съ первыми и раздѣляютъ съ ними работу; они покрываютъ трупъ землею и трудятся до тѣхъ поръ, пока не насыплютъ на него толщиною болѣе фута.“

„По исполненіи сего перваго обряда, мѣсто *некрофоровъ* заступаетъ другой приставъ, называемый отъ ученыхъ *гистеръ - оневсѣ*, котораго невѣжды просто именуютъ жукомъ. *Гистеръ - оневсѣ*, имѣя при себѣ нужныя орудія, снимаетъ съ умершаго кроша шерсть и оmyваетъ покойника не хуже самаго искуснаго банщика.“

„По окончаніи всего, *некрофоры* и *гистеръ* удаляются, а крошъ спокойно почіетъ въ нѣдрѣ земли и времени.“

Симъ оканчиваются примѣчанія и повѣствованіе Г. Каде - де - во; намъ однакожъ пріятно надѣяться, что мы когда нибудь узнаемъ, куда дѣваютъ *гистеры* снятую шерсть. Какой случай

для Художествъ обогатиться новою отраслю промышленности! По чему знать, что начальники нашихъ мануфактуръ не заведутъ сношеній съ гистерами; что не будемъ носить платья, вытканнаго изъ шерсти кроповъ, и что Г. Каде - де - во не будетъ родоначальникомъ многочисленнаго поколѣнія комиссаровъ надъ торговыми сношеніями съ царствомъ кроповъ?

IV.

Ч у д е с а.

Видалъ я на своемъ вѣку чудесъ не мало;
И мнѣ великое желаніе припало
Читателямъ объ нихъ здѣсь вкратцѣ раз-
сказать.

За это многіе дадутъ себя мнѣ знать!....
Но такъ и быть! пуцусь. Извольте же по-
слушать:

Вопервыхъ, видѣлъ я такихъ богатырей,
Которы годовой доходъ пяти семей
Изволили впроемъ за ужиномъ прокушать.

Видалъ такихъ я Лѣкарей,
Которые не всѣхъ больныхъ своихъ морили.
Видалъ такихъ господъ, которые кормили
Подвластныхъ имъ людей,
Не хуже лошадей,

И яхъ , не походя , бранили , или били.
 Видалъ подъячаго , кошорой презвѣ былъ
 такъ ,
 Что въ сутки жаживалъ лишь два раза въ
 кабакъ.

Я видѣлъ старую дѣвицу ,
 Кошорая себѣ не убавляла лѣтъ!

Клеонъ , покойной мой сосѣдъ ,
 Имѣлъ хоть много книгъ , читалъ и былъ
 ужь сѣдъ ;

Но Африку считалъ за птицу ;
 Однакожь такъ какъ сей многопочтенный мужъ

Имѣлъ шесть тысячъ душъ,
 То съ Лейбницемъ его въ учености ровняли.
 Хоть дуренъ былъ онъ такъ собой, какъ смерт-
 ной грѣхъ ;
 Но всѣ его въ глаза съ божбою увѣряли ,
 Что за поясъ зашкнетъ онъ Херувимовъ всѣхъ.
 Индѣйскихъ пѣпужовъ боялся онъ и раковъ ;
 Но утверждали всѣ , что эшошъ господинъ

Легко бы могъ одинъ

Взять въ пять минутъ Очаковъ ,
 И рашь Турецкую побить всю кулакомъ ;
 А естли бы его кто назвалъ дуракомъ ,
 Важнѣе всякаго шо былобъ святошашства ! . . .
 Какъ послѣ эшого не пожелать богатства ! . . .

Но мало ли еще какихъ видалъ я шпукъ !
 Видалъ я Рускихъ дамъ охотницъ до Наукъ ;
 Видалъ , что съ кошкою дружна была собака ;

Видалъ я женъ такихъ ,

Которые мужей своихъ

Любили съ мѣсяцъ послѣ брака!

Видалъ , что сельской попъ на свадьбѣ былъ
не пьянъ.

Видалъ богатыхъ я и молодыхъ дворянъ ,
Которые всегда, въ большомъ хотѣ свѣтѣ жили,
Однакожь иногда по Руски говорили.

Они жь по нѣскольку недѣль

Верстъ за пять отъ Москвы живали,

И шамъ , о чудеса ! съ тоски не умирали !

Видалъ я чудаковъ , которые бѣжали

За тридевять земель

Смотрѣть , какъ солнышко *заморское* садится,

Иль слушать, какъ шумитъ *заморской* вѣтерокъ,

Иль любоваться , какъ *заморской* ручеёкъ

По камнямъ и песку *заморскимъ* же струится.

Какъ будто на Руси не спало ручейковъ ?

Иль будто вѣтерокъ шумѣть у насъ не смѣетъ,

И солнце Русское садиться не умѣетъ ! . . . .

Такихъ несчастныхъ я Писателей видалъ,

Которымъ никакихъ похвалъ

Въ газетахъ даже не сплетали !

Видалъ Россійскихъ я ученыхъ бѣдняковъ ,

Которы площади топтали ;

Въ Учители жь не ихъ Бояре къ дѣткамъ брали,

А иностранныхъ кучеровъ. —

Но этого знать мнѣ не видывать вѣвки ,

Чтобъ въ Волгѣ не было блугъ и стерлядей ;

Чтобы злословить Оирсѣ не сталъ честныхъ

людей ;

Чтобъ перестали гвизшь другъ друга чловѣки;
 Чтобы Цыгане красть не стали лошадей;
 Чтобы жеманиться Климена перестала;
 Чтобы Москва - рѣка черезъ Иркутскъ шечь
 стала;

Пугать не стали чтобъ боярами робятъ;

Чтобы въ Гренландію переселились Музы;

Чтобы премудрые Французы

Узнали наконецъ, чего они хотятъ?

О Богословіи чтобъ споры прекратились;

Чтобъ денегъ кто въ займы мнѣ безъ про-
 центовъ далъ,

Мли чтобъ наконецъ когда богатъ я сталъ!

У. Ф. Х. Ц. Ч.

V.

С М Ъ С Ъ.

Друзья чловѣчества порадуются драго-
 цѣнной находкѣ. Прежде полагали, что
 прахъ Фенелона содѣлался жертвою не-
 обузданной ярости бѣшеныхъ Революціони-
 стовъ; но теперь уже известно, что
 разорили гробницъ Камбрийскихъ по-
 щадили осипатки праведнаго Мужа. Жите-
 ли сего города намѣрены найденный гробъ
 прежняго своего Архіепископа пославить

въ приличномъ мѣстѣ, и память его по-
чипишь доспойнымъ монументомъ.

Между Парижскими модами мы замѣ-
тили слѣдующую спашью: „Благовоспи-
танному человѣку прослишельно не умѣть
читать, писать и говорить; но заикаль-
ся, плавать и танцовать — суть такія
вещи, безъ которыхъ ему никакъ не мож-
но обойтись.

Слѣдующее событіе принадлежитъ къ
любопытнымъ явленіямъ нашего времени:
Нѣкто Динуаръ, Цирихской жишель,
имѣя жену и дѣтей, зашѣялъ сочетать-
ся бракомъ съ одною шеспидесяти-лѣтнею
дѣвицею и написалъ ложныя свидѣтель-
ства о холостомъ своемъ соспояніи. Ап-
пелляціонный Трибуналъ осудилъ его про-
сшояшь одинъ часъ съ розаткою на шеѣ
у безчестнаго столба и помомъ быть
изгнаннымъ изъ Швейцаріи на 40 лѣтъ.

Одинъ Англичанинъ, не давко умер-
шій на пути, переправляясь изъ Европы
въ Америку, сдѣлалъ такое открытіе,
которое обѣщаетъ мореходцамъ важную
пользу. Оно соспоишь въ шарѣ магниш-
номъ, плавающимъ во рпупи; на семь
шарѣ означены стелени долгошы и широты

сѣверной и южной. Не задолго до смерти, онъ опдалъ Капитану карабля свой инструментъ съ журналомъ путешествія ; при семъ случаѣ онъ опредѣлилъ мѣсто, на которомъ тогда карабль находился, съ такою точностію, которая привела всѣхъ въ крайнее удивленіе. . . . Слѣдственно магнитъ имѣетъ свойство, окружая землю, обращаться около своей оси. Полюсъ Арктической погружается въ ртуть, когда карабль переплываетъ равноденственную линію.

Въ публичныхъ листкахъ недавно писали, что Баронъ Арешинъ, Библиотекаръ Курфирста Баварскаго, отыскалъ въ Минхенскомъ книгохранилищѣ древній манускриптъ, писанной въ 13 столѣтіи на Латинскомъ языкѣ, и содержащій въ себѣ практическій способъ неугасимомъ *огнѣ Греескомѣ*. Сей манускриптъ не только показываетъ способъ составлять упомянутой огонь, которой Ученые почитали потеряннымъ, но въ немъ содержатся еще правила Химическія, какъ дѣланіе огнестрѣльной пороха, похожія на тѣ, которыя намъ извѣстны. Г. Арешинъ скоро издастъ въ свѣтъ сіе сочиненіе съ прибавленіемъ испорическаго введенія. Париж-

скіе Журналисты пишутъ, что въ національной или, какъ нынѣ называютъ, въ Императорской библіотекѣ, хранился такое же сочиненіе о соспавленіи огня Греческаго, и думаютъ, что оба манускрипты суть одного содержанія. Употребленіе сего огня неизвѣстно было древнимъ Грекамъ. Историки Византійскіе упоминаютъ, что онъ изобрѣтенъ въ 7 мѣ уже столѣтій послѣ Рождества Христова. Одинъ частной человекъ объявилъ Лудовику XV, что ему известна тайна соспавленія огня Греческаго; сдѣлано было испытаніе въ Брестской гавани, и опытъ удался по желанію. Король купилъ секретъ и никому не открылъ его.

Г. Гошуа, Оптикъ Парижскій, теперь занимается усовершенствованіемъ изобрѣтенной имъ зрительной трубы, которая не только, подобно всѣмъ другимъ, приближаетъ предметы, но еще должна служить къ измѣренію въ точности разстоянія оныхъ отъ наблюдателя. Если сей Художникъ успѣетъ въ своемъ намѣреніи, то не многимъ открытіямъ новѣйшихъ временъ можно будетъ поравняться съ его изобрѣтеніемъ.

ВЪ одной ученой газетѣ публикуется о продажѣ вновь вышедшей на Нѣмецкомъ языкѣ преполезной книги, подѣ названіемъ: *Неоспоримое доказательство, что если Жидаы не будутъ изтреблены до основанія, а Жидовки если не будутъ проданы въ неволю, то свѣтъ, теловѣтство, Христіанство и всѣ Государства неминуемо должны погибнуть — сочиненное Доминикомъ Аманномъ Елифаномъ, Жидо-ненавидцемъ. Честь и слава Автору - филантропу!*

ВЪ Монитерѣ, подѣ спашею изъ Англіи, напечатано объ одномъ необыкновенномъ силачѣ слѣдующее извѣстіе: Сержантъ шестаго полку гвардейскихъ драгунѣ, именемъ *Муррай*, ставъ подѣ брюхомъ своей лошади, поднялъ ее и безъ излишняго усилія понесъ на плечахъ своихъ.

VI.

Письмо къ Издателямъ (*).

Оренбургъ отъ 20 Сентября 1804 года.

Вы объявляете Публикѣ челоѵколюбивыя дѣянїя нашихъ соотечеспвенниковъ, а признаштельная Публика съ удовольствїемъ видипъ ваше участїе въ оныхъ. Смѣю пожелапъ, чшобы вы всегда имѣли случай возвѣщашъ о подвигахъ на поприщѣ добродѣтели; чшобы Публикѣ всегда подавали причины радовашся добрыми дѣлами, а сердцамъ сострадательнымъ средспва къ совершенїю благихъ намѣренїй.

Одна нещаспная Россїянка, по имени Акулина Кривсбокова, принадлежащая къ вѣдомству Войсковой Уральской Канцелярїи, еще въ шринадцатилѣтнемъ возрастѣ была захвачена Киргизцами и продана въ Хивинское владѣнїе. Тридцашъ одавъ годъ она изнемогала подъ бременемъ тяжкой неволи, и шолько въ минувшемъ лѣпѣ получила свободу, по старанїю родспвенниковъ ея, людей недоста-

---

(*) Издатели съ удовольспвїемъ исполняютъ препорученїе сострадательнаго незнакомца, и желаютъ, чшобы доброе сердце его было обрадовано щаспливымъ успѣхомъ.

почныхъ , собравшихъ отъ щедрыхъ друзей челоѳчества 700 рублей для ея. изкупленія. Находясь въ плѣну , по волѣ своего владѣшеля , она должна была выдти за - мужъ за одного единовѣрнаго плѣнника ; два сына и двѣ дочери были плодомъ сего супружества. Теперь несчастные дѣти спонуть въ рабствѣ у варваровъ. Вопль Природы , любовь матерняя , безпрестанно , напоминаютъ несчастной , чего она лишилась. И какая мать можетъ забыть священныя свои обязанности ! Нынѣ она прѣѳхала въ Оренбургъ , сыскала одного Хивинца , торговлею привлеченнаго въ сей городъ , убѣдила его взять на себя выкупъ дѣшей ея , и для договора о цѣнѣ отнеслась въ Судебное мѣсто , котораго вѣдомству принадлежашъ дѣла сего рода. Но сумма , закономъ назначаемая для изкупленія плѣнныхъ , показалаь недостаточною Хивинцу ; онъ отвергъ прозьбу несчастной и отказался стараться о выкупѣ. Разтерзанная горестію мать именемъ Бога и челоѳчества заклнала жеспокаго сжалишься надъ ея состояніемъ , отдавала самую себя за свободу дѣшей : варваръ остался нечувствительнымъ. Ему нужны только деньги , а она ииуѣеть — только слезы. Къ кому теперь она прибѣгнешъ

съ рыданіями? у кого будете просить помощи? Есть души чувствительныя; наши соотечественники всегда славились благодареніями; но кто увѣдомишь ихъ, что внутри Азіи невинно страждетъ въ цѣпяхъ семейство, которому они могутъ возвратить свободу и щасіе? Объявите, М. М. Г. Г., Публикѣ, что желающіе доставить сердцу своему пріятнѣйшее удовольствіе и украситъ жизнь свою однимъ изъ такихъ дѣланій, которыя сами себѣ служатъ наградою, могутъ съ великодушными своими пожертвованіями опнестись чрезъ *Войсковую Уральскую Канцелярію* къ самой матери.

Вашъ и проч.

N. N.

ПОЛИТИКА.

I.

Взглядъ Нѣмецкаго Патриота на Россію.

Теперь всѣ Журналы и газеты въ Германіи наполнены стапьями о внутреннихъ разпоряженіяхъ въ Россійской Имперіи; даже большіе Указы, на примѣръ о Лифляндскихъ крестьянахъ, помѣщаются въ нихъ отъ слова до слова. Выходящія въ Россіи періодическія сочиненія доставляющъ обильныя матеріи для нашихъ Журналистовъ. Нѣмецкіе Ученые, Художники, колонисты, ремесленники, путешественники спекаются въ области АЛЕКСАНДРА I. гораздо въ большемъ количествѣ, нежели жители другихъ Государствъ Южной Европы. Факультеты Россійскихъ Университетовъ наполняются Нѣмецкими Профессорами. Нѣмецкіе Естествоиспытатели ввѣрили себя Россійскимъ мореходамъ, предпринявшимъ путешествіе вокругъ Свѣта. За то многіе молодые Россіяне учаются въ нашихъ Университетахъ, многіе любопытные путешествуютъ по Германіи для разныхъ наблюденій. Ученыя Общества обѣихъ

Націй ведуть переписки между собою. Нѣкоторые наши Писатели имѣли щасливѣе удостоиться благоволенія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и получить милоспивые отзвывы и одобренія. Ярмарки Лейпцигскія обязаны цвѣтущимъ своимъ сосшоаніемъ сношенію съ Россією; многіе торговые города Нѣмецкіе посредствомъ коммерціи съ Россією получаютъ средства къ пропитанію. Однимъ словомъ, связь между обѣими Нціями въ новѣйшія времена разными способами утверждена на основаніи самомъ прочномъ.

Стоитъ только взглянуть на Дома Нѣмецкихъ Государей, чтобы увидѣть ближнее родство съ ИМПЕРАТОРСКОЮ Фамилією и основывающееся на ономъ взаимное уваженіе. Одна изъ старшихъ Сестеръ (Супруга Палатина Венгерскаго), Великая Княгиня, во цвѣтѣ лѣтъ скончавшаяся, оставила во всѣхъ незабвенное впечатлѣніе высокихъ качествъ души Своей и любезности. Младшая скоро оццастливишь (*) бракосочетаніемъ Своимъ допочтимаго Наслѣднаго Принца Авинъ Германіи. Четвертая Сестра ИМПЕРАТОРА также нѣкогда раздѣлитъ Курфиршескую Корону. Дщери Нѣмецкихъ Прин-

---

(*) Это было писано до бракосочетанія.

цевъ украшають Престолъ Россійской. Многіе изъ нашихъ Государей виѣняють себѣ въ честь носить на груди своей знаки **ИМПЕРАТОРСКАГО** благоволенія; многимъ изъ главныхъ государственныхъ Чиновниковъ при Дворахъ Нѣмецкихъ пожалованы Россійскіе Ордены. Болѣе же всего, непремѣнныя посольства показываютъ участіе **ИМПЕРАТОРА** въ дѣлахъ Германіи.

Сколь важенъ такой союзъ по всѣмъ отношеніямъ! Посмотримъ только на необъятную силу, на рѣшительное вліяніе сей колоссальной Имперіи, вліяніе, которое она имѣетъ на всѣ Государства земнаго шара. Ея пространство и многолюдство, ея силы морскія и сухопутныя превосходятъ изчисленія новѣйшихъ Статистиковъ, самыхъ опытныхъ. Китай и Персія ирещутъ о ней ея сосѣдка. Недавно еще Россійскія войска, не встрѣшивъ никакого сопротивленія, заняли великую обласъ Имперіи, которая служила убѣжищемъ хищнымъ горнымъ жителямъ. Россія ведетъ войну на Востокѣ, между тѣмъ, какъ Западныя провинціи не чувствуютъ слѣдствій оной, а еще менѣе прочія обласи Европейскія. Турецкій Султанъ съ полною довѣренностію открываетъ Россійскому флоту и войску

свободной путь через Дарданеллы, и Республика Ионійская въ Августѣйшей Особѣ АЛЕКСАНДРА I. чтишь своего Защитника единственнаго, безкорыстнаго, великодушнаго.

Одного мановенія Двора Пешербургскаго было довольно, чтобы заставить Короля Сардинскаго въ три часа выѣхать изъ Церковной Области. Безъ заспуленія Россіи Королевство обѣихъ Сицилій шеперь было бы Республикою Парвенепейскою, важный Орденъ Мальтійскій несуществовалъ бы въ мѣрѣ, а Португаллія вѣроятно превратилась бы въ Провинцію одной великой Державы. Безъ посредства Россіи на Регенбургскомъ Сеймѣ что сдѣлалось бы съ самою Германією?

Къ сему политическому вліянію прибавишь должно духовное. Въ Венгріи, въ Области Седмиградской, въ Греціи, въ Нѣмецкихъ и во всѣхъ Европейскихъ торговыхъ городахъ цѣлыя тысячи людей признаютъ ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго Главою церкви.

Изъ того слѣдуетъ, что могущество АЛЕКСАНДРА I. съ одной стороны требуетъ общаго вниманія Нѣмецкой Полицики, съ другой, по своему миролюбію, по своей умѣренности, по пріемлемому участию въ нашемъ благосостояніи, имѣетъ

право на нашу благодарносшь и удивленіе. Пусть Парижскіе Журналисты разглашаютъ, что Россія заводитъ безпокойства въ Греціи, Сербїи и Ромелїи, что она покорила Дербентъ, Эриванъ, Превезу и проч., что для собственннй пользы переиѣнила Конституцію Республики Семи Острововъ, что разорвала союзъ съ Папою для припѣсненїя Римскихъ Католиковъ, что спарается завести селенїя на островахъ Италїанскихъ и Индїйскихъ для господствованїя надъ Европою и проч.; несправедливосшь сихъ заключенїй давно уже доказана. Извѣстно изъ актовъ дипломатическихъ, что ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ не переиѣнилъ прежнихъ мыслей, обнаруженныхъ ИМЪ въ минувшую осень, когда ОНЪ отклонилъ предложение о раздѣлѣ Оттоманской Имперїи, и возпрепятствовалъ исполненїю онаго. ОНЪ знаетъ, что для ЕГО могущества не нужно разпространенїе Имперїи, но сохраненїе тишины и равнсвѣсія въ Европѣ.

Что ИМПЕРАТОРЪ имѣлъ въ виду единственно сохраненїе Германїи согласно съ Люневильскимъ трактатомъ и послѣднимъ Имперскимъ опредѣленїемъ, доказываетъ посредство ЕГО въ Регенсбургѣ и постоянное продолженїе онаго. Дворъ

Петербургскій безъ сомнѣнія былъ недоволенъ тѣмъ, что начатое дѣло въ Регенсбургѣ прервано внезапнымъ отзывомъ Французскаго Посла. Напротивъ того весьма хотѣлось ему докончить уравненіе всѣхъ предметовъ и утвердить оное актомъ поручительства, для чего Министръ Россійскій имѣлъ уже и полномочіе. Съ прискорбіемъ узнали о нечаянномъ прекращеніи переговоровъ; съ пожертвованіемъ всѣхъ политическихъ видовъ, докончаніе начатаго дѣла представила на попеченіе Главы Имперіи, чтобы спасти Германію отъ замѣшательства и бѣдствій.

Географическое разстояніе было причиною, что Россія не возпрепятствовала занятію Ганновера, которое сначала казалось невозможнымъ по всѣмъ разсчетамъ нравственнымъ и политическимъ. Сіе происшествіе случилось внезапнымъ образомъ; инструкціи и представленія о немъ получены уже тогда, какъ Французское войско, вышедъ изъ границъ Голландскихъ, окончило свое дѣло, впрочемъ столь новое, столь безпримѣрное, дѣло, котораго не можно было ожидать даже отъ Французовъ и принятаго ими способа вести войну. Извѣстно всѣмъ, сколь настоятельныя представленія сдѣланы были отъ Россіи въ Парижѣ и при мно-

гихъ Дворахъ Европейскихъ о занятіи Ганновера. Она не обнажала меча, единственно для того, чтобы не подвергнуть крайнему разоренію нашего отечества, еще не изцѣлившагося отъ ранъ, нанесенныхъ войною.

Между тѣмъ, послѣ оскорбленія, сдѣланнаго Нѣмецкой Имперіи 15го Марта, АЛЕКСАНДРЪ ревностно вступился за Конституцію какъ въ Парижѣ, такъ и на Имперскомъ Сеймѣ. Россійская Ноша отъ 6го Мая, не вызывая на войну, не дѣлая угрозъ, подала средства къ миролюбному прекращенію несогласій. За нею слѣдовало 3го Іюля отъ Австріи объявленіе, послѣ котораго безъ дальнихъ размышленій можно бы Сейму приступить къ разсмотрѣнію Ношы и требовать отъ Франціи удовлетворительнаго объясненія. Сія Ноша не имѣетъ въ себѣ никакихъ признаковъ малодушнаго страха, достойна Главы Имперіи и служитъ самымъ лучшимъ похвальнымъ словомъ Россійскому заспупленію.

И такъ желаніе и Политика Россіи имѣютъ въ виду ненарушимое сохраненіе Люневильскаго трактата и послѣдняго Имперскаго опредѣленія. Сія Политика, защищающая слабыхъ отъ сиспемы округленія (aggrandicing), основывается на пользе

всѣхъ Чиновъ Имперскихъ и всѣхъ гражданъ вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ.

Да будетъ благословенно могущество Монарховъ, дѣйствующихъ по правиламъ столь великодушнымъ, столь человеколюбивымъ, столь спасительнымъ!

(Изъ Нѣм. Журн.)

II.

Вольность Британскихъ выборовъ.

Шумной, жаркими спорами сопровождаемой выборъ въ Парламентскіе Члены изъ Графства Миддлесекскаго, о которомъ недавно много было писано въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, гораздо болѣе заключаетъ въ себѣ важности, нежели какъ кажется съ перваго взгляда. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ характеристическимъ чертамъ національнымъ, которыми многое объясняется. Шумные выборы Парламентскіе въ Англіи происходятъ весьма часто; тогда Британская свобода обнаруживается во всемъ своемъ пространствѣ, и ни одинъ военной Чиновникъ не смѣетъ ее нарушить; между тѣмъ противники всячески стараются пощряшь своихъ

единомышленниковъ. Случаются многія неисповства, однакожь онѣ ограничиваются извѣстными правилами, и распри всегда прекращаются миролюбно.

При выборѣ Членовъ отъ Графства Миддлсекскаго въ Брентфордѣ политическія партіи были слишкомъ шумны. Г. Менваррингъ держался стороны Правительства, а Сиръ Франсисъ Бурдешъ принадлежалъ къ Оппозиціи, или сторонѣ противной Правительству. Сей послѣдній, одинъ изъ самыхъ неугомонныхъ крикуновъ Парламентскихъ, часто выходилъ изъ границъ благопристойности. Онъ былъ въ тѣсной связи съ извѣстнымъ начальникомъ бунтовщиковъ Ирландскихъ, Конноромъ, также съ Томасомъ Пайне и казеннымъ Полковникомъ Деспардомъ. Онъ явно признался, что въ нынѣшней Конституціи не видитъ ничего хорошаго, и выдалъ себя, какъ обыкновенно безпокойныя головы поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, за друга народа; слѣдствіемъ того было, что цѣлыя толпы черни взяли его сторону. Всѣ его Слова, исполненныя буйства и безчинія, приняты были отъ собранія съ благосклонностію и радостными криками; напротивъ Гна. Менварринга никто не хотѣлъ слушать, и Слова его были перерываемы въ самомъ

началъ. Сторона Оппозиціи подкрѣпляла Гна. Бурдета и старалась умножить число голосовъ въ его пользу, для того, чтобы досадить Министрамъ. Такимъ образомъ сей выборъ не только былъ сопровождаемъ спорами и страшнымъ шумомъ — ибо и Менваррингъ имѣлъ на своей сторонѣ много голосовъ — но и продолжался до шѣхъ поръ, пока въ пятнадцатой день, въ силу законовъ, надлежало кончить оной. На послѣдокъ Менваррингъ одержалъ побѣду надъ Бурдетомъ большинствомъ 5 ти голосовъ. Весь Лондонъ принималъ участіе въ окончаніи сего дѣла. Дорога отъ Лондона до Бреншфорда, особливо въ послѣдніе дни, была покрыта любопытными, неперпѣливо ожидавшими рѣшенія. Всѣ вообще, не исключая даже кучеровъ, одинъ у другаго спрашивали: кѣмъ одержалъ верхъ? Чернь готова была предаться разнымъ неистовствамъ; но Полиція приняла всѣ нужныя мѣры и постаралась, что ничего не произошло важнаго, кромѣ — въ нѣкоторыхъ домахъ выбишы окна. Знатнѣйшія особы, живущія на шѣхъ улицахъ, по которымъ ходили толпы, изъ предосторожности иллюминировали свои дома. Менваррингъ, поблагодаривъ крапкою Рѣчью избирателей, спокойно отправился въ Лондонъ; въ ту же

ночь все утихло, и всѣ радовались, что человекъ такихъ правилъ, какъ Бурдетъ, не постыдилъ вольности Британскихъ выборовъ.

III.

Цезарь, Кромвель и Бонапартъ. Параллель.

Поработишь народъ именемъ вольности, предашья всѣмъ злодѣянїямъ, твердя о добродѣтели: вопль первыя начала науки Революціонной! Извѣстно, какую силу имѣютъ слова надъ умами толпы народной; но еще, можетъ быть, не довольно примѣчено, сколь далеко простирается сила ихъ въ отношенїи къ шѣмъ, копорые почишаютъ себя чуждыми общихъ предразсудковъ, потому что воспользовались ими.

Цезарь — копораго, за его дарованїя и добродѣтели, не должно ставишь на ряду съ щаспливыми злодѣями, извѣстными подъ именемъ *лохитителей* — Цезарь, обладатель неограниченый Владыкъ мїра, пожелалъ носитъ шипло, копорое, не увеличивая его власти, могло возбудишь въ сердцахъ Римлянъ чувство независи-

мости, еще не совсѣмъ погасшее. Онъ захотѣлъ быть Царемъ, захотѣлъ возложить на себя корону въ той самой Капитоліи, въ которой первый Брушъ основалъ власть Консульскую на развалинахъ Монархіи. Римляне, пресмыкавшіеся у ногъ Диктатора, возненавидѣли его въ достоинствѣ Царя — и день Идъ мѣсяца Марта былъ роковымъ днемъ для завоевателя Галліи.

Мрачный, дальновидный Кромвель, не столь великодушный, не столь знаменитый, какъ Цезарь, но, можетъ быть, болѣе глубокомысленный, обагривъ руки въ крови законнаго своего Монарха, старался возложить на себя почтенное шило, о которомъ прежде многократно говорилъ съ презрѣніемъ. Думаютъ, что тайные друзья Королевскаго достоинства вперили въ него желаніе заставить Парламентъ объявить его Королемъ; они надѣялись, что сей поступокъ неминуемо приблизитъ часъ его паденія. Кажется, что Протекторъ сперва дался — было въ обманъ. Въ 1657 году Парламентъ поднесъ ему корону; но Геній — хранитель Кромвелевъ, которой, по щастію, не всѣмъ злодѣямъ въ удѣлъ достается, показалъ ему угрожающія бѣдствія. Кромвель почувствовалъ, что онъ управляетъ съ

деспотическою властію подѣ именемъ Протектора, чпо шшло Королевское не усугубить его могущесва, но чпо на-прѣшивъ того сіе шшло поселить ненависть къ нему во многихъ фанатикахъ, кошорые слово: *Республика*, такъ сказать, неразлучно соединили съ новыми понятіями Религіи. Онъ опрелся отъ короны, кошорую велѣлъ было поднести себѣ, и сіе опреченіе утвердило въ рукахъ его власть неограниченную, кошорою онъ пользовался до самой смѣрти. — „Англичане“, говоритъ Вольперъ, слѣдуя мнѣнію Монпескье, „знали, до какой степени „должны просшираться права Королей „ихъ, и не знали границъ власпи Протектора.“

Е. Бонапарте, подобно Цезарю уни-чтожилъ Республику, подобно Кромвелю возхитилъ престолъ своего Государя; подобно тому и другому, покусился присвоить себѣ Царское достоинство — но здѣсь оканчивается сравненіе. Цезарь, произшедшій отъ одной изъ знатнѣйшихъ Римскихъ фамилій, простившій враговъ своихъ, бывъ въ состояніи мстити имъ, надѣялся, что добродѣтелями Государя заставитъ Римлянъ забыть злодѣянїя похитителя. Кромѣ того, ему не надобно было страшиться возвращенія любимой

Царской фамиліи, которая могла бы объявить законныя права на престоль, имъ занимаемый. Напротивъ, Кроивель зналъ, что большая часть народа тайно привержена къ Карлу II.; онъ предвидѣлъ, что, назвавшись Королемъ, вооружилъ бы противу себя Республиканцевъ, не выигрывая ничего у Роялистовъ, и для того отказался отъ короны, почитая оную пагубнымъ приношеніемъ. Г. Бонапарте разсудилъ за благо поступить совсѣмъ иначе: онъ дерзнулъ стать на ряду съ Государями; но мы увѣрены, что онъ отъ страха не назвался Королемъ Французовъ.

Г. Бонапарте польстилъ себя надеждою, что титуло Императорское, новое для Французовъ, не возбудитъ въ нихъ, подобно Королевскому, напомниманій, для него страшныхъ. Народъ, не учась Исторіи, знаетъ по преданію, сколь велики, сколь милосерды были прежніе Короли Франціи. Генрикъ IV. и Лудовикъ XIV. еще въ свѣжей памяти; имя Бурбоновъ неразлучно во Франціи съ именемъ Короля. Странно слышать, что сынъ приказнаго служителя города Аяччіо принимаетъ на себя титулъ Императорскій; однакожь намъ извѣстно, что сей титулъ Римскіе солдашы продавали съ аукціона. Но можно

ли было бы смотрѣть равнодушно, есѣли бы Г. Бонапарте возложилъ на себя санъ и достоинство добродѣтельного Лудовика XIV. — сей санъ, которой сдѣлали столь почтеннымъ, столь любезнымъ для Французовъ Лудовикъ VI., Филиппъ Августъ, Лудовикъ IX., Лудовикъ XII., Францискъ I., и другіе великіе Монархи, прославившіе Домъ Французскій?

Подивися щастливой судьбѣ Гна. Бонапарте. Принявъ шитло Императорское, по особливымъ своимъ разсчетамъ, онъ заставилъ Государей слѣдовать его примѣру. Наслѣдникъ Дома Австрійскаго превращаетъ Эрцгерцогство въ Имперію, и къ вѣнцамъ, пріобрѣтеннымъ въ минувшемъ столѣтіи его Фамиліею, присоединяетъ Императорскій наслѣдственный.

Есѣли прочіе Государи захопѣли бы подражать сему примѣру; есѣли на примѣръ Короли Европейскіе — видя, что Францъ II. возвелъ въ достоинство Имперіи простую Провинцію, которой Владѣтель есть непосредственный Васаллъ Нѣмецкаго Императора — захопѣли бы каждой одну изъ своихъ обласпей превратить въ Имперію, тогда....

Заклучимъ анекдотомъ, кошорой, при всей маловажности своей, кажется, можетъ имѣть отношеніе къ нашему предмету. Известно, что Португальцы ненавидятъ Испанцевъ, прежнихъ своихъ обладателей. Нѣкогда одинъ Грандъ Испанскій, разговаривая съ Португальскимъ вельможею, примѣшилъ, что сей послѣдній величаетъ его титуломъ, высшимъ его званія. Крайне удивляясь смиренію Португальца, Испанецъ спросилъ о причинѣ онаго. „Для меня всѣ титулы равны,“ отвѣчалъ Португалецъ: „лишь только не хочу имѣть общаго съ Испанцемъ.“

(Изъ Англ. Вѣд.)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Недавно сочинители Нижне - Рейнскаго Курьера жаловались, что никогда не было недостатка подобнаго нынѣшнему въ важныхъ происшествіяхъ, и никогда не было труднѣе сдѣлать Журналъ занимательнымъ для Публики. „Газеты Англійскія, Французскія, Нѣмецкія и Сѣверныя содержатъ въ себѣ шпаты, служащія

только для наполненія страницъ. Можно подумать, что весь земной шаръ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ, между тѣмъ, какъ двѣ сильныя націи ведутъ разорительную войну между собою и угрожаютъ одна другой конечнымъ разрушеніемъ. Благо было бы человѣчеству, есплибъ сія пишина не показывала признаковъ грозной бури.“ Къ ушѣшенію Господь Рейнскихъ Журналистовъ, и къ нещасію человѣческаго рода, скоро лиски ихъ — увы! и наши — украсятся донесеніями о кровопролитіяхъ. Всѣ признаки показываютъ близкой разрывъ между Англіею и Испаніею. Купцы Лондонскіе, имѣющіе торговыя связи съ Южною Европою, формально спрашивали у Лорда Гарровби: „должноли полагаться на слухи о приближающейся войнѣ съ Испаніею?“ и получили въ отвѣтъ отъ Министра, что оба Двора теперь находящіяся не очень въ добромъ согласіи между собою, что въ Испанскихъ гаваняхъ дѣлаются великія вооруженія, что о причинѣ оныхъ не получено никакого удовлетворительнаго объясненія, и что совѣтуетъ купечеству взять нужныя предосторожности по сему предмету. Надобно признаться, что Испанское правительство выбрало для себя время самое невыгодное

для войны. Разпространяющаяся внутри Королевства желтая лихорадка, недостатокъ въ хлѣбѣ по причинѣ неурожая въ нынѣшнемъ лѣтѣ, возмущенія въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, суть обстоятельства неблагопріятельствующія для начатія и продолженія войны съ успѣхомъ. Если вѣришь нѣкоторымъ Англійскимъ газетамъ, то, по вновь заключенному трактату между Франціею и Испаніею, первая обязала послѣднюю помогать дѣятельнѣйшимъ образомъ въ нынѣшней войнѣ противъ Англичанъ, за что обѣщается съ своей стороны признать Его Капюлическое Величество Императоромъ Испаніи и увеличить Его владѣнія присоединеніемъ къ нимъ Португалліи. Не смотря на всѣ сіи непріятныя извѣстія, Испанскій Посолъ, Кавалеръ Андуга, нынѣ еще находится въ Лондонѣ и имѣетъ весьма частыя сношенія съ Лордомъ Гарровби; однакожь войну, вообще почитаютъ неизбежною. Въ Морскомъ Департаментѣ Англійскомъ видна необыкновенная дѣятельность; всѣ Королевскія и даже многія частныя корабельныя верфи заняты построеніемъ или починкою кораблей Увѣряютъ, что въ теченіи будущаго мѣсяца Бриганская морская сила увеличена будетъ тридцатью линейными кораблями.

Сїи и другїя обстоятельство отклоняють всякое сомнѣніе въ томъ, что между Англіею и Швеціею заключенъ наступательный и оборонительный союзъ, по силѣ котораго Король Шведскій обязанъ умножить свои силы морскія и сухопутныя. — Королевскою прокламаціею подписанною въ Веймутѣ, засѣданіе Парламента отложено до 27 Ноября.

По извѣстіямъ изъ Франціи - по 2 е число Октября Г. Бонапарте все еще находился въ Майнцѣ. Мы слышали прежде, что никто не знаетъ, когда и куда онъ поѣдетъ; теперь не болѣе о томъ извѣстно. Однакожь полагаюшъ, что онъ отправится прямо въ Булонь, а его супруга поѣдетъ въ Парижъ. Курфюрсты, Принцы и Принцессы не прежде оставятъ Майнцъ, какъ по отъѣздѣ Гна. Бонапарте. Нѣмецкіе Князья принимаемы были отъ Гна. Бонапарте съ обрядами, которые нѣкогда были употреблены при Дворѣ Версальскомъ. На Майнцкомъ театрѣ придворные Парижскіе актеры ежедневно давали представленія: играны были образцовыя произведенія первыхъ Французскихъ Трагиковъ, какъ то: Федра, Цинна, Горацій, Бязешъ. Г. Бонапарте сдѣлалъ тестъ многимъ Нѣмецкимъ Госуда-

рямъ, пригласивъ ихъ въ Парижъ на случай своего коронованія; увѣряюшъ даже, что и Курфирсту Пфальц - Баварскому сдѣлано такое же приглашеніе.

Сочиненіе новой Конспитуціи для Батавской Республики не подвержено никакому сомнѣнію. Сказано было прежде, что Г. Бонапарте отозвалъ изъ Гаги Посла своего Г. Семонвиля, для показанія, что онъ не намѣренъ имѣть участія въ новой перемѣнѣ. Однакожь Г. Семонвиль, украшенный знаками Почетнаго Легіона, опять возвратился изъ Майнца на прежнее мѣсто. Достойно особливаго примѣчанія, что его одного только и ожидали для начатія предполагаемыхъ важныхъ перемѣнъ государственныхъ.

По письмамъ изъ Италіи видно, что Французы усиливаютъ свои войска въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Папа извѣстилъ уже Гна. Бонапарте, что 28 числа Сентября предпріиметъ путешествіе въ Парижъ. Вице-Президентъ Италіанской Республики, Г. Мельчи, встрѣтитъ Его Святѣйшество въ Плаченціи и проводить до границъ Франціи. Слухи носяся о новыхъ разпоряженіяхъ, о замѣнѣ прежнихъ областей Венеціанскихъ Сербіею, Босніею, Турецкою Кроаціею и ма

лою Валахією. Не утверждая ничего за-
дошворное, скажемъ, что настоящее
положеніе дѣлъ въ Европѣ сообщаетъ бо-
гатую жатву для политическаго часа
нашего Вѣспника.

*

*Общество гужестранной Миссіи Проте-
стантской, пребывающее въ Лондонѣ, напе-
чатао объявленіе о полученныхъ имъ извѣ-
стіяхъ отъ своихъ Агентовъ изъ странъ
отдаленныхъ. Оно получило изъ острова
Таиши дневныя записки отъ 1го Октя-
бря 1802 года по 2е Сентября 1803го.
Миссіонеры выучились тамошнему язы-
ку, и въ каждое Воскресенье проповѣды-
ваютъ Слово Божіе. Число слушателей ихъ
бываетъ не равное, иногда много, иногда
мало. Однажды нащисали ихъ до 3700.
Однакожь честные Отцы жалуются, что
большая часть островитянъ слушаетъ
хладнокровно ихъ поученія, а нѣкоторые
даже насмѣхаются надъ ними. Вообще
сія Миссія не имѣла еще большаго успѣ-
ха; но надѣются, что впредь дѣло пой-
детъ гораздо лучше. Война и болѣзни
уменьшили населеніе Таиши. Король По-
марь скончался; его наследникъ Идѣагъ
обѣщаль свое покровительство Миссіо-
нерамъ.*

*

Одинъ Миссіонеръ, путешествующій во внутренности Африки, пишетъ слѣдующее: „Я живу теперь между Бригадами, на берегу рѣки Кромана, разстояніемъ отъ рѣчки Оранжа на двенадцать дней пути, подъ 25 мь градусомъ Южной широты. Бригады просвѣщеніе всѣхъ прочихъ народовъ, обитающихъ въ сей часли Свѣта. Убийства и воровства не слышно между ними. Они рѣдко воюютъ, признаютъ бышіе Верховнаго Существа, обрѣзываютъ дѣтей своихъ, не поклоняются идоламъ, обрабатываютъ поля и сами дѣлаютъ земледѣльческія орудія; ими управляютъ Цари; языкъ ихъ весьма пріятенъ. Въ каждыя двѣ недѣли я объѣзжаю верхомъ на лошади все сосѣдство. Проповѣдываю Евангеліе съ помощію переводчика, и имѣю 150 слушателей.“

Другой Миссіонеръ, пребывающій въ Китаѣ, въ письмѣ въ Парижъ, къ бывшему начальнику чужестранныхъ Миссій пишетъ, что Религія Католическая часъ отъ часу разпространяется въ оной великой Имперіи, но что для дальнѣйшихъ успѣховъ и для облегченія трудовъ весьма нужно прислать въ Китай Проповѣдниковъ, которыхъ теперь тамъ находиш-

ся очень не много. Наконецъ продолжаетъ Миссіонеръ: „Мы не слышимъ уже о гоненіяхъ и наслаждаемся спокойствіемъ, а сіе спокойствіе доставляетъ намъ много обращаеваемыхъ. Въ Сутшуенской Провинціи, въ продолженіи нынѣшняго года, окрещено опасно больныхъ младенцевъ невѣрныхъ 4919; взрослыхъ 4080 приняли Католическую вѣру. Г. Траншань, Епископъ другой Провинціи, извѣспилъ меня, что Священники въ его Епархіи окрестили 500. человекъ взрослыхъ и 700 огласили.“ Тотъ же Миссіонеръ надѣется, что Король Кохинхины, владѣющій и Тонкиномъ, скоро издастъ повелѣніе въ пользу Христіанской Религіи.

Конецъ XVI Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е
С Е М Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .

С Е Н Т Я Б Р Ъ . № 17.

	Стран.
I. Диогенова бочка. Повѣсть, соч. А. Л. Фонтеня. - -	3
II. Шрифтъ Контентинъ польскій. -	27
III. Окружное письмо отъ провинці- а отъ 120 жителя къ его пріятель- ямъ. - - -	34
IV. Нѣкоторыя примѣчанія объ ирку- тскихъ рубнѣхъ измѣнѣхъ. -	41
V. Мецдевъ, П. повѣдникъ Якобин- скаго равенства въ Персіи, жмущій въ VI столѣтіи. -	45
VI. Мысли. - -	53
VII И юрическій Анекдотъ. -	54
VIII Виллеръ и Маблан, разговоръ въ церковѣ мертвыхъ. -	58
IX. Делъландова похвала Физикѣ, и замѣчанія тогожъ Автора о большихъ городахъ. -	64
X. Сжѣсь. - - -	67
XI. Парижскія Моды. -	70
XII. Перечень известій изъ Лондона съ 10 го по 24 е Августа. -	73
Перечень известій изъ Парижа съ 10 го по 24 е Августа. -	78

С Е Н Т Я Б Р Ъ. Но 18.

	Стран.
I. Любовники безъ любви. - -	83
II. О нравахъ, обыкновеніяхъ и забавахъ Португальцевъ. - -	126
III. Письмо Новерра къ главному Администратору Парижской Оперы. - -	135
IV. Новыя заблужденія извѣстнаго Мерсье. - -	139
V. Одной любезной Дамѣ, которая въ день именинъ Автора подарила его снуркомъ для часовъ, и извинялась, что даритъ бездѣлкой. - -	142
VI. Смѣсь. - -	—
VII. Благодаренія войны. - -	151
VIII. Письмо отъ Генерала Моро къ его брату, Трибуну въ Парижѣ. - -	169
IX. Извѣстія и Замѣчанія. - -	
Парижъ - -	175
Лондонъ. - -	177
Италія. - -	179
Туреція. - -	181

О К Т Я Б Р Ъ. Но 19.

I. Краткое начертаніе Сибирской Исторіи. - -	183
II. Сокращеніе письма изъ Рима. - -	213
III. Взглядъ на Благородный Пансіонъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. - -	223

	Спран.
IV. Благодаренія войны. (Окончаніе.)	240
V. Письмо изъ Лондона.	253
VI. Извѣстія и замѣчанія.	257

О К Т Я Б Р Ъ. Но 20.

I. Дѣйствія, или нѣжнлѣ дружбѣ двухъ с стерт.	264
II. Отрывки, содержащіе нѣкоторыя любопытныя подробности о Тур- ц и, Сири и Египтѣ. Окончаніе.	289
III. Обрядъ погребенія у крозовъ.	310
IV. Чудеса.	314
V. Смѣсь.	317
VI. Письмо къ Издаателямъ.	322
VII. Взглядъ Нѣмецкаго Патриота на Россію.	325
VIII. Воляность Британскихъ выходовъ	332
IX. Цезарь, Кроуверъ и Бонапартъ. П р а в д а.	335
X. Извѣстія и замѣчанія.	340